Сергей Соловьев

Те, с которыми я...

Александр Абдулов

Необыкновенное чудо

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Александр Абдулов – романтик, красавец, любимец миллионов женщин. Его трогательные роли в мелодрамах будоражили сердца. По нему вздыхали поклонницы, им любовались, как шедевром природы. Он остался в памяти благодарных зрителей как чуткий, нежный, влюбчивый юноша, способный, между тем к сильным и смелым поступкам.

Его первая жена – первая советская красавица, нежная и милая «Констанция», Ирина Алферова. Звездная пара была едва ли не эталоном человеческой красоты и гармонии. А между тем Абдулов с блеском сыграл и множество драматических ролей, и за кулисами жизнь его была насыщена горькими драмами, разлуками и изменами. Он вынес все и до последнего дня остался верен своему имиджу, остался неподражаемо красивым, овеянным ореолом светлой и немного наивной романтики…

- Сергей Александрович Соловьев
  - От издательства
  - ТЕ, С КОТОРЫМИ Я…
    - Народный Артист
  - МОНОЛОГ ДЛИНОЮ В ТРИДЦАТЬ ЛЕТ
  - ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ
    - Марк Захаров
    - Сергей Соловьев
  - Приложения
    - Работы в театре «Ленком»
    - Антрепризные спектакли
    - Работы в кино
    - Режиссерские работы
    - Сценарные работы
    - Продюсер
    - Звания и награды
  - Вклейка

Сергей Александрович Соловьев
Александр Абдулов.
Необыкновенное чудо

От издательства

Александр Гаврилович Абдулов – актер, режиссер, придумщик, любимец миллионов. Его жизнь – безусловный повод для того, чтобы эта книга увидела свет. Книга о по-настоящему Народном артисте.

Абдулов помышлял о том, чтобы написать подробные и обстоятельные мемуары, и даже определил форму будущего текста. Это должны были быть диалоги с отцом, словно пронзающие время, оборачивающие его вспять…

Когда мы готовили к изданию эту книгу, то действовали подобно абдуловской задумке – извлекали из прошлого времени прямую речь артиста. И вот перед вами его монолог, протяженность которого – тридцать лет без малого. Все симптомы и оттенки прошедшего давно и недавнего нашего прошлого так или иначе упомянуты, прокомментированы, либо обозначены на этих страницах. Некоторые подробности и обстоятельства жизни Александра Гавриловича Абдулова мы опустили сознательно. Потому что он сам говорил о них не слишком охотно, или же по причине того, что сказанное, к примеру четверть века назад, сегодня рождает совсем иной контекст. Ибо время меняет нас чаще и основательней, чем мы меняем время…

В тексте иногда встречаются дублированные описания отдельных событий жизни актера. Они оставлены сознательно для того, чтобы внимательный читатель имел возможность в нюансах узнать об обстоятельствах жизни Александра Гавриловича.

Первая часть настоящего издания – эссе Сергея Александровича Соловьева составленное по мотивам его фильма об артисте Александре Абдулове, из цикла «Те, с которыми я», подготовленного к показу студией «С.С.С.Р.» для телеканала «Культура» в 2010 году.

Зачастую случается так, что информационные проекции жизни известных людей, имеют крайне косвенное отношение к реальности, или вовсе не слишком правдивы.

Эта книга – камень в основание подлинного мифа, о подлинно Народном артисте Александре Абдулове.

ТЕ, С КОТОРЫМИ Я…
Сегей Соловьев об Александре Абдулове

Народный Артист

Саша Абдулов появился на артистическом горизонте Москвы, а потом и всего Советского Союза, совершенно неожиданно. Появился, как колоссальная летучая звезда, как какой-то метеорит. Все рассказывали друг другу легенды, еще не видев его. И мне рассказывали эти легенды, я их слышал: «Там в Ленкоме у Захарова появился такой артист, мама дорогая, мама дорогая, мама дорогая!» – «А в чем мама дорогая?» – «Мама дорогая в том, что он круче, чем Жерар Филип». Я спрашиваю: «А в чем крутизна-то?» – «Крутизна? Ооочень красивый, очень, очень. У нас таких артистов давным-давно не было. Красота невиданная, нетленная, невероятная. Очень прекрасен». Он правда был поразительно красив, поразительно эффектен, поразительно для тех лет – я даже скажу это смешное слово – «гламурен». Он был гламурно красив. Именно в силу этого меня лично он совершенно не интересовал, ну ни с какого боку. Равно как и Жерар Филип. Я мог со стороны посмотреть и сказать: «Да, очень Фанфан, и очень Тюльпан». Но лично мне ни этот Фанфан, ни этот Тюльпан был ни к чему. Меня как-то больше привлекал, ну скажем, Мишель Симон. Вот этот тип артистизма, когда невозможно отвести глаз – не от красоты, и не от Фанфан, и не от Тюльпан, а от уникума человеческой личности. Вот это на меня производило неизгладимое впечатление.

Кстати, опять-таки о французском кино. Шарль Азнавур у Трюффо совершенно невероятен в картине «Не стреляйте в пианиста». Вот этот тип человека и мужчины ужасно мне был интересен.

Так мы, толкаясь, в одной, не такой уж огромной и необозримой артистической среде Москвы, провели в абсолютном равнодушии по отношению друг к другу лет десять. Ну, я не считал – может, лет восемь, какая разница? Самое главное, ему были до лампочки совершенно все мои эти самые «Сто дней после детства» и «Спасатели». А мне были до фени все его фанфан-тюльпанизмы. Бог с ним, думал я.

Сидели мы как-то в ресторане Дома кино. Артистическая среда города Москвы. А это был один из эпицентров, самых «крутых» эпицентров, артистической среды Москвы. Сидели мы с Сашей Кайдановским вечером, и пили мы, извините, водку. По какому поводу? По поводу того, что Саша, на мой взгляд, сошел тогда с ума и сказал: «Я завязываю…» А Саша был выдающийся, потрясающий артист. «Я завязываю со всем этим выдающимся артистизмом, и буду я заниматься кинорежиссурой». И еще так

сложились обстоятельства… На самом деле Саша Кайдановский был единственный абитуриент Тарковского. То есть Тарковский набирал на Высшие режиссерские курсы. Много-много-много народу пришло к нему. Много-много людей сдавало какие-то экзамены, рассказывали про то, как они любят картину Репина «Бурлаки на Волге» и одновременно Сальвадора Дали. Все это Андрей Арсеньевич пропускал мимо ушей. Пока не дошел до Саши. Заходит Саша, хорошо известный ему физиогномистически по съемкам в кинокартине «Сталкер». И Андрей его спросил: «Саша, что?» На что Саша сказал: «Я вот хочу быть кинорежиссером». – «Это не слабо», – сказал Андрей Арсеньевич Тарковский. Не знаю, о чем он его спрашивал. Но единственный студент, которого принял Тарковский к себе на курс, был Саша Кайдановский. Огромнейший интеллектуал, огромнейший. Я не видел ни одного текста – неважно, типографски напечатанного или на машинке, которого бы не прочитал и не усвоил Саша. Это было что-то невероятное с точки зрения, мощного интеллектуализма. И они с Андреем, видимо, поговорили о чем-то умном. Андрей сказал: «Да, да. Ты будешь у меня учиться». Он его принял и тут же уехал в Италию. И в Италии понял, что ему нужно сейчас там пересидеть какое-то время и не возвращаться на поле битвы с партийно-государственными органами. И остался там. А Саша Кайдановский остался без мастера. Вспомнили случайно про меня, потому что я дружил с Сашей, был знаком с Андреем. Андрей в какой-то приписке к какому-то письму написал мне: «Пока я не вернусь, возьми, пожалуйста, Сашу». Вот так я взял Сашу.

Как раз по этому поводу мы и пришли с ним в ресторан Дома кино, купили бутылку водки с какими-то закусками. Сидели очень интеллектуально, выпивали эту самую водку. Когда подошел «Фанфан Тюльпан» – Александр Гаврилович Абдулов, мы сидели вдвоем. А свойство было такое у Дома кино: садишься вдвоем, а потом обрастаешь, обрастаешь, обрастаешь людьми, и получается такая артистическая среда. Вот для образования артистической среды к нам и подсел Саша Адбулов. Шел он откуда-то куда-то, как всегда с неясными целями. В отличие от Саши Кайдановского, Саша был не большой интеллектуал, и как-то он никогда не высказывал особой привязанности и приязни к печатному слову как таковому. Не говоря уже о том, чтобы его прочитать, усвоить… Вообще, он недолюбливал печатное слово. Шел он с коробкой, а в коробке был торт. И сел он с этой коробкой к нам за стол. По-моему, между делом сказал: «Извините, я вам не помешаю?» Не дождавшись ответа, стал говорить, что идет к кому-то с тортом на день рождения. Развязал

коробку, начал рассказывать, как он туда засунет свечки, как все будут дуть, страшно при этом хохотал, очень был похож на Фанфана Тюльпана. Чем у Кайдановского вызывал недобрые чувства. Я сомневаюсь, что Кайдановский очень любил Фанфана Тюльпана и Жерара Филипа, и соответственно Сашу. Так мы довольно напряженно молчали. А Саша все объяснял нам про торт.

И вот в течение разговора он достал откуда-то снизу крышку от коробки, которой закрывался торт. Достал эту крышку и надел почему-то ее мне на голову. И вот я в таком состоянии, с коробкой на голове, стал дальше участвовать в беседе. Вдруг Саша Кайдановский со всей высоты своего интеллектуализма сказал: «Я тебе, Саша… сейчас дам в глаз. Потому что либо ты дурак, либо я не знаю, кто еще. Ты понимаешь, кому ты надел на голову коробку?» Имелось в виду конечно, то, что я у него как бы теперь учитель. И даже, может быть, и не из-за меня Саша возмутился, а из-за отсутствующего Андрея Арсеньевича Тарковского. Саша Абдулов говорит: «А чего такого? Ему очень идет коробка. Он очень симпатичный в этой коробке. Правда, симпатичный в этой коробке? Ну улыбнись мне, улыбнись!» Я ему улыбнулся, он мне улыбнулся. Саша Кайдановский говорит: «Ну точно я тебе дам в глаз. Ну точно. Ты просто напрашиваешься получить в глаз». Абдулов отвечает: «Я чего? Я ведь тоже могу в глаз дать. Я тоже как бы очень способный в этом смысле молодой артист». А мне очень понравилось из-под этой самой коробки смотреть, как Саша Абдулов реагирует на, в общем-то, довольно хитроумную ситуацию. И я не настаивал на том, чтобы мне немедленно сняли эту коробку. Наоборот, я уже в ней пообвыкся и продолжал наблюдать за этой сценой, не представляя, чем она закончится. Закончилась она, как ни странно, мирно. Саша Абдулов сказал: «Ребята, не станем же мы ссориться из-за какой-то дурацкой коробки. Хочешь, Саша, – сказал он Кайдановскому, – я ее сниму и надену на голову себе? Так тебя устроит?» И как-то мы выпили еще по рюмке водки. И вся конфликтная ситуация с грядущим мордобоем неизбежным рассосалась. И мы рассосались. И все рассосалось. И все почти позабылось. Если бы в это время я не писал сценарий фильма «Черная роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви».

Там у меня был один герой. Он был не очень большого ума человек, но очень большой души. И был это человек исключительно сердечных и сиюсекундных эмоций. Бывают сиюминутные эмоции, а бывают сиюсекундные эмоции, очень добрые, очень славные, очень нежные, очень хорошие, про которые в следующую секунду мой герой и забывал. Почему-то,

когда я писал сценарий, я сначала все время думал про Андрея Макаревича. Абсолютно не хочу сказать ничего плохого про Андрея Макаревича, как не хочу сказать ничего плохого и про Сашу. Я просто рассказываю о своих каких-то странных ощущениях. Но после того случая, когда я посидел в Сашиной коробке и увидел Сашины реакции, я для себя решил: буду снимать только Сашу, только-только-только Сашу. Я позвонил Саше и сказал: «Саша, я бы хотел пригласить тебя в новую картину, которую я снимаю, “Черная роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви”». Саша спрашивает: «А про что картина?» Я говорю: «Ну я дам почитать сценарий». Он говорит: «Да ну, дело не в том. Что там читать сценарий?» Очень не любил читать сценарии.

Саша даже долгое время после выхода фильма «Десять негритят» Говорухина, где он играл большую роль, ко мне приставал: «Слушай, расскажи, чем там дело кончилось в “Десяти негритятах”». Кто был этот подлец-то, который всех мочил?» Я говорю: «Саш, ты что, обалдел? Ты же снимался в этой картине, сценарий читал». Он говорит: «Нет, я сценарий читал только до той поры, пока меня не убили. А меня убивают, по-моему, не то на десятой, не то на двенадцатой странице. Так что там было дальше, я совершенно не знаю. Ты-то смотрел ведь Таньку до конца. Расскажи, чем там кончилось. Мне дико интересно».

И вот он говорит: «Неее… сценарий». Я говорю: «Это такая…» – «Ну как, как бы вы мне ее (не «вы», «ты» – не помню, как-то после коробки, по-моему, на «ты» сразу перешел). Как бы ты мне сформулировал, про что картина?» – спрашивает Саша. Я говорю: «Ну понимаешь…» И я вдруг понял, что самая прямая и ясная характеристика картины такая: «Это как бы вторая серия “Ассы” Он говорит: «Да, все. Понял. Я все, я приду, я снимаюсь». Я спрашиваю: «А договор?» Он говорит: «Это не имеет ни малейшего значения. Когда съемка?» Позвонила ему ассистентка, сказала, когда съемка. Он, что очень странно, опоздал на 15 или на 20 минут. Саша никогда не опаздывал ко мне на съемки. Тут он опоздал, пришел, извинился. Я говорю: «Саш, ну что ж ты, ну елки-палки? Ты же видишь, мы тут…» Он говорит: «Ну что я вижу? Я же ничего не знаю, я думал, вы там сидите, что-нибудь по системе Станиславского друг другу рассказываете. А никакой системы Станиславского я тут у вас не вижу. Все чего-то орут, бегают». Я говорю: «Саша, пойди быстро загримируйся и приходи сюда». – «А что надевать?» – спрашивает. Я говорю: «Там все для тебя приготовлено: плащ, там все». – «А кого я играю?» – «Саша, потом разберемся, кого ты играешь». Саша пошел, быстро-быстро переоделся, что-то там сделал. У него были совершенно

потрясающие гримерные свойства, или самогримерные свойства. Он, если вчера вечером, допустим, чего-то себе позволил не совсем такое в пользу Фанфана Тюльпана, то он как-то быстро что-то подмахивал, что-то подмазывал. И опять Фанфан Тюльпан. Но он уже пришел ко мне вот в этом костюме, слегка такой придурочный Фанфан Тюльпан. То есть Фанфан Тюльпан, которого ненадолго посадили в психуху. И как я внутренне для себя решил, что он сидел в этой психухе, а на соседней койке там лежал голый по пояс, весь в татуировках… тьфу ты… Мишель Симон. И у них случилась дружба. Это такое внутреннее зерно его роли я для себя определил. И когда Саша пришел и спросил: «Так, я кто?» Я говорю: «Ты Саша». Он снова: «Нет, я кто?» Я говорю: «Ты Вова». Он говорит: «Ну вот, уже понятно, что я Вова. А чем я занимаюсь?» Я говорю: «Вова, какая тебе разница?» Он говорит: «Я не Вова, я Саша». Я говорю: «Это не имеет никакого значения». Он опять: «Чем я занимаюсь?» Я говорю: «Хрен тебя знает, чем ты занимаешься». Саша спрашивает: «Вова чем занимается?» Я говорю: «Вова занимается модельным бизнесом». – «О, это очень хорошо, – сказал Саша, – модельный бизнес, Вова, – кое-что мне становится ясно». Я говорю: «Саша, у меня сейчас нет времени больше с тобой искать зерно роли, мы его уже нашли, поэтому ты сейчас ложись на спину, прямо на пол, поднимай вверх ноги, руки и делай так – уа-уа-уа». Настала страшная тишина. Он говорит: «А вы что (тут он, по-моему, на «вы» даже перешел), вы что, в своем уме?» Я говорю: «В каком смысле?» Он говорит: «Понимаете, что я актер очень высокого калибра? Я не могу просто так падать на спину, поднимать руки и ноги и делать уа-уа. Я должен понимать, зачем я делаю уа-уа. С какой целью я делаю уа-уа? С какой целью я вообще к вам пришел – уа-уа? Ну да, я Вова, да, я манекен, но…» Я говорю: «Саша, я тебя умоляю, ты опоздал на 15 минут. Сейчас ты занимаешься демагогией. Сначала ляг, сначала сделай уа-уа, а потом мы с тобой разберемся, кто ты по большому счету, кто по маленькому, по всякому. Все будет хорошо. Ложись, делай!» Саша раздумывал: может быть, дать мне в глаз, потому что эта ситуация еще не полностью рассосалась, а может быть, упростить все да и лечь на спину, поднять руки, ноги и сделать уа-уа? Он прекратил дискуссию, лег на пол, и гениально поднял руки и ноги, и гениально сделал уа-уа-уа. С этой поры у нас началась дружба. И когда мне нравилось что-то, что Саша делает на площадке, я ему подмигивал: «Саша, уа-уа, уа-уа!» Он отвечал: «Уа-уа, уа-уа». Так мы и работали. У меня часто спрашивают: «Как вы работали с Абдуловым?» Вот так. Другой работы я не припомню.

Всю картину я дивился тому, что Саша за человек, потому что

у меня и не было возможности специально оценить, какой он актер, как он понимает задачи, как, так сказать, гнет какую-то сквозную линию. Ни хрена он не гнул сквозной линии. И вообще линии не было никакой. И вообще сутью всего этого дела была потрясающая ртутность характера, ртутность души, изменчивость, легкость. То есть он делал черт знает что, и одно не уживалось рядом с другим. Он одновременно мог быть добрым, нежным, уродом, моральным, физическим, фанфан тюльпаном. И все это мгновенно менялось. За этим было страшно интересно следить. И конечно, вот эта характеристика личности, которая выражалась в его абсолютном личностном антидогматизме. То есть я не помню, чтобы Саша отстаивал хоть-какую-то там, неважно, тупую или благородную идею. Саша жил. Он смотрел на белый свет, как он меняется. Он страстно и страшно талантливо умел в эти изменения войти, их поймать и меняться вместе с ним, с этим белым светом. Они, конечно, были родственниками, близкими родственниками – Саша и живая жизнь. Вот это, может быть, самое главное в Саше, то, что Саша был… мне даже трудно говорить, что он был замечательным актером. Он был замечательным актером, но это ни о чем не говорит. Саша был замечательным экземпляром и замечательным представителем живой, вечно меняющейся жизни, которая то преподносит нам счастье, то преподносит ужас. И понять, к чему бы все это, – ну, это, только можно делать вид, что мы это понимаем, куда едем, куда движемся и зачем. Как Лев Николаевич Толстой говорил: «Может быть, самое главное – это понять, кто мы, откуда и зачем». Саша понять и не пытался. Саша пытался прожить вместе с жизнью все до конца, что ему в этой жизни приготовлено. И прожил…

Я очень много видел Сашиных работ второй половины его недолгой и блистательной артистической жизни. И вот у меня какое сложилось впечатление. Как в футболе, бывает гений индивидуальной игры. Только ему прокиньте, только вбейте ему в ноги мячик, и он его уложит так, что разлетятся ворота к чертовой матери. А еще есть гениальные командные люди, которые и уложат кому-то на ногу мячик. И такому человеку не жалко, что забил не он сам. Вот Саша был гений командной игры. Саша был и гений артистической дружбы. Причем не надо думать, что это было так уж всегда идеалистично: «Я сделаю все, чтобы был ты прекрасен». Нет.

У Саши были, может быть, самые показательные и самые главные отношения такой артистической дружбы с Олегом Ивановичем Янковским. Они были, конечно, как братья. Недаром в двух лучших своих работах, которые и тот и другой сделали с

режиссером Романом Балаяном («Храни меня, мой талисман» и «Поцелуй») оба раза они стреляются на дуэли. И обе эти дуэли – лирические и исповедальные шедевры двух актеров. Если вы хотите понять, что их связывало и что было между Сашей Абдуловым и Олегом Янковским, то прежде всего посмотрите эти две дуэли. Та и другая дуэль – это шедевры Романа Балаяна. Он вообще превосходнейший режиссер, высшего класса режиссер. Но еще в этой режиссуре высшего класса бывают свои тончайшие шедевры. И вот эти два тончайших шедевра режиссуры Романа Гургеновича Балаяна сыграли ему Олег Иванович и Александр Гаврилович. Гениально сыграли. И там можно понять все.

Они бесконечно любили друг друга в жизни. Они любили друг друга до такой степени, что почти никогда не выражали это внешне. Даже наоборот, они были ироничны по отношению друг к другу. Саша Олега Ивановича Янковского очень рано начал называть «дед». И с одной стороны, Олегу Ивановичу это нравилось, что он правда дед, ну, и правда ему очень нравятся внуки. А с другой стороны, он всегда так смотрел на Сашу, что, мол, мог бы какое-нибудь другое более ласковое и менее обидное для окружающих, ну хотя бы женщин, придумать прозвище. Но Саша его все равно долбил: «Ну как ты, дед? Как ты, как у тебя жизнь идет, как проистекает?» И Олег как бы с точки, даже не с точки, а с высоты положения деда время от времени даже мне иногда говорил: «Слушай, с Сашкой нужно что-то делать. Он совершенно неправильно живет, абсолютно неправильно живет». Я говорю: «А чего он неправильно живет?» – «Ну нельзя, ну нельзя так жить, понимаешь? Он болеет – не лечится, он вообще, так сказать, пьет с кем ни попадя, он играет, где только деньги дают. Это вообще все…» Я говорю: «Ну ладно, Олег, ну ты же знаешь, это все так, пена, что он играет, где только деньги дают, и что там все женщины для него на одно лицо, лишь бы ноги были. Нет, нет, это же не так, ты же знаешь, Олег, что это не так». Он говорит: «Да так, так». И вот в этих подковырках по отношению друг к другу и в этой, я вам даже скажу, ревности… Это была трогательная ревность двух потрясающих артистов. Вот в этой трогательнейшей ревности выражалась затаенная подлинная, настоящая дружба, которая была уже дружбой-любовью. И может быть, опять именно в картине («Поцелуй», 1983 г.) Романа Гургеновича Балаяна, в чеховской картине, это грандиозно смизансценировано и сыграно. Там, где после всех этих ужасных наворотов своей личной судьбы, которые они сами и сделали, Саша пытается примириться с Олегом. И как это потрясающе сыграно, сделано, выполнено. Это по-настоящему потрясающе.

У меня было, конечно, огромное счастье: они оба снялись у

меня в «Анне Карениной». И одновременно, как всегда бывает со счастьем, это было огромное для нас для всех несчастье, потому что и у одного, и у другого это была одна из последних ролей. А у Саши Абдулова просто последняя, которую он довел до конца. И вот они уже давно не снимались вместе. Когда приходили на съемочную площадку, все начиналось с ревности. Я расскажу еще одну историю, которую вообще трудно себе представить. Еще до того как они сходились на площадке с чувством ревности, еще до этой ревности, вдруг звонит мне Саша и говорит: «Слушай, у тебя там все получается в “Карениной”?» Я говорю: «А что там должно получаться в “Карениной” или чего там не должно получаться в “Карениной”?» – «Нет, я, – говорит, – про другое». Он такой опять Фанфан Тюльпан. «Да нет, я про другое, может быть, у него времени нет» (это он про Олега). Я говорю: «Ты что, обалдел? Он 10 лет хотел играть Каренина». – «Ну хорошо, ладно, хорошо. Я тебя прошу, попробуй меня на Каренина». Я говорю: «Ты что, спятил, как это попробовать?» Попробуй! Через какое-то время опять звонит мне Саша: «Как ты живешь, как твои дела? Я чего-то давно деда не видел. Не знаешь, как у него дела?» Я думаю, чего это он не видел деда, когда он в Ленком ходит каждый день, как это он там, обходит, что ли, деда, не видит он его… Я говорю: «Чего это, у деда все хорошо». Он говорит: «Не, ну дед будет сниматься в “Карениной” или не будет сниматься в “Карениной”?» Я ему опять: «Ты чего, обалдел, что ли, он десят лет собирался сниматься в “Карениной’,’с какого переляху он не будет сниматься в “Карениной”?» Саша говорит: «Ну знаешь как, во-первых, у него может быть много там каких-то ролей, во-вторых, может быть, перегорел». Я спрашиваю: «Сань, ты че? Куда? С какого переляху он перегорел, что случилось?» Он говорит: «Ну ладно, ладно, ладно, хорошо. У меня есть к тебе одна личная просьба». Я говорю: «Какая, Сань?» – «Попробуй меня на Каренина». Я спрашиваю: «Сань, ты чего? Это же как, это же мы просто Олегу нож в спину и проворачиваем». Он говорит: «Да ничего мы не проворачиваем. Во-первых, я не исключаю, что перегорел». Это ему очень нравилось, внутренний посыл, как-то ему представлялось – такой перегоревший остов Олега Ивановича… Я тоже себе представлял такой эпизод из «Иванова детства» – сгоревший Олег Иванович. Но это ладно, это для красоты слова. А потом Саша сказал самое главное: «Слушай, ну если Олег хорошо сыграет Каренина, а он его очень хорошо сыграет, то все скажут: “Вот, видите, Олег Иванович очень хорошо играет Каренина”». Но это никого не удивит. А если я сыграю Каренина, все обалдеют. И первый обалдею я». Я спрашиваю: «А ты почему обалдеешь?» Он говорит: «Потому что мне очень важно

понять, что и во мне есть Каренин». Я говорю: «Саш, ну это какая-то, понимаешь, нелепица. Я, во-первых, должен как-то Олегу сказать, что я тебя пробую, чего я тебя пробую, на какой на всякий случай». – «Не надо ничего никому говорить. Ты меня сначала попробуй». Я опять: «А как я тебя попробую?» – «По-человечески меня попробуй». Я говорю: «Ну как по-человечески? На Мосфильме? Ну нужна же камера, нужен оператор, нужен гример, грим тебе нужно сделать». Он говорит: «Все сделаем». Я спрашиваю: «Как? Ну это живые люди, а вдруг они ляпнут Олегу». – «Мы тихо сделаем. Ночью», – сказал Саша. И я понял, что у него там шарики за винтики окончательно так и заехали. Я говорю: «Как мы ночью будем пробовать Каренина?» – «Да ночью, я с Люсей договорюсь. Я со всеми договорюсь. Все будет шито-крыто, никто не будет знать. Мы попробуем меня, и все». И тут я спрашиваю: «А если ты хорошо попробуешься?» Он говорит: «Вот тогда дело будет хреново». Я говорю: «А может, тогда и не начинать хреновое дело? Если тогда дело будет хреново. Пока-то оно ничего, пока мы еще ничего не пробовали». – «Нет, давай попробуем». И мы попробовали. И у Саши была совершенно замечательная, просто удивительная проба на Каренина. Я убежден, что Саша бы замечательно, совершенно удивительно сыграл Каренина, если бы его не хотел играть Олег. И после того как он попробовался, Саша ни одной секунды не настаивал на том, чтобы… он сыграл Каренина. Он знал, что пробы у него, даже напечатал большой портрет и повесил его у себя дома. Причем в той комнате, куда Олег не заходит, когда в гостях у него бывает.

В этот момент он снова положил руку на погон Олега Ивановича Янковского. И тут его даже скидывать не надо было. Олег знал, что это та самая, исключительной верности и надежности дружеская рука.

Саша и Олег замечательно играли в «Карениной» парные сцены, их было несколько. И это было очень похоже на игру двух великолепных джазовых музыкантов, потому что вообще мы ничего не репетировали. Мы так с оператором говорили: ты пройдешь сюда, ты пройдешь сюда, ты там встанешь… Дальше все решали полутона, полувздохи, полувзгляды. Вот та тончайшая сфера импровизационной великой музыки, тайну которой по-настоящему знают только великие джазовые музыканты, которыми были они вот в этой своей последней… Кто же это знал? Кто же это предположить мог? Но этими великими музыкантами-импровизаторами они были в своей последней парной сцене.

Саша был абсолютно грандиозным партнером. Это вообще

исключительно редкое свойство и редкое качество актера. Он поразительно общался со своими, со всеми, с кем он партнерствовал, когда играл что-то такое, что его волнует и задевает. Это было исключительное чувство локтя. Ну как они играли с Сашей Збруевым в «Черной розе» – это, конечно, невозможно себе даже представить. И это тоже ведь невозможно поставить. Невозможно поставить, невозможно раскадровать и сказать: «Ты вот так сделаешь, а внутреннее зерно – это он его за то-то бьет». Это только великие музыканты могут делать, когда играют джаз. Так мы сняли тройную сцену. Ну ясно, что Саша Збруев и Саша Абдулов, как Олег Янковский и Саша Абдулов – это практически едина плоть. Но там же был еще Саша Баширов, который только-только появился, которого они оба не очень знали. Но как они приняли его в эту поразительную игру, импровизацию. Вспомнить-то – и то радость. И все как-то быстро делалось. Было такое ощущение, что вроде как мы ничего не делаем, вроде как все делается само по себе. И вот эту безумную сцену вакханалии, которая называлась «Корабль уродов», мы весь этот «Корабль уродов» сняли за один день. Утром начали снимать, а вечером закончили. Это уму непостижимо, потому что это очень трудно. Это огромное количество перемен состояний, перемен душевных, душевных каких-то переживаний. Сняли за один день, при том, что не имели никакой железной раскадровки, железного сценария… Вообще ничего не было, кроме камеры, Юры Клименко, меня и артистов. И музыки, которая решала все. Потом приехал Боря Гребенщиков, и мы кое-что подсняли к этой сцене. Это уже была вторая смена к этой сцене. Но это уже был Боря Гребенщиков.

Как они грандиозно совершенно играли с Таней Друбич и с Люсей Савельевой, Людмилой Михайловной Савельевой. И кто там еще был, я не помню… Но как они тончайше играли… В любой джазовой музыке, в любой джазовой импровизации должен быть человек, который задает основной музыкальный тон. Вот этим основным музыкантом всех этих безумств, импровизационных безумств, конечно, был Саша Абдулов. Причем он никогда никого ничему не учил, никогда никому ничего не говорил: сделай так или сделай сяк! Он был даже не деликатен, он был исключительно по-музыкантски расположенным партнером. Всегда говорил: «Слушай, а давай мы тут сделаем так, а давай мы тут сделаем так».

Была вообще грандиозная история. Я ее где-то уже рассказывал или писал, уже не помню, но я ее повторю, потому что меня это поразило. Снималась дочка наша с Таней Аня Соловьева, ангела играла, было ей тогда года два-три. Саша к ней

должен был подходить, чего-то ее спросить – и дальше. А Саша не знал еще Аню, не было ничего ни замороченного, ни придуманного, ни Таня, ни я не рассказывали ему. Ну там ангел и ангел, девочка. «Ой, Тань, правда? Это твоя дочка? Ой, ты смотри, да?» Он подошел к ней и спрашивает: «Ну что, Анька, не боишься сниматься, не боишься, нет, не боишься? А чего ладошки мокрые? Почему ладошки мокрые? Не бойся ничего! Давай мы сейчас с тобой все сделаем, все сделаем на ять». Аня говорит: «Да, хорошо, сделаем». – «Значит так. Ты танцуешь, я захожу, облокачиваюсь, да. И так два раза курну, а потом у тебя спрошу: «Ничего, что я куру?» И это стало уже во время съемки такой присказкой, все друг друга спрашивали: «Ничего, что я куру?» Я потом через двадцать лет назвал свою книжку «Ничего, что я куру?». Это все сделал не автор сценария, это все сделала музыка, появление которой нужно было уловить, не пропустить, а дальше держать основной тон и играть. Вот это и есть игра, это и есть актерская профессия. Это игра, а не нудеж, умственный и интеллектуальный нудеж. С этой беспрерывной такой птицефермой, где как-то все стукают, стукают носиками и ищут это проклятое зерно, которое то ли есть, то ли нет. Только стук носиков раздается. А иногда стука носиков не слышно, а слышна музыка. Потому что артистическая профессия – это тоже музыка. А все остальное к этой музыке прикладывается само по себе.

Удивительные взаимоотношения были у Саши и у Тани Друбич. То есть они обожали, когда у них были парные сцены. Они их ждали, им было так это интересно. И когда мы снимали чеховскую картину «О любви», никому и в голову не приходило спросить: «А кто будет лучше играть? Жаров и Андровская или Абдулов и Таня Друбич?» Только пошляки и люди, которые абсолютно не любят и не понимают, что такое искусство, могли такое говорить и могло им в голову такое прийти. Потому что Жаров и Андровская – это два гениальных артиста огромной артистической ушедшей эпохи. А Таня и Саша – это два изумительных артиста эпохи этой, эпохи новой. И они не соревнуются, они живут, каждый в своем времени, честно, чисто и талантливо. И может быть, одна из самых главных любовных сцен, которые пришлось сыграть Тане и Саше, – это сцена, которая заканчивается вальсом в фильме «О любви» в новелле «Медведь». И почему-то каждый раз, когда я смотрю эту сцену, каждый раз какой-то спазм подходит… Настолько здорово выражены эти чувства, которые называются у людей любовью, в этой, в общем-то, бессловесной… немой сцене под великую музыку композитора Гаврилова.

У Тани с Сашей были смешные отношения. Саша все время

хотел Таньку как-то втащить в такое постоянное русло большого кинематографа. Все время ей звонили какие-то люди и говорили: «Извините, пожалуйста, нам ваш телефон дал Саша». Причем она ему говорила: «Саша, ты что, обалдел? Ну чего ты даешь мой телефон вообще?» – «Ты что, Тань? Там такая роль. Я когда посмотрел, только ты можешь ее сыграть, только ты». И он так искренне это говорил… А она ему: «Саша, если я и буду сниматься когда-нибудь просто так в чем-то там, в чем могу сниматься, а могу и не сниматься, то это только с тобой». И вот был сразу после картины «О любви» странный разговор, который черт знает чем закончился. Саша говорит: «Слушай, Танька, вот ты после этой самой “О любви” что делаешь в кино?» Она отвечает: «Ничего не делаю. У меня там столько дел вообще по жизни, по дому». «Пойдем, снимемся в одной картине. Колоссальная картина». – «Какая картина?» – «Ну, Улицкую ты уважаешь?» – Она говорит: «Ну – Улицкая – выдающийся писатель». «Пойдем, пойдем вместе снимемся. Это колоссальная будет парная история. Я поставлю условием, что или с тобой, или…» – «А что за история там?» – «Ну Улицкая». Она говорит: «Ну замечательно, что Улицкая. Что за история?» Саша так не хотел говорить, а потом: «Веселые похороны». Таня говорит: «Саша, ты в своем уме? Ну как ты можешь сниматься в картине с названием “Веселые похороны”? Там что, у тебя главная роль?» Саша говорит: «Ну конечно, главная. Но в ней есть одна исключительно ценная вещь, в этой роли». Таня спрашивает: «Какая?» – «Танька, я там всю картину лежу, всю картину лежу. Вот просто лежу. Во-первых, это очень хорошо, я хоть отдохну от всех этих моих мучительных перебежек, да, по жизни. Хоть отдохну. А во-вторых, Тань, это же Улицкая, пойдем!» Таня говорит: «Саша, в картине с таким названием я даже с тобой сниматься не буду, понимаешь, ну не буду, ну…» Он говорит: «Ну так же нельзя. Так, знаешь, так и Гамлета играть нельзя. Потому что Гамлета там, значит, в конце концов выносят ногами вперед». Ну, правда, Таня тут сказала: «Ну и Гамлета играть не нужно». Как-то у нее есть своя точка зрения, неартистическая точка зрения на это. Саша сказал: «Ну как знаешь». И снялся, очень хорошо снялся в картине по прекрасному произведению прекрасного писателя Улицкой «Веселые похороны».

У Саши была очень непростая жизнь. И со стороны кажется, что это такая песня во время забега на Олимпийских играх на пять тысяч метров. Причем он бежит первый и еще поет. Вот такое какое-то ощущение у всех было. Жерар Филип, Фанфан Тюльпан, бежит на пять тысяч метров в трусах и еще поет. Вот

как-то так все представляли Сашину жизнь. А это совсем не так. Я могу сказать, что я довольно хорошо знал Сашу. Могу даже сказать, что очень хорошо знал, и ничего этого не было. И когда произошли все эти невероятные и страшные события, встал вопрос об увековечении памяти Саши. Я никогда не думал, что доживу до этой поры. Во-первых, смешно – как это можно увековечить память? Но среди множества предложений хороших, безумных, ярких, нелепых было два предложения, которые я очень хорошо помню, и надеюсь, что моей жизни хватит на то, чтобы это воплотилось в жизнь. Саша был артдиректором, вице-президентом нашего фестиваля «Дух огня», фестиваля дебютного, молодого кино, большого международного фестиваля в городе Ханты-Мансийске. И очень много сделал для того, чтобы этот фестиваль стал таким, какой он есть. Очень много туда вложил энергии и сердца. Я очень хорошо знаю все любимые места Саши второй половины его жизни. И одним из самых любимых Сашиных мест, и моих тоже, был и остается город Ханты-Мансийск. И время, в которое происходит ежегодно наш фестиваль. Это конец зимы, последняя неделя февраля. Там стоят морозы 22–25 градусов, которых, правда, не чувствуешь, потому что там абсолютно сухой, здоровый таежный воздух. А возвращаемся мы в Москву, когда уже весна. И вот на этом перепутье зимы и весны стоит наш фестиваль, к которому мы, когда работали вместе, относились с огромнейшей нежностью и любовью. Очень целомудренно мы относились к этому фестивалю. И вот на фестивале было принято решение обязательно назвать одну из улиц Ханты-Мансийска Сашиным именем. Замечательно, если такая улица появится не только в Ханты-Мансийске, но и в Москве. И тогда же мы задумали сделать постоянно действующую премию, ежегодную премию имени Александра Гавриловича Абдулова за лучшую мужскую и лучшую женскую роли в дебютных фильмах.

Очень талантливый молодой скульптор Алексей Благовестнов сделал прекрасный бронзовый бюст Александра Абдулову. Тогда же мы обратились к нему с просьбой подумать о памятнике Александру Гавриловичу, который по решению правительства Ханты-Мансийского округа Югра должен быть поставлен в городе Ханты-Мансийске. Вскоре Алеша Благовестнов принес первый скульптурный проект, который он сейчас доводит до конца, до очень высоких степеней художественности. Но и там, в этом памятнике, была замечена и обозначена одна из самых главных вещей, которые составляли существо Сашиной жизни. Вот это его блестящее бегание в трусах на пять тысяч метров распевая. Это общий облик Саши. Стадион свистит в дудки, и бьет в ладоши, и

приветствует победителя, когда он грудью разрывает ленточку. А на самом деле Саша был иногда очень одиноким, очень, очень одиноким человеком, стоящим на ветру. Это правильно почувствовал Алеша Благовестнов. Мне, когда я вспоминаю Сашу, самым правильным, нежным и сущностным кажется вот это трехмерное изображение, которое сделал Алексей Благовестнов. Мне страшно хотелось бы как одному из людей, которые близко знали и очень любили Сашу Абдулова, хотелось увидеть подлинность в тончайших деталях, в деталях лица, в деталях прически, в деталях… «Всесильный бог деталей, всесильный бог любви», – писал Борис Леонидович Пастернак. Вот Леша Благовестнов сейчас это и делает…

МОНОЛОГ ДЛИНОЮ В ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

…Последние семьдесят лет очень многие в этой стране занимались не своим делом. А вообще-то я убежден, что в наших условиях это единственный способ найти себя и занять свое место в общественной иерархии.

Кто-то внедрил в общественное сознание соображение о том, что, например, благотворительность не мое дело… Мое! И, уверяю, заниматься этим гораздо труднее, чем любую роль сыграть в театре или в кино.

Я уверен, что благотворительность в стране нищих и голодных может принести довольно ощутимые результаты…

Не думаю, что она сулит хоть какое-то обеспечение беженцам или людям, живущим за чертой бедности. Вряд ли даже тысячи благотворительных концертов могут помочь пострадавшим от чернобыльской аварии. Почти убежден, что не станет лучше жизнь сирот… Но наша задача – заставить людей снова поверить в благое дело…

Я прекрасно осознаю то, что сколько денег ни соберешь, все это вполне может провалиться в «черную дыру»… Но я хитрый. Кому попало денег не отдаю.

Я привык к снисходительным оценкам наших «Задворок» – «сборище элиты», «шоу для богемы»… Но я не обижаюсь, не бью себя кулаком в грудь, не оправдываюсь. Потому что мы делаем конкретное дело – компьютеры для определенного детского дома или возрождение старейшей церкви в Путинках, разрушенной, разграбленной, на долгие годы заколоченной. Такой и должна быть благотворительность. Конкретной! Я лично вижу результаты своей деятельности…

Я уверен, что должны быть дорогие мероприятия. Нет у тебя денег – смотри с крыши соседнего дома. Или вообще не смотри. На Каннский фестиваль тоже не бесплатно пускают и далеко не всех. Надо создавать престижные шоу, а значит – красивые. Я верю, что когда-нибудь на «Задворках» будут собираться женщины в вечерних туалетах, мужчины в смокингах… Мы отвыкли от красоты. Нам кажется, если мужик в смокинге – значит, он официант.

Кроме того, это ведь не просто коммерческий концерт, но и праздник. Для друзей, близких. Для тех, кого я люблю. Для театра, в котором работаю. А почему я должен думать обо всех глобально?! Обо всех Ленин думал – вот мы и хлебаем эту кашу

столько лет…

Я помню, как готовились первые «Задворки» (*фестиваль «Задворки» был создан в начале 1990-х*). Это мероприятие действительно задумывалось как праздник для своих, для работников театра. С каким сумасшедшим энтузиазмом все пилили, строгали, строили, убирали! Каждый пытался приобщиться к этому празднику, сделать что-то полезное. Это было совсем не коммерческое мероприятие и не просто закрытие очередного театрального сезона, а действительно культурное событие. Разве возможно сохранить атмосферу праздника, если сегодня практически все подобные акции выродились и превратились в этакий повод для выкачивания денег…

И в то же время совершенно очевидно, что на Руси всегда были богатые купцы, для которых вложить деньги в культуру было не просто престижно. Это был вопрос долга. Вопрос чести, если хотите. Так вот, я за возрождение такой чести. Именно такой, а не той, что долгие годы проповедовала коммунистическая партия со своей коммунистической моралью… И потом, я же не обком собираюсь строить, а церковь возрождать. И между первым и вторым – огромная разница…

Сейчас мне стало понятно – да, я стремлюсь быть лидером. Не вижу в этом моем желании ничего плохого. Но осознание этого устремления пришло постепенно. Когда я приехал из Ферганы покорять Москву, у меня за спиной никого и ничего не было. А завоевать свое место под солнцем можно, только воспитав в себе лидера. Иначе тебя подавят другие… Я жил в общежитии. Мама присылала мне двадцать рублей, стипендии я никогда не получал – не мог сдать экзамены по истории КПСС (сейчас оказалось, что я был не таким уж и тупым). На что я мог рассчитывать? Можно было уехать обратно в Фергану… Я уже был к этому практически готов… Сегодня и не представляю, что бы со мной стало, решись я на это бегство. Может быть, стал бы народным артистом Узбекской ССР, а может, спился бы где-нибудь под дувалом… По счастью, меня пригласили на роль в Ленкоме. И понеслось… Пришлось доказывать, что пригласили не зря…

Внутри меня была масса провинциальных комплексов – ненависть к москвичам, к «золотой молодежи». Я считал себя абсолютно гениальным и совершенно незаслуженно обойденным вниманием кинематографистов. Но… стиснув зубы, как последний пацан, бегал на «Мосфильм», снимался в массовках, в атаки ходил… У Митты в картине снялся. «Москва – любовь моя». Мне казалось, роль замечательная, предел мечтаний – мимо меня Курихара проходила… Потом долговязого мальчика заметили.

Предложили эпизод – один, другой…

Завоевать Москву было немыслимо трудно… Средняя Азия, где я вырос, – это совершенно другой мир, другая психология, другое воспитание. В Москве я продолжал постоянно драться, попадал в милицию… Я столько всего начудил, пока понял, что к чему…У меня даже был роман с американской шпионкой. Меня об этом в КГБ просветили, когда пытались меня завербовать. Просили отчетов – умоляли сообщать, кто и когда у нее собирается. Требовали, чтобы я ни в коем случае ее не бросал. Поначалу они показались мне ангелами, добрее отца родного. Но я почему-то испугался, понял, что поддаться на уговоры, согласиться с ними очень легко… Но это станет моим концом. Я даже не мог, да и сейчас не могу, объяснить почему. Почувствовал, и все тут… Они в театр стали звонить. Угрожали. Пугали. Впрочем, я до сих пор не уверен, что эта девушка была шпионкой. Она плакала, когда уезжала…

Вообще-то я сам хочу на что-то влиять и что-то менять. Насколько это возможно, насколько это в моих силах… Я хочу видеть красивые дома, красивую одежду. Красивые лица вокруг. И главное, счастливые лица… В нашей стране тебе ничего не грозит только в одном случае – если ты бедный, сирый и убогий. Всех раздражают красота, длинные ноги, ясные выразительные глаза… Подойди к западной женщине и скажи: «Как вы сегодня прекрасно выглядите!» Она ответит: «Спасибо». Наши женщины почему-то начинают стесняться: «Ах, перестаньте. Я только что с работы, и голова у меня немытая». Или хамят: «А сам-то, сам-то! Мужчина, на себя посмотри!» Разве это психология нормального человека? Я устал от серости. Я не могу видеть чернуху на экране, потому что каждый день сталкиваюсь с ней в жизни. Надоело думать о том, как мы все плохо живем. Давайте наконец думать о том, как все будет – да и есть – хорошо. И делать что-то для этого…

Я организовал объединение «Ленком» не потому, что мне нечего делать, а потому, что кроме меня никто за эту работу не взялся. Я точно, в деталях знал, как должно быть все устроено, и я довольно долго ждал, когда этим займутся те, кому положено. Но ничего не менялось. В конце концов я понял, что нельзя рассчитывать на хороших дядей и теть, которые придут и устроят нашу жизнь: поднимут артистам зарплату и вообще дадут возможность зарабатывать. Больше десяти лет я сам получал сто двадцать рублей и знаю, что это такое. Имея сегодня возможность зарабатывать много, я обязан думать о тех людях, которые работают со мной рядом и которые пока лишены такой

возможности. Теперь, когда все «звезды» Ленкома, начиная с Марка Захарова, дают концерты, четверть от вырученных денег отчисляется на зарплату артистов театра, которые пока «звездами» не являются. Я против того, чтобы все были бедными, но гордыми. Я за то, чтобы все были гордыми, но богатыми. В нашей же стране большинство деятелей умеют только отнимать и делить, а других действий не знают…

Поначалу я с бешеным азартом смотрел трансляцию последних съездов, как безумный рвался к телевизору, где бы ни находился, надеялся на что-то. А однажды утром услышал, как дикторша пересказывала краткое содержание предыдущего дня работы съезда, – и ошалел, замер… и мне вдруг стало тошно. Я вдруг понял, что это не жизнь, а кино, этакое бесконечное, многосерийное шоу. Свора сытых людей, которые свистят о всеобщем благе… Чисто по-человечески я их очень хорошо понимаю: они борются за свое светлое будущее. Я тоже за него борюсь, но я не делаю этого за счет других. Аморально бороться за собственное счастье, шаря в кармане соседа. Они прекрасно осознают то, что их рука в чужом кармане. Я же бывал в этих комсомольских банях, в которых секретари гуляют. Все они прекрасно всё про себя понимают…

Я никогда не был пионером. Учительница в школе спросила: «Дети! Кто считает, что не достоин высокого звания пионера?» Нашелся единственный дегенерат – я. Встал и сказал: «Не достоин. Двойки получаю, и вообще…» В комсомол же я попал по стечению обстоятельств. В Ферганском драматическом театре было только два комсомольца, а нужно было создать комсомольскую ячейку, и срочно требовался третий. Меня силой втащили. Так что истинным комсомольцем я себя никогда не считал, но перед комсомольскими секретарями изредка выступал. Но это совсем неинтересно…

Вообще в жизни все гораздо страшнее, чем в кино. Я наблюдал такие чудовищные переходы людей из одного состояния в другое! Представьте себе, сидят интеллигентные люди, говорят умные, правильные вещи – срабатывает сдерживающий фактор: присутствие постороннего человека, то есть меня, артиста. Потом выпивают стакан. Потом еще стакан. Сдерживающие факторы перестают срабатывать – ты уже становишься своим. Тогда-то все и начинается… «Неужели у тебя нет премии Ленинского комсомола? Ну, старик, ты даешь! Петя, – обращается старший комсомолец к младшему, – завтра же организуй Абдулову премию…» Еще стакан. И понеслось. И уже девочки. И все остальное, что показано в картине «ЧП районного масштаба». А наутро эти люди тебя даже не узнают…

Конечно, у меня очень много несыгранных ролей – ролей, которые мне очень хотелось бы сыграть… Но не думаю, что я такой уж нереализованный артист. Не могу гневить Бога. Моя судьба в театре сложилась удачно. Да и в кино из шестидесяти картин, в которых я снялся, есть пять, может быть семь, за которые я отвечаю… Но в нашей стране творчество не может дать полного ощущения свободы. Я обязан создать вокруг себя и окружающих меня людей свободную экономическую зону…

Хотя теперь заниматься исключительно профессией мне уже было бы скучно. Нужно все время осваивать что-то новое. Когда-то я занимался реставрацией икон. Сейчас я начал рисовать. Увлекся этим после того как побывал в гостях у Параджанова: совершенно обалдел от его рисунков и коллажей… Жизнь такая короткая, нужно успеть как можно больше…

Я уверен сегодня даже больше, чем когда-либо, что был совершенно прав, не отказываясь от съемок. Я и сейчас много снимаюсь – к сожалению, не всегда удачно. Не могу представить себя сидящим дома сложа руки в ожидании, когда меня пригласят Михалков, Рязанов или Данелия. Я могу перечислить фамилии сотен артистов, очень талантливых, которые так и остались невостребованными. Кинорежиссеры в театры не ходят, ассистенты по подбору актеров – тем более… Можно, конечно, уповать на его величество случай. Но его никогда не будет в твоей жизни, если ты не борешься за него. Я люблю работать, мне нравится играть. Я обожаю экспедиции и гастроли. Почему я должен был лишить себя всего этого? Мне крайне важен процесс. Я не видел больше половины своих фильмов. Для меня важна неконечность этого самого процесса. Снялся в фильме, надо сразу сниматься в следующем. Иначе возникает ощущение чудовищной пустоты…

Некоторым людям кажется, что отношение ко мне изменилось после того как я занялся бизнесом. Вроде как во мне увидели серьезного человека. Дескать, раньше во мне видели только звездного мальчика, победно шагающего из картины в картину и не очень-то разбирающего дорогу… Но это суждения людей, не знающих моих театральных работ. Я очень благодарен Захарову за то, что ему удалось «сломать» меня. Я счастлив, что сегодня у меня нет амплуа. Захаров предложил мне роль Сиплого в «Оптимистической трагедии», когда казалось, что я навечно останусь романтическим героем из «Обыкновенного чуда». Или, например, Верховенский в «Диктатуре совести»… Это роли, о которых в кино и мечтать не приходится. Но тем не менее, я

думаю, что количество сыгранных мною кинолюбовей постепенно перешло в качество. Меня заметили хорошие режиссеры. Это лишний раз доказывает, что нельзя сидеть сложа руки и ждать…

Актер – очень зависимая профессия, но мне в жизни всегда очень везло. Однажды я должен был принимать участие в концерте, посвященном сорокалетию Победы. Подготовили номер: я читаю стихи протеста, Долина поет песню протеста, а артисты из ансамбля Моисеева пляшут танец протеста вокруг нас. Шла репетиция. Пришел Демичев (*министр культуры СССР, 1974–1986 гг.*). Артисты сидят в первых рядах большого темного зала, мандражируют. Он – на самой верхотуре, молча наблюдает. Вдруг голос: «А почему нет Лещенко и Кобзона?» Моисеев (постановщик действа) не смог ответить. Тогда было велено, чтобы они вместо нас с Долиной исполняли песню «Ядерному взрыву – нет!». Перед нами извинились, и мы пошли к выходу. Когда проходили мимо Олега Борисова, который ждал своей очереди, он прошипел: «О, счастливцы».

Потом я отказался читать стихи В. Фирсова на концерте для делегатов XXVII съезда партии. Сотрудник идеологического отдела ЦК партии принес эти стихи прямо в театр, директору. Они назывались «Мы державно идем в коммунизм». Я не знал, что делать. Мы тогда репетировали «Диктатуру совести», и в зале сидел Михаил Шатров. Он мне и насоветовал отказаться. Я позвонил, долго извинялся, ссылался на слабоумие. А потом, черт меня дернул, спросил, читали ли они сами эти стихи. Мне вежливо сказали, что нет, не читали. Я взял и брякнул: «Почитайте. Это за гранью добра и зла». Мне так же вежливо ответили, что обязательно последуют моему совету. Через полчаса из кабинета выскочил перепуганный директор с криком: «Ты никогда не получишь звание заслуженного!» Оказывается, ему позвонили и сказали: «Мы долго решали, кому поручить столь ответственное дело – Лановому или Абдулову. Предпочли Абдулова. Так вот, передайте ему, что нам тоже нравится не все, что он делает. И еще ему передайте, что стихи, одобренные идеологическим отделом ЦК КПСС, не могут быть за гранью добра и зла». И повесили трубку. Театр лихорадило, думали, что за этим последует приказ уволить меня и т. д. Мне удавалось избегать того, в чем многие сегодня каются. Разве это не везение?

…Помню еще один случай. Мне нужно было срочно лететь в Ленинград. Погода нелетная, все рейсы отменяют. Я, как всегда, пошел в «Интурист», потому что там девочки меня любят и всегда помогают. Обещали отправить первым же рейсом. Когда объявили посадку, я прошел в самолет. Вдруг появляется стюардесса и сообщает мне, что другой самолет вылетит на пятнадцать минут

раньше. Я пересел. Тот самолет, в котором я уже сидел, разбился…

А однажды я вышел из театра и встретился взглядом с девушкой, которая стояла на улице и явно меня поджидала. Но не очень-то она была похожа на простую поклонницу. И руку как-то странно прятала за спиной. Интуитивно я шарахнулся за собственную машину. На долю секунды опередил ее движение: она достала стакан соляной кислоты и плеснула его в то место, где я стоял, с криком: «Не доставайся никому!» Маньячка.

Так что не могу сказать, что мне не везет… Я вены себе вскрывал от несчастной любви. И ничего – живу вот…

У меня сегодня много друзей среди хороших режиссеров. И это гарантия интересной работы… Я верю, что Горин не напишет для меня плохого сценария. Захаров, Балаян или Соловьев не предложат скучной роли. А Лебешев просто не сможет меня плохо снять. Не сумеет…

Не могу сказать, что в моей жизни все так уж безоблачно. Начиная с седьмого класса я работал на уборке хлопка. Но, правда, отчасти это был для меня самый настоящий праздник: берешь раскладушку, матрас и – вон из дома, подальше от родительской опеки. Свобода! Самостоятельность! Вечерами девочки, костры, прогулки под луной… А утром снова становишься буквой «Г» и сколько видишь до горизонта – все хлопок. Мне труднее всех было – я самый длинный… Да и норма – 50 кг в день, совершенно не детская. Выполнить ее нельзя ни при каких условиях. Мы и водой хлопок заливали. И землей засыпали. И камни в корзины подкладывали… Нас вызывали в школу, прорабатывали на педсоветах, грозились выгнать. А мы жили в казармах, в чудовищных, антисанитарных условиях, с одним сортиром на всех. Вместо жратвы – какая-то баланда. Но сложности нас не смущали. Мы ничего не знали про пестициды. Ну, пролетит вертолет – посыплет поле чем-то. Ну, листики пожухнут… Сегодня я с ужасом об этом вспоминаю. С тем большим ужасом, что ничего с тех пор не изменилось…

А в институте все считали, что я очень богатый, и многих это раздражало. Дело в том, что я обедал в ресторане. Просто мы с приятелем подсчитали, что за полтора рубля можно съесть шурпу, плов и выпить бутылку минеральной воды. Получалось и вкуснее, и дешевле, чем в любой столовке. А по ночам мы с тем же приятелем вагоны разгружали. И вообще, у меня в жизни сложностей было ничуть не меньше, чем у всех нормальных людей. Но не должны зрители об этом знать. Мы, актеры, должны нести в себе некоторую тайну и изо всех сил поддерживать миф о своей прекрасной жизни. Если на экране видно, что актеру

безумно тяжело живется, невероятно сложно работается, – пропадает интерес к нему…

Популярность вовсе не дает ощущения раскованности или, там, внутренней свободы, независимости… Разве можно быть свободным в несвободной стране? Уверяю, что наша зависимость от обстоятельств становится с каждым днем все больше. Если меня останавливает гаишник, так вместо штрафа он просит сто долларов. Килограмм помидоров на рынке мне предлагают за четыре цены, а цветок – за пять…Чем вообще все это может закончиться? Я уж не говорю о том, что наша страна – единственная в мире, где платят не за работу, а за рассказ о ней. За спектакль «“Юнона” и “Авось”» я получаю около двадцати рублей. А за рассказ об этом спектакле на концерте – в десять раз больше… А после введения налога у меня вообще отпало желание играть концерты. Это то же самое, что слесаря заставить точить гайки бесплатно… Актер, по большому счету, приносит людям радость, а радость можно приносить, только если сам рад. А какая радость, если ты с голой жопой, простите, стоишь? Надоело мне слышать, что для счастья достаточно хлеба с водой. Недостаточно! Хлеб должен быть с маслом и с колбасой хорошей. С икрой, наконец. Сколько можно бедностью гордиться? Я готов работать 24 часа в сутки. Я в отпуске после института ни разу не был. Никого же это не интересует! И не надо меня упрекать – я прекрасно знаю, что такое актерские биржи труда. Меня еще отец водил. Я на всю жизнь это зрелище запомнил! Но нельзя сидеть сложа руки и жалеть живущих хуже, чем ты. Я мечтаю организовать акционерное общество – богатое-богатое. Я хочу иметь возможность заплатить сто тысяч рублей, например, Анатолию Васильеву за то, чтобы он поставил спектакли в Перми, Горьком и Туле. Я написал сценарий и хочу попробовать себя в режиссуре. Я в лепешку расшибусь, но достану денег, найду спонсоров, приглашу сниматься лучших артистов и заплачу им по миллиону! Нужно создать прецедент…

Мы должны пройти через все. Не может страна одномоментно стать культурной. Мы хотим из каменного века сразу шагнуть в цивилизацию. И в результате находимся в состоянии Америки 40-х годов – сухой закон, мафия, рост преступности, наркоманы, проститутки, рэкет… Мы должны как-то, по возможности с минимальными потерями, эту стадию пройти. Пусть будет и плохое кино – оно само отомрет за ненадобностью через энное количество лет. Другое дело, что должны быть еще и режиссерские лаборатории, в которых проводят свои эксперименты элитарные режиссеры. Они должны быть на

содержании государства. Остальные должны зарабатывать сами…

Я искренне верю в то, что в нашей стране можно жить не по-советски. Я, например, мечтаю купить дом в центре Москвы, обязательно с собственным садиком. Если мне кто-нибудь поможет в этом, буду очень признателен. Уж я бы такую там красотищу создал, что все окружающие осознали бы, что живут на помойке, и стали бы что-то делать. Может, проснулось бы тогда в людях чувство хозяина, ведь если рядом красиво, хочется же, чтобы у тебя было еще красивее…

Я уверен, что смог бы работать на Западе. Но мне постоянно чего-нибудь не хватало бы там. Я ужасный патриот своей страны. Я люблю ее за то, что при всеобщем идиотизме и неразберихе можно сделать что угодно. Ни с того ни с сего завод отгрохать, вовсе никому не нужный. Или, там, от щедрости душевной БАМ создать… Или пройтись по всяким организациям, собрать десять миллионов и снять кино. Разве где-нибудь еще такое возможно? Думаю, прав был Бердяев – необъятное пространство на нас сильно действует…

Родиной я считаю Тобольск – город, в котором родился. Фергана опустела для меня – умер отец, убили брата… Я знаю, что сфабриковали дело, пытаясь представить все таким образом, что якобы брат сам упал и разбился… Ко мне подбежала женщина со словами: «Саша, идите в морг, там дело фабрикуют…» Впрочем, тогда это уже не имело никакого значения. Мне следователь прокуратуры сразу сказал: «В Фергане никто никого искать не станет!» Убийцу до сих пор не нашли, хотя прошло много лет.

Помню, как во время учебы в институте приехал домой, в Фергану, и увидел отца, сидящего у телевизора. Он плакал. Показывали вручение ордена Ленина Ирине Родниной. Я не мог понять, в чем дело, а отец сказал: «Я только сейчас понял, что я неправильно жил». Он воевал на Курской дуге, из концлагеря бежал весь простреленный. Потом работал главным режиссером Ферганского драматического театра. Был очень уважаемым в городе человеком. Красная Звезда у него была, а на орден Ленина не потянул, для этого, оказывается, надо было уметь «тройной тулуп» делать…

Я был в Фергане не так давно. Приходил на могилу к отцу. Купил на рынке море цветов, примчался на кладбище: думал, могила неухоженная (давно там не был). И… обалдел: на могиле цветы лежат, конфетки какие-то… Старушки ко мне подошли: «Саша, думаете, мы забыли вашего отца?» Я был так за него горд!!! Это то, ради чего я всегда буду жить в театре… Потом у

меня до самолета время было, приехал в ферганский театр, в котором отец работал. Когда-то он взял в театр маленького узбека – Жору. Тот так и рос при театре. Стал электриком. Я его встретил. Он меня еле узнал и рассказал такую историю: когда отца насильно отправили на пенсию, поздно ночью тот пришел в театр, поднялся на сцену, опустился на колени и поцеловал ее… Потом быстро встал и вышел. Вскоре отец умер… Человек, хоть раз вдохнувший запах кулис, поймет, о чем я говорю…

Мы очень много говорили с Робертом Де Ниро о том, насколько популярный человек способен влиять на ход исторических событий. Он убежден, что «Охотником на оленей» кинематографисты повлияли на отношение к войне во Вьетнаме. Поддержка кандидата на выборах знаменитыми артистами дает ему неоспоримое преимущество. Так что, думаю, влияние существует, по меньшей мере, оно возможно…

В национальных конфликтах нет ни правых, ни виноватых. Да и многих обстоятельств мы попросту не знаем… Нельзя примирить ссорящихся мужа и жену. Какие бы благородные цели ты ни преследовал, твое вмешательство обернется результатом, противоположным тому, которого ты хотел достичь. Еще и вмешаться не успеешь, а уже станешь злейшим врагом для каждой из противоборствующих сторон…

В Армению после землетрясения (*землетрясение в Спитаке в 1988 году*) хотел поехать, помочь, но был очень занят в театре – не получилось. Вообще возникает ощущение, что жизнь проходит мимо, и так страшно вдруг становится: чего-то не успел, что-то забыл, упустил, не обратил внимания. И это ускользнувшее, проскочившее мимо вдруг оказывается самым важным, главным. Тем, ради чего хочется и стоит жить…

Миф о том, что актеры – это в некотором смысле небожители, поддерживают сами актеры. Из последних сил шьют себе платья, костюмы, чтобы хоть как-то выглядеть, потому что они Актеры! Потому что артист не может выйти на сцену в старых туфлях, в рваных брюках, он их заштопает или придумает что-нибудь еще… А зарплата? Разве это зарплата «звезды»? Ну, не может «звезда» ездить в метро, не может! Хотя бы потому, что люди не должны каждый день ее видеть, они должны мечтать об этом. А когда они встречают актрису, которая только что сыграла Джульетту, в очереди за мясом вместе с тетей Маней… сами понимаете… Хотя случается, что мы работаем просто так, «за идею». У Балаяна я могу сниматься бесплатно. У Соловьева могу сниматься бесплатно… Ну, а за позор надо платить…

Я делаю все, чтобы ни от кого не зависеть, никому не быть должным. Хотя, естественно, долги есть. И денежные, и

моральные…

…У меня всегда было множество друзей-журналистов, и я никогда не вступал ни в какие перепалки с прессой, но сегодня наглость репортеров, или как их еще назвать, я не знаю, перешла, по-моему, всякие границы. Происходит это от безнаказанности, и если законы не действуют, государство не в состоянии нас защитить – остается только мечтать о такой вот лицензии, чтобы иметь возможность самому постоять за свою честь.

На Западе ведь тоже есть «желтая пресса», но там я хотя бы могу подать в суд, и если судьи признают, что я прав, газета пойдет по миру. Здесь же я могу только набить морду наглецу. А что делать? Вот мальчик в «Московском комсомольце» написал про меня, что «Саша Абдулов продался за кусочек булочки…» (это по поводу того, что мы согласились работать в команде Марка Рудинштейна)… Послушайте, мне сорок лет, я народный артист России. Какой я ему Саша? Какое он вообще имеет право на подобный тон? Нет, я понимаю, что каждый должен иметь возможность высказывать свое мнение, – ну, критикуйте меня за то, что я плохо где-то сыграл, но и у критиков должна же быть какая-то культура и ответственность за свои слова. А парень этот, он даже не был на вечере, про который писал…

Говорят: «А вы давайте опровержение!» Хорошо, один раз «Комсомолец» уже давал опровержение. Но теперь я хочу его найти и по-мужски с ним поговорить.

С «Собеседником» у нас тоже давний роман. Один раз они залезли в мою семейную жизнь – и я, честное слово, уже был близок к тому, чтобы набить морду их главному редактору, пришел к нему в кабинет. Тогда они тоже извинялись. Но ведь они не могут без жареного. Им же нужно привлечь к себе внимание – и вот появляется статья Даши Асламовой о ее сексуальных похождениях, как она со мной спала, с Хасбулатовым спала, а Травкину не дала… Да она, по-моему, просто больная женщина. И тоже решила таким образом «высунуться». Кстати, в Америке ведь была уже аналогичная книга, в которой журналистка описала свои романы со знаменитостями, но как она это подала: «Я счастливая баба – я спала с Кеннеди, я спала с тем, с другим – вот какие у меня были любовники!..»

Но что меня сильнее всего бесит – разве у нас не о чем больше писать, кроме как об исподнем белье? Это идет, по-моему, от грязных носков – знаете, когда человек сам ходит в грязных носках, он все время ощущает их, и поэтому ничего другого у него в голове просто быть не может.

Или читаю в «Московской правде» о том, что, оказывается, я

открыл пельменную. Коля Караченцов, в интервью с которым это прозвучало, звонит, извиняется: «Я этого не говорил, просто журналист вписал такой вопрос – дескать, Абдулов открыл пельменную, а вы чем занимаетесь?» Ну как на такое давать опровержение? Хорошо еще, в Москве, в Петербурге люди прочитают и посмеются, а на периферии? Потом я приезжаю на встречи, а мне говорят: «Ну, как там ваша пельменная?» Или вот только сейчас в прессе написали, что Неелова вышла замуж за француза… Она говорит: «Саш, ну как мне теперь быть, писать, что это бред?» Глупость всегда легко ляпнуть, но потом, как ни странно, очень трудно отмыться. Вот, например, был случай с очень уважаемым мной Щекочихиным, который долго говорил: «Не надо трогать журналистов, берегите журналистов!» Потом у него спросили: «Как вы относитесь к Жириновскому?» А он ответил: «Ну он, знаете, такой клоун… ну, как Леонов…»

Поэтому у меня большая просьба к журналистам: прежде чем писать о чем-то, а уж тем более о ком-то, надо хотя бы попытаться понять это что-то или кого-то, а лучше – просто полюбить. Актера действительно легко обидеть – все мы, к сожалению, очень ранимые люди, – пнут человека невзначай, потом скажут: «Ну, извини», – а этого «извини» уже никто не слышит…

ИНТЕРВЬЮ ПЕРЕД ВЫБОРАМИ В МОСКОВСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ

Дело в том, что я очень хочу заниматься именно тем делом, которым и занимался до сих пор. Я просто хочу, чтобы при этом у меня были развязаны руки… (*Александр Абдулов – инициатор благотворительной акции «Задворки Ленкома», на средства от которой был восстановлен храм Рождества Богородицы в Путинках. До этого там почему-то содержали собак. Именно в этой церкви, восстановленной благодаря энергии, крови и поту, а главное – желанию ленкомовских актеров и их друзей, потом отпевали всеми нами любимого Евгения Павловича Леонова. На средства от одного из грандиозных шоу «Задворок» был приведен в порядок детский дом для детей-инвалидов в Дмитровском районе Московской области. Очевидцы говорят, что персонал детского дома рыдал, глядя на все эти свалившиеся точно с неба компьютерные классы, и твердил, что такое в наше время – просто невозможно.*)

Я хочу – и это один из пунктов моей программы – восстановить парк и усадьбу «Кузьминки», создать, может быть, на базе Московского областного драматического театра в Кузьминках (ведь такая огромная площадь – и так мало задействована) «звездный» театр. Возможно, именно сюда будут приезжать и здесь, на этой сцене, будут выступать лучшие труппы зарубежных театров со всего мира.

Да даже если я и не пройду в Думу, то мы с друзьями соберемся вместе, «закрутим» какой-нибудь грандиозный концерт или шоу и постараемся восстановить усадьбу «Кузьминки» – поверьте, это не настолько трудно, насколько кажется… Но многие вопросы депутату решить проще…

К войне отношусь так же, как, думаю, большинство здравомыслящих людей. Я считаю любую войну величайшей трагедией. Не понимаю, почему в Чечне должны гибнуть наши ребята! Я не очень хорошо понимаю в этой связи политику и позицию президента страны. (*Ельцин Б.Н. – первый президент РФ, 1993–1999 гг.*) Но!.. Я не баллотируюсь на пост министра обороны. Я собираюсь заниматься совсем другими вещами, и жилищное положение одинокой старухи – то, что как депутат я, видимо, смогу разрешить, – кажется мне задачей не менее важной…

Я даю номер своего телефона огромному количеству людей. Я хочу собрать команду компетентных, инициативных специалистов, на которых (в процессе работы выяснится, кто есть кто) можно было бы положиться; команду, где каждый бы отвечал за свой участок работы; команду, которая хотела бы со мной работать по всем направлениям…

Я еще в детстве понял, что никогда никакой добрый дяденька не придет к тебе и не скажет: «Сашенька, на тебе…» Все это сказки. Если сам не сделаешь, то никто не сделает. Привычка к труду, она воспитывается с детства. Нас было три сына в семье. Родители пропадали в театре. Папа был режиссером, мама – гримером. Дома мы сами мыли полы, сами готовили. Я и сейчас все делаю сам…

1995

…У меня всегда работа на первом месте, потом – семья. Знаете, сколько помню (а наша антреприза существует уже более

десяти лет), я ни разу не видел, чтобы в зале были свободные места. У нас всегда битком, всегда аншлаги. Всегда. Причем часто мы играем и в залах на две с половиной тысячи мест, а в Ленинграде, например, собираем Дворец спорта… Когда мы только-только начинали работать, у нас у всех была такая вера, что ли, в успешность нашего предприятия. Зачем же начинать, если ты не уверен? Конечно, надо было верить. Вот мы и верили. Да и сейчас то же самое. Это мой хлеб… В принципе, это все было сделано для зарабатывания денег. Точно так же, как и работа на телевидении, и съемки в сериалах. Сейчас одновременно я снимаюсь в четырех картинах: «Блокада» (совместно с американцами), «Анна Каренина» у Сергея Соловьева, «Мастер и Маргарита» у Бортко… Я очень суеверный человек и заранее ничего говорить не буду, да и не хочется. Что касаемо романа «Мастер и Маргарита» и всей этой мистики и чертовщины, которые якобы связаны и с романом, и с попытками его экранизации, – так это ваш брат журналист придумал. И режиссеры. Ну, значит, не смогли поставить, не сумели. А во Владимира Бортко я верю. Он замечательный режиссер, он это доказал и «Собачьим сердцем», и «Идиотом»…

Только что я закончил писать новый сценарий – «Гиперболоид инженера Гарина» по роману Алексея Толстого. Если, бог даст, все будет хорошо, в декабре начнем это кино снимать…

…Знаете, вопрос о том, сидит ли наш зритель у телевизора или же вернулся в кинотеатры, он и теперь актуален. Просто у нас кинотеатров не было. Это идиотизм наш: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем…» Ну, разрушили до основанья, а далыне-то что? А там – пустота. Все кинотеатры пустили под рынки, под салоны. Прокат разрушили. А между прочим, в Советском Союзе кинопрокат был третьей строкой дохода государства после водки и табака. Кинопрокат содержал всю медицину и образование, понимаете? И это все разрушили! Ломать – не строить…

…Мое отношение к современным телевизионным играм, в которых люди демонстрируют далеко не лучшие свои качества, но при этом зарабатывают деньги, совершенно однозначное – это надо показывать. Вот я и сам веду передачу, в которую приходят люди, желающие заработать легкие деньги (*экстремальное шоу «Естественный отбор»*). И я не то чтобы не уважаю этих людей, но примерно что-то такое я к ним испытываю. Я делаю все, чтобы это было заметно. Потому что я считаю, что деньги нужно зарабатывать. Надо работать. А ждать, когда богатство сверху упадет, – это… как бы сказать помягче?.. Но люди приходят,

уверенные в том, что все это вполне нормально. Наглые причем. Начинают возмущаться, если их ставят на место… И тем не менее, она мне нравится, эта передача. Скоро мы будем снимать продолжение – еще двенадцать выпусков. Эта программа – она ведь оригинальная, наша, а не краденая, не лицензионная. Это же такая редкость нынче – по-моему, она вообще одна такая, остальные все «сперты»!

…Свои первые деньги я заработал в пять лет, я вышел на сцену в театре в роли деревенского мальчика – получил три рубля и принес зарплату домой…

Каждый сыгранный спектакль, он словно прибавляет тебе возраст: два с половиной часа на сцене – это не такое простое занятие. И конечно, полная глупость и пошлость то, что якобы сцена лечит, что якобы энергия зрительного зала возвращает тебе молодость. От зала, конечно, очень многое идет.

Если зал «дышит», если зал реагирует, то, конечно, отдача будет больше… У меня однажды была замечательная ситуация на одном спектакле. В первом ряду сидели муж с женой. Они смотрели-смотрели, и вдруг жена, ни слова не говоря, развернулась и – бац: залепила мужу по роже, отвесила такую увесистую пощечину, наотмашь, со всей силы. И он голову спрятал, отвернулся. А она дальше смотрит. Значит, так: история из спектакля совпала с ними, с их жизнью… Я понял, что точно попал в цель, в этот нерв…

…Когда я в первый раз посмотрел фильм Милоша Формана «Пролетая над гнездом кукушки» с Джеком Николсоном, я хотел уходить из профессии… Это было давно, в такое время… Я тогда понимал, что мне такой материал сыграть никогда не дадут. Что у меня не будет возможности даже попробовать такое сыграть или нечто подобное… Знаете, раньше об актерах ходили легенды, а теперь сплетни… При том количестве информации и дезинформации, которое на нас обрушивается, народ попросту тупеет. Сейчас время шарлатанов, сейчас очень легко обмануть. К сожалению, мы перестали писать письма, перестали читать. Я недавно чуть не упал со стула, когда по телевидению услышал о том, что провели опрос и составили рейтинг популярных актеров. Спросили у людей, кто знает Никулина и кто знает Шварценеггера. Оказалось, Шварценеггера знают больше, чем Никулина… Я уже не говорю о таких актерах, как Черкасов или Симонов. Услышав эти фамилии, люди спрашивают: «А кто это?» Мы довели страну до этого состояния…

…Жизнь одна, хочется все попробовать. Ну, кто-то может

тупо сидеть на одном деле, я не могу. Хотя все болит, что может болеть, видеть стал хуже, но больше всего устаю от безделья…

…Иногда могу заснуть абсолютно одетым, в дубленке. Я еще молодым, когда одновременно снимался в четырех-пяти фильмах и облетал самолетом за сутки по четыре города, придумал для себя выход. Шапочку вязаную ношу, и вот на глаза ее – оп: все, ночь. Клянусь, шапочку на глаза – и сразу заснул. В секунду. Сейчас домой приезжаю (мы живем за городом) – ложусь на диван, собака ложится рядом, кошки две – на меня. И вот пока они «ур-ур-ур» – это какое-то успокоение. Сегодня утром встал, кошаки на мне лежат. Пошел, дал им пожрать, пустил собаку погулять, вышел, мама спросила, чего я так поздно вчера вернулся, – ну, на то она и мама. Дальше уехал, сидел монтировал. Вот что такое жизнь, как можно объяснить? Одна из моих кошек прибилась на Валдае на съемках. Я жил в частном домике – и как-то смотрю, у входа котенок стоит кричит, уже умирал совсем, такой скелетик был. Я его пипеткой выкормил-выходил, с собой забрал, а когда привез, смотрю, жена в это время другого взяла, тоже маленького. Сейчас таких два братана вымахали – фантастика. Один рыжий, другой непонятный, как чернобурка…

Самое сложное из того, что приходится переживать моим близким, – это мое отношение к профессии. Домой прихожу уже не я – тень, руины мои приходят. Терпеть все время руины тяжело. Я бы не хотел, чтобы ко мне руины приходили. По идее, это невыносимо…

…В картине «Бременские музыканты и С^{o}», над которой я сейчас работаю, девятьсот восемьдесят семь кадров, я помню наизусть каждый дубль. Я, который забывает собственный телефон, никогда не думал, что на это способен. Я не вижу человека. Вот смотрю на кого-то – думаете, вижу? Это у меня «аудио» идет, а «видео» – совсем другое: чего я сегодня склеить забыл. Несинхрон абсолютный. Такое состояние… Я не боюсь браться за работу. У меня и редактора нет, и второго режиссера. Я привык сам за все отвечать. Если что-то не получится, виноват буду только я. Но оно получится…

Кажется, Белла Ахмадулина сказала: «Кто чего боится, у того то и случится». Когда-то я снял полудокументальный фильм «Храм должен остаться храмом» – это был мой первый режиссерский опыт. Потом, у меня как у актера сто двадцать картин, и уж я в монтажной посидел. Я всегда сидел в монтажной у Балаяна, у Соловьева, у Гинзбурга…

Наверное, да чего скрывать – я боюсь выйти в тираж, но не

более, чем любой из нас… Я знаю себе цену как артисту – не по газетам, а по зрительному залу. Кроме того, я не сижу, не жду, чтобы меня позвали. Сам хожу… Начинал когда-то с массовок, половины уже не помню. По-моему, было такое – «Фронт за линией фронта»: я там бегал в атаку. Все время бегал. Человек не имеет права сидеть ждать чуда. Кому-то повезет, а кому-то – нет. Я же не говорю, что Смоктуновский – плохой артист. Но он полжизни прожил под лестницей в Театре Ленинского комсомола, и дядя Ваня Толкушкин, закройщик наш, его кормил. Когда Смоктуновский стал князем Мышкиным, все сказали: «Гений», но это был тот случай, когда чудо произошло. Но оно могло ведь и не произойти… Я приехал из Ферганы как дворняжка, которая собиралась завоевывать Москву. Я этого хотел. По ночам разгружал вагоны, жил в общежитии – пять лет на Трифоновской, восемь – на Бауманской. Для меня это нормально. Я не жду доброго дядю… Ситуация падения, она ни для кого не исключена – если мозги откажут, стану дауном – тогда не исключена… Но все будет нормально, если я сам буду нормальным, сам не пущу себя в тираж, не пойду на телевидение… Нет, никогда не брошу камень в тех, кто снимается в рекламе, в сериалах, но вы много видели артистов, которые играют в «Ментах», а потом в хорошем кино? Я не пойду в сериалы, пока они не станут такими, какие делали Аранович, Лиознова… Болтнев в «Противостоянии» у Арановича сыграл гениально просто, Басилашвили там замечательный, вообще, это суперфильм. А сейчас сниматься в сериалах – это почти самоубийство…

…У меня есть мама, жена, брат, дочь – это как бы первое. Новых друзей, как ни странно, нет. Минимум мы дружим лет по десять, максимум – по двадцать пять – тридцать: Вова Черепанов – звукорежиссер театра, Орсеп Согомонян – художник, Леша Орлов – бизнесмен, Витя Сергеев – директор «Ленфильма». Когда мы познакомились с Ильей Хотюшенко, он был простым милиционером, сейчас – начальник отдела. Совсем сумасшедший человек, больной в своей профессии. Ему вот уже никуда не нужно ездить, он начальник, все замечательно, а он поехал – в Назрань, брать какого-то там бандита… Ну, это я совсем старых друзей назвал… Если я дружу, человек автоматом допущен в дом. И Коржаков не «нужный» мне человек, просто мужик хороший. Есть такая категория людей, которых мама вообще считает своими детьми. Когда Анар Мамитханов из Баку приезжает, мама говорит: «Видите, ребенок пришел…» Конечно, из театра: Олег Янковский, Саша Збруев, Сережа Степанченко, Саша Карнаушкин – мой однокурсник, тридцать лет мы вместе…

…Дай Бог, чтоб у Олега (*Янковского*) был замечательный фестиваль (*«Кинотавр»*), но и те два, которые делал я, тоже, считаю, классными были. Московский мы с Соловьевым взяли, когда фестиваль был в состоянии полного ноля – его не было, а мы хоть до какого-то уровня его дотащили… Однако столько гнусных сплетен ходило о финансовых махинациях… Я счастлив, что дачу успел построить до того, как стал заниматься фестивалем. Вообще, могу признаться: пришел получать зарплату – и чуть не заплакал, клянусь. Восемьсот рублей за полгода работы. Все знакомые сказали: «Ты дебил». Вот если бы сейчас снова заняться фестивалем, я знал бы, как заработать. Но опять же – «себе» скверный характер не позволит… Притом я дико порочный человек, я игрок, играю в казино, но только на свои, всегда. Не украл, не убил. Однажды приехали в Египет на съемки, спонсоры не перевели денег, а я группу привез. Все с ума чуть не посходили… А я каждый день вечером после съемок ехал в казино – туда триста километров, обратно столько же, – садился и делал ставки по пять долларов. Никогда в жизни не играю по такой мелочи – всегда по-крупному. Но у меня была цель – выиграть группе суточные на завтра. Выигрывал – уходил, все мне говорили: «Куда? Ты с ума сошел», – обычно я сижу подолгу. А тут нет, уходил, раздавал людям деньги, и это длилось почти две недели… Что до прочих недостатков… два года не курил, нельзя мне, на фильме «Бременские музыканты» опять начал… Люблю женщин, люблю футбол – вообще азартный человек. Кстати, я еще со школы мастер спорта по фехтованию. И может быть, играть все время – это не порок, а даже хорошо…

Я верю в людей, верю в жизнь. У меня есть один критерий «настоящего» – стыдно или не стыдно. Стыдно мне за эти кадры? Нет. Дальше поехали. А за эти? За эти стыдно. Все, убираем… Естественно, я сомневаюсь в куче всего, но об этом никто не должен знать. Я делюсь только радостью. Быть с кем-то в горе – самое простое. «Такая потеря» и т. д. Вот порадоваться вместе, когда у тебя все хорошо, – другое дело. За свои сорок шесть лет я проверил это несколько раз. Еще в тридцать три года придумал тост: «Дай Господь, чтобы все хорошие слова мне говорили в спину». Понимаете? Не в лицо. В лицо все говорить умеют, а стоит только отвернуться…

…Еще я очень хотел сыграть короля Лира в сорок пять лет. Так гораздо интереснее. И обо всем договорились с Някрошюсом (*Эймунтпас Някрошюс – известный театральный режиссер из Литвы*), деньги были, Захаров уже объявил об этом на собрании труппы. Но Някрошюс куда-то свинтил в последний момент. Не

знаю, может, испугался… А дочь у меня потрясающая, очень серьезная. Английский уже знает гениально. Ей двадцать четыре, училась на юридическом, стажировалась в одной из старейших английских адвокатских контор, сейчас бросила это дело и в телекомпании «ВИД» делает свое ток-шоу с детьми разных известных людей.

…Думаю, мои близкие видят во мне главу семьи. После папиной смерти в 1980 году кто-то должен был стать «вожаком стаи» независимо от возраста – помните «Крестного отца»? Маме восемьдесят три года, брат старший уже на пенсии. Мы уже лет восемь живем на даче. Есть двухкомнатная квартира на «Соколе», но мама мечтала о своем доме, и теперь у меня два дома на участке в двадцать соток. У них – маленький, двухэтажный, в тридцати метрах от моего дома. Мама живет на первом этаже, брат на втором. Можем неделями не видеться. Еще у меня есть один автомобиль, «Вольво». Его в день рождения подарил мой товарищ, когда у меня от театра сначала угнали БМВ, а потом джип – те, что милиция до сих пор не может найти… Ощущение такое, что тебе плюнули в лицо. Но если сейчас найдут, я в эти машины уже не сяду. Это, знаете ли, как изменившая женщина, как бы порченая… Думаю, я не смог бы простить измену. И дело даже не в том, что я бы не смог простить, – я не смог бы жить с ней. Если в процессе общения она мне говорит, что я у нее один, а после оказывается, что «я» у нее три, мне это неинтересно… Ну, не могу сказать, что я себя не люблю. Я к себе, любимому, хорошо отношусь. Знаете, человека нужно принимать таким, какой он есть. Только необходимо точно понимать грань между тем, что ты готов принимать, а что – нет.

…В канун наступающего нового тысячелетия очень хочу, чтобы мама была жива, чтобы дома все было хорошо, чтобы в Чечне все кончилось. У меня даже есть идея помочь Комитету солдатских матерей, устроить гала-концерт, хотя бы собрать для них денег. А для себя ничего особенного – просто жить хочу…

…В КГБ меня вызывали много раз. Два раза даже пытались вербовать. После чего я сказал: «Ребята, я по-вашему не понимаю, поэтому разговора не будет». Когда первый раз на Кубу поехал, то ко мне, оказывается, специального человека приставили.

В последний день, перед возвращением, он, пьяный, подошел ко мне, подарил большую морскую раковину и сказал заплетающимся языком: «Саша, спасибо, что ты не остался». Потом несколько раз меня вызывали накануне поездки в Париж с «Юноной», с которой перед этим меня не взяли на гастроли в Португалию и еще в какую-то страну. В Париже я в первый день

лихо пошутил, хотя позже понял, что эта шутка могла кончиться для меня серьезными неприятностями. С нами поехали человек шесть «искусствоведов в штатском». И вот я вышел из гостиницы, увидел, что они стоят спиной ко мне, и на полном серьезе спросил: «Вы не подскажете, как будет по-французски: “Я прошу политического убежища”?» И здоровый такой мужик, Сан Саныч, замечательный, как потом выяснилось, человек, повернулся и сквозь зубы сказал: «Я тебе дома переведу». Вообще-то, я довольно рискованный человек: ну вот я попробовал снять фильм. Теперь хочу попробовать сделать как режиссер спектакль в «Антрепризе Абдулова», рок-оперу. Уже есть музыка, либретто Николая Дуксина. Я ездил в Париж смотреть балетмейстера, которого мне знакомая посоветовала. Его зовут Режис Обадиа. Уникальный парень, просто потрясающе интересный. Он работает и как режиссер, и как художник, и сам танцует…

…У Чехова сказано о писателе, который, стоя у постели умирающего, страдает и в то же время наблюдает за своим страданием, – то же самое и у актера. Думаю, что актер даже более наблюдателен, чем писатель, потому что он детали должен ловить. Может, мне опыт игрока и пригодился, но вообще-то это другая история. Это же не рассказ о казино, а история падения и возрождения. У меня долгое время не получалась эта роль (*роль Алексея Ивановича в спектакле «Варвар и еретик»*), и я дико переживал, дергался, был в чудовищном настроении. Но потом что-то произошло. Говорят, что ничего… А вы знаете, что у меня за двадцать пять лет в театре не было ведь никаких наград. Нет, вру, за первую роль я получил «Золотую маску», а потом долго ничего не отмечалось. И вот за «Варвара» я получил и «Хрустальную Турандот», и «Чайку», и премию Станиславского. Но, наверное, ценнее всего то, что моя мама смотрела спектакль и плакала. Ей очень понравилось, и это для меня самая большая награда…

У меня есть в Москве квартира, но вот восемь лет назад я просто решил, что, пока есть силы, пока могу заработать, построю дом и себе и маме на одном участке, перевезу туда брата. Брат живет вместе с мамой, я живу один – воплотил свою мечту жить в лесу, просыпаться и не видеть ни соседей, никого. Вот мои две собаки выбежали во двор, и я вышел. Я даже иногда, когда летом домой поздно прихожу, то остаюсь спать в гамаке на улице. Это один из самых старых дачных участков. У меня, например, слева за забором – дача Утесова, дальше – дача Любови Орловой, напротив – дача Сергея Образцова. Это такое, можно сказать,

«намоленное место». Там аура сумасшедшая…

Мама клубнику растит, укропчик, лук сажает, она это любит. Я ей там парник поставил. Ну, это как бы такие домашние радости для мамы, брата, моих друзей… Семья, знаете, понятие растяжимое… А семья, наверное, это и я сам. Я, мои собаки, попугай, зеленый такой, «ожереловый» называется. Кошки еще жили, но недавно ушли. Меня предупреждали, что если два кота в доме, то один может убежать. Они очень дружили, спали в обнимку, как два брата, – рыжий и черный. Сначала исчез черный брат, а потом и рыжий, он долго орал-орал, а потом тоже ушел. А собаки дома. Одну мне подарили на день рождения, а вторую, спаниельчика, я подобрал на улице. Грязный такой был. Ребятки-охранники, которые его подкармливали, говорили – он уже неделю там бегал. Когда я открыл дверь машины, он вдруг разбежался, прыгнул и сел рядом. Я подумал и решил, что он будет моим…

Знаете, я поначалу очень болезненно реагировал на то, что обо мне пишут в прессе, крайне болезненно реагировал… А сейчас уже перестал. И даже не читаю ничего. Глупо реагировать и тем самым кормить журналистов: отвечать им через ту же прессу, скандалы устраивать. А она тебе еще раз, а ты снова опровержение даешь… Зачем? Когда-то я на это обижался, а сейчас мне наплевать. Бывает, приходят с умным видом корреспонденты и спрашивают: «Расскажите, пожалуйста, как вы стали артистом?» Вот что я должен им рассказать? Ну, возьми хоть энциклопедию почитай, подготовься, имей уважение, узнай, с кем и о чем будешь разговаривать. Правильно? Это ведь тоже входит в понятие профессионализма. А когда человек ждет, что я ему сам все выложу, а он потом поставит под этим фамилию Тютькин и причислит себя к пишущей братии, то зачем мне с такими людьми общаться? Поэтому и пошла обо мне молва, что я не люблю журналистов и все время с ними скандалю…

…Близким со мной очень трудно… Я бы сказал, что невозможно. И характер поганый, и профессия такая, что все время нервы навыпуск…

Мне довольно часто задают вопрос, которым обычно третируют актрис: не стыдно ли мне раздеваться перед камерой? Каково мужчине в подобной ситуации? У нас на этот счет шутка есть: когда снимаются постельные сцены, я Лебешеву, замечательному оператору, всегда в таких случаях говорю: «Паша, ниже пояса не снимать – можешь разрушить имидж».

Помню, как-то играл в очень смешной картине про сумасшедшую любовь, где мы появляемся вдвоем с героиней

голые то в одном месте, то в другом. Актриса обнаженной работать отказалась, взяли дублершу, а я сам решил. Снимали в Ялте – в безлюдных местах у моря, в горах. И когда подъезжали к гостинице «Ялта», режиссер увидел огромную живописную поляну незабудок. Утро, никого нет, и он говорит: «Ребята, давайте снимем, как вы в незабудках лежите, красиво будет». Ладно. Мы разделись, легли и только начали что-то делать, как вдруг в это время подъезжает автобус, и из него выходит японская делегация. Смотрят: прямо перед ними в незабудках лежат два голых человека, целуются, обнимаются и так далее. Они были приятно удивлены, достали фотоаппараты, начали фотографировать. Потом они, конечно, поняли, что это съемка, но первое ощущение у них было довольно забавное. Вообще, я считаю, что это, как говорится, издержки профессии. Если надо, значит надо. Это ж не то что мне хочется показать, какой я. Вот играл инженера Щукина в «12 стульях», и там нельзя было выйти в трусах, потому что весь смысл сцены в том, что герой вышел голым и за ним захлопнулась дверь. Ильф и Петров так написали – ну что я должен делать? Так в мыле и выходил. Ничего. Стояла огромная съемочная группа, все смотрели, дамы застенчиво хихикали…

…Сейчас как раз Сергей Соловьев запускается с фильмом под названием «О, сердце!» («О любви…») по Чехову. Я там «Медведя» буду играть…

Думаю, любовь, ее невозможно сформулировать и объяснить. Любовь – это то, что не понимается мозгами. Как только она становится разумной, расчетливой – это уже нечто другое. Любовь – сумасшествие, безумие и все что хотите. Со временем она перерастает в привычку, жизнь идет, и все. А вначале это неземное состояние, когда ты не ходишь, а летаешь, когда от прикосновения руки можешь сойти с ума, – совершенно неконтролируемый процесс. Причем у всех она проявляется по-разному, кто-то даже берет и прыгает с десятого этажа. Расчетливый человек разве может пойти и прыгнуть вниз головой? А я знаю, что способен на подобные безумства…У меня раза два в жизни было нечто невероятное, когда я творил такое, что боже мой! И вены резал, и с пятнадцатиметровой вышки прыгал. Попробуйте прыгнуть, я посмотрю на вас. Меня сейчас и самого туда не затащишь. Никогда в жизни – самоубийца, что ли? А тогда прыгал, чтобы показать, на что способен…

Удовольствия бывают разные. Нельзя, конечно, все ставить в один ряд, но это могут быть и женщина, и друзья, и машина, и вкусная еда. Или солнце вдруг вышло – и ты радуешься, подставляя ему лицо. Я люблю свой дом в деревне на Валдае,

люблю садиться на водный мотоцикл и гонять по озеру – это такое счастье! Там тридцать с лишним уникальных озер, которые остались после ледникового периода, в них просто потрясающая вода. Раз десять за лето туда ездил. Я снимался в тех местах в «Тихих омутах» у Эльдара Рязанова, у которого тоже там дом есть…

Знаете, странное дело – я просто влюбился в это место, мне оно безумно понравилось. Там свой микроклимат, абсолютно другая жизнь. У меня невероятно красивый дом, я его сам построил. Он сложен из огромных бревен. На Валдае его очень красиво называют – дом Медведя. Ко мне как-то ехали друзья, искали-искали, остановились и спрашивают: «Где здесь улица Белова?» – «А что вам надо?» Они отвечают: «Нам к Абдулову». – «А, дом Медведя?» – и сразу дорогу указали…

Я вообще-то не светский человек в таком, общепринятом смысле. Ни на какие тусовки не хожу, люблю душевную компанию или просто по-тихому уехать на дачу. А ходить куда-то, чтоб лишний раз где-то мелькнуть, мне это уже не надо. Когда я вижу по телевизору одних и тех же людей, то не понимаю, как они успевают перебегать с тусовки на тусовку. Смотришь, идет какой-то концерт – они там сидят, переключаешь канал – и там они же. Причем ведущий этой программы снимает ведущего следующей, и так далее. Такое впечатление, что они переходят из павильона в павильон. Я это уже видеть не могу… Да, собственно, и не смотрю. Но когда прихожу домой, то сразу включаю телевизор – просто чтоб мелькало, шумело. И такое ощущение, что в доме еще кто-то есть. Я могу глядеть на экран и ничего не видеть. А смотреть люблю футбол… Да я и сам в него неплохо играл. Даже кубок есть, который ленкомовская команда «Авось» выиграла на чемпионате Москвы. Тогда команд двадцать за него сражалось: ансамбль «Березка», Театр Маяковского, Театр Моссовета, ТЮЗ. В финале мы играли с Театром Маяковского, который тренировал сам Старостин. Вот это был праздник! На матч приходили главные режиссеры, с той стороны были Андрей Гончаров, Армен Джигарханян. От нас – Марк Захаров, Евгений Леонов, Татьяна Ивановна Пельтцер. На стадион являлся весь театр, приходил оркестр с инструментами, играли, свистели, орали. Это было целое зрелище, настоящее шоу. Куда бы мы на гастроли ни приезжали, везде матчи устраивали. Помню, однажды в Саратове, где мы играли с интеллигенцией города, такое невообразимое количество зрителей собралось, что их умоляли сойти с трибун, чтоб те не рухнули…

Конечно, кроме кубков в моем доме есть еще некоторое

количество исторических предметов. Вот висит в рамке билет на самолет, который разбился. Я должен был лететь на нем в Ленинград.

Еще на стенах моего дома висят фотографии с Робертом Де Ниро, с Катрин Денев – я знаком с ними… Де Ниро три раза приезжал на Московский фестиваль, во времена, когда я был его директором. Есть снимки с Ричардом Гиром, который тоже трижды приезжал в Москву, и все три раза я его принимал. Там висит портрет Евгения Павловича Леонова. Из картин у меня есть Анатолий Зверев, есть работы и других художников, но не могу сказать, что я коллекционер. Вот что дарят, то и вешаю. Не собираю ни банки, ни спичечные коробки. Пытался собирать деньги – тоже ничего не получилось… Хотя… Не будем разрушать имидж. Пускай все думают, что я миллионер и у меня все хорошо…

Серьезно ответить на вопрос о том, насколько имидж человека отличается от его реального содержания, довольно трудно, может быть даже невозможно. Ну не стану же я рассказывать о том, какой хороший человек Александр Гаврилович Абдулов… Ну, хотят некоторые люди видеть во мне другого, отличного от реального, мол, такой везунчик, баловень судьбы, смазливая мордашка, герой-любовник и все в том же духе. Как-то принесли мне статью с такими «тезисами». «Звезда устала» называлась эта статья. В ней было написано о том, что, дескать, я уже отработан. И мне невероятно захотелось спросить у автора: что значит отработан? Когда за год человек сам снимает кино, снимается в двух четырехсерийных телефильмах и двух художественных фильмах – это что, отработан? Пусть мне назовут, кто за этот год сделал больше…

Я невероятно гордился тем, что двадцать лет курил, а потом в одночасье бросил и два с половиной года не прикасался к сигаретам. А вот на съемках «Бременских музыкантов», когда разыгралась буря и мы ничего не могли сделать, со мной просто началась истерика, и я снова закурил. И очень стыдился этого…

В общем, в какие-то такие моменты особенно чувствуешь, как быстро летит время. Последний юбилей, сорок пять лет, у меня бурно прошел. Ко мне приехали человек сто. На день рождения ко мне гости всегда сами приезжают, без приглашений, из разных концов страны, из-за границы. А у меня же участок приличный, места много, и все действо происходило на улице, поскольку это конец мая. И попал в нашу компанию Чак Норрис, который смотрел на это дело, удивлялся и постоянно спрашивал: «У вас что, сегодня какой-то общенациональный праздник?»…

А что касаемо повседневной жизни… Да разве это жизнь? Мотаемся, мотаемся, мотаемся… Знаете, я вот раньше боялся отключать телефон. Думал, только отключу – и какой-то серьезный звонок пропущу, что-то важное не случится. А с некоторых пор я перестал этого бояться, поэтому сейчас я отключаю телефон довольно часто…

Уверен, внутри каждого из людей уживаются несколько прототипов, или, если хотите, персонажей. Снимай вас целый день скрытой камерой, и в течение этого дня вы будете и булгаковским Коровьевым, и Стивой из «Анны Карениной», и Ноздревым из «Мертвых душ»…

Кстати говоря, Ноздрев, как я для себя выяснил, единственный в «Мертвых душах» положительный герой – он один не продал душу дьяволу. Он – эдакий постаревший Хлестаков: вот сидит он один-одинешенек в своей деревне и, чтобы разогнать скуку, все время себе что-нибудь придумывает. Развлекается, так сказать. Думаете, нужно ему было продавать этих несчастных собак – да не нужно. Мы в картине придумали эпизод, когда в деревне к Ноздреву выбегают человек тридцать детишек. И все как один рыжие, такие, как он. Представляете, вся деревня рыжая!..

Спрашивается, откуда взялся такой Ноздрев? А все просто – подсмотрел, взял из реальной жизни… У меня приятель есть, так вот, когда мы с ним приходим на пляж, я обычно шучу: «Леша, свитер забыл снять». Вот и герою своему я придумал такой грим: рыжий парик, рыжие бакенбарды, рыжие усы – настоящая медная проволока… Потом я расстегиваю рубашку – у меня и грудь такая же медная. Говорю: «Давно не брал я в руки шашек», засучиваю рукава – а у меня и руки такие же…

Категорически уверен – ничего лишнего в жизни нет. Все мое… Ну скажите, пожалуйста: от Коровьева можно было бы отказаться, или от Стивы, или от Ноздрева? Как можно отказываться от таких ролей?! Нет, мол, я еще подумаю, я еще подожду: а вдруг мне Гамлета предложат. Ну, сиди и жди! И это никакая не гонка, это образ жизни… Извините, я приехал из Ферганы, в Москве у меня не было никого. И все, чего в этой жизни я добился, я добился сам. Если бы сидел и ждал, когда придет добрый дядя и даст мне конфетку, ни черта бы из меня не получилось… Конечно, устаю. Страшно устаю. Вот сейчас сплю и вижу, как первого мая сяду в самолет, улечу в Астрахань, возьму лодку и в полнейшем одиночестве уплыву в камыши и буду ловить рыбу. И так четыре дня. Кайф!

…Знаете, вообще-то актер не должен говорить об усталости.

Ну да, это край – дальше только гроб, летальный исход…

В последнее время я частенько становлюсь главным персонажем каких-то скандальных публикаций… Ой, такую херню пишут – что-то страшное. Например, что я уже на операцию лег, что с жопы перетянул кожу на лицо… Или вот про некое странное заболевание, после которого в театре со мной за руку никто не здоровается, из опасения подцепить заразу… Действительно, не все со мной здороваются за руку, да и я тоже не со всеми…

Да, кстати говоря, я ведь однажды сам про себя запустил одну шутку, что, мол, певица Пола Абдул моя сестра. Как все купились! Подходили, спрашивали: «Сань, чего же ты молчал?» Так что запустить можно любую утку, да и написать можно все что угодно…

…Естественно, как любому человеку, мне есть что скрывать. Ошибок в жизни много наделал. Но ни о чем не жалел и не жалею. Никогда. Ошибка? Да. Но это моя ошибка. Боль? Это моя боль. Актера нельзя жалеть. Люди, которые пришли в театр, не должны знать, что вчера, допустим, у тебя умер самый близкий человек. Им наплевать – они купили билеты: изволь, давай, солнце, играй…

Я не могу и не умею публично каяться в каких-то собственных грехах. Я никогда не рассказываю о своей личной жизни… И потому никто из посторонних о ней не знает… Придумывают что-то – ну и пусть придумывают. Чего-то подсматривают, где-то подслушивают – да и бог с ними. Но я-то ничего не говорю… В мою профессиональную деятельность, пожалуйста, лезьте – она публична… Но моя личная жизнь – это моя личная жизнь… Есть люди, которые пишут о том, как они спали с одной женщиной, потом с другой, дальше с третьей. А те, о которых пишут, они уже давно жены других людей, у них дети. Как вы считаете, это нормально? По моей морали, я считаю, что это подло. Вот, например, читает ребенок книгу или статью и узнает – оказывается, мою маму – того… Нет, я этого не понимаю. Представляете, если я сейчас напишу, с кем я жил. Ну-у-у!.. Это хороший многотомник был бы, волосы бы у всех дыбом встали… Я никогда этого не сделаю. Это табу. Этого делать нельзя…

Я иногда играю в казино. Но, конечно, сейчас не так, как раньше… От этой болезни можно излечиться… Можно. У меня-то был просто клинический случай – каждый день ходил в казино как на работу. А однажды наступил тот самый момент, когда я понял, что еще секунда, и тумблер сработает – у меня просто уедет крыша. Слава богу, за ногу к батарее меня не привязывали – до этого не дошло… С этой иглы я соскочил сам. Тьфу-тьфу-

тьфу… Хотя, признаюсь, еще чуть-чуть, и бросил бы театр, продал квартиру, машину – все бы проиграл, до нитки…

Началось это в то время, когда в Москве открылось первое казино – в гостинице «Ленинградская»… Та еще компания собиралась: это были абсолютно сумасшедшие люди, абсолютно больные на голову. И я не исключение – был момент, когда мне казалось, что карту уже видишь насквозь…

Выигрышей было много. Однажды я выиграл шестьдесят две тысячи… Долларов, естественно. Случалось, и по тридцать тысяч выигрывал…

А однажды, страшное дело… Однажды я проиграл весь свой гонорар за фильм. Причем за итальянскую картину. Не хочу даже вспоминать сколько… Причем, когда пришел в себя, спросил, что это за день был, – оказалось, тринадцатое число, пятница. В этот день из дома-то выходить нельзя, я уж не говорю про игру… Вот бес попутал…

Сейчас, да, бывает иногда, поигрываю. Но только если находятся лишние деньги… Пришли, допустим, в ресторан, а там казино: пойдем поиграем – пойдем. Но я знаю, что проиграть могу только определенную сумму, больше – не имею права. Просто я понял, что такое игра. Ведь на чем построено казино? Выигрывает тот, кто может вовремя сказать себе «стоп», встать и уйти с выигрышем. Сколько раз ко мне подходили: «Саш, ну уже столько выиграл, уходи». – «Сейчас-сейчас, еще разочек». И в результате уходишь ни с чем. Как в том анекдоте, когда из казино выходят двое: один в трусах, а другой вообще голый. И тот, который в трусах, говорит: «Ну, мужик, ты азартный!»… Что до других распространенных пороков – ну да, я могу выпить… да, могу. Но при этом не понимаю, как можно пить, если у тебя вечером спектакль. Не потому, что я какой-то там шибко сознательный, – просто профессия не позволяет. Она потом так тебе отомстит! Я не знаю, что такое выпивать во время съемок…

…Категорически не приемлю любое проявление хамства… Если вдруг в какой-то момент происходит нечто подобное, направленное в мой адрес или в сторону близких мне людей, вполне могу дать по роже… А эти, извините, папарацци… При том, что я вполне адекватен и меня нужно очень сильно разозлить, очень сильно достать, чтобы вывести из себя… Я ненавижу, когда меня исподтишка фотографируют. Сидишь, например, обедаешь, а этот урод… Нет, по роже я его не бью… Зачем? Я забираю фотоаппарат и бью об пол… Я что, нанимался ему позировать? За это морду бьют, это неприлично…

Да уж, поклонники бывают разные… Мне довольно много

пишут, вот например: «Сегодня, 21 марта, мы решили поздравить вас, уважаемый народный артист, с началом весны…» – вот это по-настоящему приятно и даже замечательно. Просто поклонницы бывают и сумасшедшие, а есть абсолютно больные. Одна из них в Ленинграде уже много лет встречает меня на вокзале… Я, признаться, опасаюсь – не конкретно эту женщину, а в принципе… Ну как же: топором меня рубили – какой-то сумасшедший залез ко мне в дом, серной кислотой меня обливали… Я их просто боюсь – кто знает, что у них на уме. Одна, помню, ко мне подбежала и как закричит: «Я должна вам сказать, я не могу молчать, я должна!..» И подводит ко мне парня: «Это ваш сын». Посмотрел я на него: «Сынок, тебе лет-то сколько?» Он говорит: «Тридцать два». Я так посчитал: в тринадцать лет, ну да, теоретически – мог, конечно, но вряд ли. Говорю ему: «Мальчик, иди отсюда…»

Думаю – да, меня есть за что не любить, может быть даже ненавидеть… Поначалу столько на меня анонимок писали – просто тома. Меня даже выгоняли из театра, я был шесть лет невыездным. Всякое бывало. А когда в соответствующих структурах мне дали разрешение на эти анонимки посмотреть, то мы с Сашей Олейниковым (*в 1990-е годы один из ведущих телеканала ТВ-6*) придумали такую передачу: мол, будем подходить к людям, написавшим эти эпистолы, и спрашивать: «Как вы относитесь к артисту Александру Абдулову?» И когда последует ответ: «Да, Абдулов – замечательный артист, такой хороший человек…» – он раз: «А как же, дорогой товарищ, так получается…» И достает из-за пазухи анонимку. Все уже было на мази, Олейников пошел в архив забирать дело. Но неожиданно ему отказали: «А мы вам не можем отдать». И аргументировали отказ такой замечательной формулировкой: «Потенциально возможен контакт с президентом». Представляете? А многие из тех, кто строчил на меня анонимки, до сих пор служат в театре. И я с ними здороваюсь. Ну, а что с них взять – несчастные люди… А я – счастливый… Нет, конечно, внутри себя я могу бормотать: «Господи, какой же я несчастный, как я устал – никуда не пойдешь, никуда не выйдешь, по улице ходить нельзя…» Это я себе могу сказать. Публике – никогда…

…Секреты молодости – не знаю, особых нет; ну, я слежу за фигурой. У меня уже на протяжении двадцати или даже больше лет стабильный вес – девяносто один килограмм. Я набираю килограмма два, взвешиваюсь и скидываю. За свой вес абсолютно спокоен. Когда я вижу разжиревших людей и они мне говорят, мол, понимаете, у меня вот конституция такая, я отвечаю: «Не

жрать не пробовал на ночь?» Когда я вижу, как жрут макароны, булки, гамбургеры, когда, например, в Америку приезжаю, я смотрю на этих людей, и мне просто страшно. Это не конституция, это распущенность. Просто не ешь! Вот и все. Просто сила характера. Но во всем себя ограничивать только ради здоровья я вряд ли стану. Я люблю вкусно поесть. И люблю, и ем очень вредную пищу: жирный плов, баранину, люблю свинину. А вот кашку-малашку, потом две таблетки, вдогонку кусочек репки – не могу. Я не очень-то верю докторам, которые рекламируют свое чудодейственное лечение по телевизору. Я сталкивался с этой проблемой – помогал моему очень близкому другу. И, к сожалению, он умер. Я прошел все эти клиники.

Понимаете, все эти рассказы о том, что вот сейчас этот доктор вылечит все ваши болезни за двадцать пять тысяч долларов, не всегда верны или даже правдивы… Мне доктор говорит: «Нужно завтра лекарство». Я отвечаю: «Хорошо». Звоню по аптекам… Знаете, сколько стоят десять вот таких ампул? Девять тысяч долларов! Мы все, друзья, сложились, купили ему это лекарство. Правда, это тоже не помогло. Но каким образом нормальный человек может купить за девять тысяч долларов лекарство? О чем думают все эти люди, сидящие в Думе?! Конечно, сейчас безумно выгодно, чтобы вот все бежали в больницы лечиться. Например, от наркомании. Естественно, все хотят вылечиться. Но каких денег стоит это лечение… Это же безумие! Один хочет выжить, а второй – заработать на первом. Вот и все. Но я ни в коем случае не против докторов… Просто, понимаете, когда ты в сорок лет просыпаешься и у тебя ничего не болит – значит, ты умер…

Мне некогда ходить по врачам. У меня профессия такая. Сейчас на полгода вперед расписан каждый день… Я снялся в шести картинах, нужно еще это все озвучить. Начал снимать свое кино. Я снимал сутками – по двадцать четыре часа. Вот сегодня я закончил съемку в десять утра. А начал ее вчера, представляете? У меня выхода нет. Если я не сниму сейчас, я больше никогда не сниму.

Вы понимаете, все в руках Бога, у нас жизнь такая короткая… Если мы будем так думать: «Вот сегодня я полежу, а потом, там лет через пять, как дам, как дам!»… Я не понимаю этого. Надо жить сегодняшним днем. И огромное счастье, что рядом есть такие люди, как врачи, которые понимают тебя. Я вообще за домашнюю медицину. Должен в каждой семье быть домашний доктор, который знает тебя, твоих детей, твою родословную…

У меня есть мои друзья, мои врачи, которых я не считаю домашними. Они помогают по жизни мне, маме, моим близким.

Удивительные люди, и низкий поклон им за это. У меня была сердечная недостаточность, я прошел курс тридцатидневного лечения благодаря хитрости Юры Базиашвили, который меня всеми возможными правдами и неправдами заманивает к себе в клинику. Приглашает к себе просто так, мол, посидим, поговорим. Я прихожу к нему. Мы с ним разговариваем, пьем чай. Вдруг заходит врач, говорит: «Ну, раз пришел, давай мы тебя посмотрим». Врач – это великая профессия. Но, как и в любой другой профессии, есть люди, которым ты особенно веришь. Я, например, раньше при виде бормашины падал в обморок. Сейчас у меня есть зубной врач, мой друг Саша… я у него пять часов могу сидеть. Лечение – это дело сугубо индивидуальное. Если человек умеет слышать свой организм, то сам может что-то делать. Я, например, извините, отравился чем-то. И точно знаю, где этот кусочек у меня лежит, ощущаю, знаю, чем отравился. Ну, это такое свойство моего организма…

Есть замечательный русский рецепт, помогающий практически от любой простуды: рюмка водки, пол-ложки перца, размешать и выпить. Это замечательно. Ты так потеешь, просто страшное дело. Выгоняет простуду моментально. Водка – одно здоровье. В нормальных дозах, конечно. Я не пью ничего другого кроме водки. Если честно, сейчас много суррогатов, все паленое. Акцизную марку подделать – тьфу. Говорят, мол, у нас защита там. Какая защита? Очень просто все делается…

Мне нужно бросать курить, сто процентов… Но я слаб, не могу. Бросил один раз, два с половиной года не курил и поправился на сорок килограммов. Ничего не могу с собой поделать. Даст Бог сил – может, брошу. Все-таки организм уже привык за сорок-то лет. Будто бы твердит: «Дай, дай никотина, дай никотина». А ты ему не даешь. Тогда он обидится и заболеет…

Постоянно твердят о том, что в Америке все поголовно ведут здоровый образ жизни. И что же? Не такая уж здоровая жизнь в Америке, если честно – прямо смотреть невозможно. Они сами воют от этой здоровой жизни. Ну, запретили они везде курить. Что, у них смертность понизилась? Не понизилась. Так же мрут. Это ужас, и мы тут (в России) тужимся и повторяем за ними. Повторять не стоит…

Сколько уехало отсюда людей, которые сейчас лечат Америку, Францию, Англию. Наши люди лечат в Израиле. Я всегда говорил: для меня существуют две главные профессии – это учитель и доктор. Как такое может быть: человек, который воспитывает и лечит наших детей, будущее нации – получает унизительно маленькую зарплату? Это чистой воды идиотизм! И

пока мы этого не поймем, так и будем жить. Доктор и педагог должны получать много. Но и нести ответственность за то, что делают. Тогда это правильно. А если он, бедолага, работает на четырех работах да еще немножко шьет по вечерам…Что из этого выйдет?

Я живу… Я хочу жить! Я хочу сейчас съесть что-то – и съем. Я понимаю, вредно. Ну что поделаешь? Я хочу… Я, может быть, не прав. Но это личное дело каждого отдельно взятого человека. Купить здоровье нельзя. Следить за ним, поддерживать его, наверное, можно. Но у меня не получается. Я знаю столько примеров, когда люди, которые следили за своим здоровьем, просто пылинки с себя сдували, умирали в пятьдесят, в сорок семь лет. А есть люди, которые ничего для здоровья не делают, а живут. Вон Татьяна Пельтцер и курила, и выпить могла. И прожила девяносто с лишним лет. Опять же, я повторяю, это не рецепт. Это личное дело каждого человека. А уже что дальше с нами будет, это только Богу известно… Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет… Понимаете, конец-то один…

Знаете, замечательный анекдот есть. Батюшка с новым русским едут в купе. Батюшка говорит: «Давайте чего-нибудь поедим?» Новый русский отвечает: «Сейчас ведь Великий пост, я не могу». Батюшка отрезает колбаски, достает водочку: «Может, выпьем чего-нибудь, закусим, колбасочка вот?» – «Да нет, у меня же Великий пост!» Батюшка снова: «Тут в соседнем купе две девочки красивые. Пойдем, поухаживаем?» Новый русский: «Да ведь сейчас же пост!!!» Наутро пришел батюшка, довольный, закурил сигарету и говорит: «Праведно ты живешь, но зря!» Как хотите, так и понимайте…

Я сейчас играю роль генерала НКВД в российско-американской картине «Блокада». Мы сняли уже больше половины фильма, и вдруг в Санкт-Петербурге растаял снег. Работу остановили до зимы, и у меня появились свободные дни…

У меня отец воевал, и умер он от старых ран. Я в это поколение никогда камень не брошу. Да и потом… Если и вытаскивать какие-то неприятные истории о героях войны, то нужно к этому очень бережно относиться. Война есть война. И что там происходило на самом деле, никто не знает. Нам всегда говорили, что Гитлер был дебил, идиот. Хорош идиот, когда он полмира завоевал! Я не понимаю, как идиот сумел завоевать полмира… Или те солдаты, которые кидались на дзоты… Разве их заставляли кричать «За Родину, за Сталина!»? Эти люди свято верили в свое дело. И так мало их осталось…

В свое время в парламент пошли и Марк Захаров, и Галина Волчек, и Олег Басилашвили, они искренне хотели изменить что-то к лучшему… Но потом поняли, что это невозможно. И ушли из политики, наверное, навсегда… Депутатская зарплата меня не интересует. Знаете, Раневская в свое время хорошо сказала: «Деньги прожрала, а стыд остался». Если я захочу заработать, я заработаю деньги своей профессией. Я видел, как некоторые очень близкие мои знакомые попадали в Думу и буквально через полгода становились другими людьми…

Вот мне с депутатской трибуны говорят о том, что ситуация в стране тяжелая, что надо помогать нищим. Но при этом я знаю, что у этих людей особняки за границей понастроены. На какие деньги все это куплено? Что, они их честно заработали? Так чем они в таком случае отличаются от обычного ворья? Или вот еще: какие нужно иметь мозги, чтобы на государственном уровне принимать закон о том, что можно вывозить из страны без декларации не более десяти тысяч долларов… Для кого они принимали этот закон? Для рабочих, для пенсионеров? Это какой же рабочий может вывезти в кармане десять тысяч долларов наличными?..

А вот закон о кино они принять почему-то не могут. Думаю, по одной простой причине – потому что кто-то платит бешеные деньги для того, чтобы иметь возможность забивать валом низкопробных американских фильмов наши кинотеатры и при этом окончательно угробить российский кинематограф…

Во многих странах совершенно нормальным считается регулирование национального кинопроката. И это установленный порядок вещей: не менее семидесяти процентов от всего проката – это должно быть свое национальное кино, и только тридцать процентов – зарубежное. И это тем более хорошо, что в этом случае кинодистрибьюторы будут отбирать для показа в России более качественное иностранное кино. А сейчас ситуация такая, что можно везти все что угодно… В итоге российский зритель не помнит, кто такой Черкасов или Никулин. А Шварценеггера знают… И ведь у нас есть собственное кино мирового уровня – «Война и мир» Бондарчука, весь Тарковский, Герман. Люди на это еще как пойдут. Я уверен!.. Я сейчас снимаюсь у Соловьева в «Анне Карениной». Знаете, если народ уже до такой степени одичал, то надо просто поднимать его за шкирку, как щенка, тыкать носом и говорить: «ЕщеТолстой был! Запомни! Тол-стой! Не “Та-ту’,’ а Толстой». Только тогда, может быть, что-то изменится…

В современном мире наличествует какое-то неимоверное количество информационной пены… какие-то желтые газеты, какие-то идиотские таблоиды… и ничего по большому счету приличного или более-менее адекватного на этом рынке не продвинуть. Да этим и не занимается никто, и я думаю – надо бороться с существующим положением вещей… Иначе получится, как в том анекдоте. Живет семья: папа ростом один метр десять сантиметров, мама – один метр. Входят сын – девяносто сантиметров и его подруга, девочка, – восьмидесяти сантиметров ростом. Сын говорит: «Папа, мама, мы решили пожениться». Папа выпил стакан водки и говорит: «Давай, сынок! Так и дойдем до серых мышей…» Мне частенько говорят: «Раньше было хуже. Многое запрещали». Да, раньше многое запрещали. Но почему-то раньше появлялись «Современник», «Таганка», Ленком… Сейчас все можно. Так почему ничего не появляется?

Я понимаю, почему сейчас режиссеры не берутся за классику. Боятся! Если он снимет про проститутку с трех вокзалов – хорошо ли, плохо ли – ну снял, да и ладно. А если ты взялся за «Анну Каренину», то тут надо отвечать. Я сейчас начинаю сниматься в «Мастере и Маргарите». Режиссер Владимир Бортко ходит весь белый, потому что он понимает всю ответственность происходящего. Я уже кусаю локти и думаю: правильно ли сделал, что согласился? Потому что это уже четвертый мой заход на Булгакова, три предыдущих провалились. Причем на одну и ту же роль – на Коровьева. Я ее больше всего люблю. Нам страшно. Ведь остались умные люди, которые с нас за это кино спросят…

Очень часто спрашивают о том, что моя роль в сериале «Next» – это такое прославление героев криминального мира… Ничуть не бывало. Разве я прославлял криминал в этом сериале? Я Робин Гуда играл. Всю картину мой герой защищает бедных и униженных. Да, я играю старого вора в законе… И кстати говоря, вор в законе вообще не имеет права иметь никаких денег. Ни жены, ни детей, ни имущества – ничего. Ему положено быть два месяца на воле, а потом снова садиться в тюрьму… Я попытаюсь объяснить, почему вообще согласился участвовать в этом проекте: в принципе, меня волновала история семьи. Перипетии отношений между двумя друзьями. Или, например, тот момент в фильме, когда вдруг у моего героя просыпается чувство отцовства. Или любовь, которая на него обрушивается…

У нас сейчас разорваны все родственные узы. В лучшем случае семья – это муж с женой. А где-то там уже братья, сестры… О племянниках просто не говорю. И мне было интересно разобраться в этом явлении, разобраться в том, что же это такое – современная семья.

Думаю, есть несколько главных факторов, которые в основном и влияют на формирование мировоззрения детей, – они известны… Существуют спорт, книги. Существует деревня. Я убежден, что ребенок должен воспитываться с животными – в этом случае он вырастет намного добрее. Неважно, кто это будет – собака, кошка или хомячок. Но, общаясь с животными, дети начинают понимать: слабого нельзя обижать. Есть еще церковь. Да масса других вещей!

У меня отец был главным режиссером в театре в Фергане. Мы не бедствовали. Но первые дорогие туфли мне купили только на выпускной вечер. Отец привел меня в магазин и говорит: «Выбирай!» Мне ни фасон, ни размер были не важны. Я выбрал самые дорогие – за тридцать два рубля – и пальцем показываю: вот эти. Пальцы подогнул, с трудом влез в них. Домой с выпускного вечера я шел босиком.

К чему я это рассказываю? Когда твои дети начинают понимать, что деньги не падают сверху, что они достаются очень тяжелым трудом, они начинают по-другому относиться к жизни. Когда моя дочь была маленькой, она сидела за кулисами, видела, какой я выходил после спектакля. Видела, как мы выжимали насквозь пропотевшие рубахи. Точно так же меня за кулисы водил отец. В пять лет я первый раз вышел на сцену. Ездил по гастролям с отцом и матерью. И прекрасно понимал, что это за труд.

Артистам часто говорят о том, что секрет артистической молодости заключается в том, что мы якобы подпитываемся энергией зрительного зала. Нет, дело вовсе не в энергии… У нас на курсе учились ребята-москвичи. У них были дом, семья. А у меня – общага. По ночам я разгружал вагоны на Рижском вокзале, чтобы как-то жить. Домой, в Фергану, возвращаться нельзя – это смерть… Нормальная физическая смерть. Поэтому нужно было сделать все для того, чтобы остаться в Москве. Мне терять было нечего. И слово «выживание» для меня имело свой первоначальный смысл. Все, что я сделал, сделал своими руками.

Я прекрасно понимаю, что мне сидеть на месте нельзя, – я помогаю семье брата, маме. Не имею права болеть. Организм как бы работает за двоих…

У меня есть дом на Валдае. Там я впервые понял, что воздух имеет вкус. Когда я туда приезжаю, то за два дня могу отдохнуть, как за месяц. Все отключаю, даже часы снимаю.

Я вообще сейчас начал открывать для себя в России фантастические места! Мы их просто не знаем. Каждый год я езжу на рыбалку, на Камчатку. Невозможно описать, какая там нереальная красота. Чудовищная рука человека еще туда не

дотянулась. Гейзеры, вулканы, медведи бегают, какая-то непонятная рыба плещется. Сказка просто!

Мне не нравится пассивный отдых. Не могу лежать на пляже. Я не понимаю, как можно встать в семь утра и бежать занимать лежаки. Для меня отдых – это когда я могу сесть на берегу озера на Камчатке, где рядом вообще никого. Или в Астрахани я в пять утра с егерем уплываю куда-нибудь. И только вода, камыши, миллионы птиц вокруг.

В плане быта я совершенно не избалован. Могу в палатке спать. Любимая еда – тушенка и сгущенка. Просто надо уметь приготовить! Нарежьте мелко помидоры, лук, болгарский перец, добавьте тушенку и все это потушите на сковородке. А потом отварите вермишель и все смешайте. Получается такой деликатес!

Нет ничего вкуснее сома, которого ты поймал и пожарил. Какой ресторан может сравниться с тем, когда сидишь на берегу и горит костер…

Я обязательно хочу открыть такой «приют для рыбаков» – в Астрахани, на берегу. Там вдоль Волги стоят дебаркадеры. Они все расписаны на год вперед. Это, оказывается, стоит сумасшедших денег. И мы хотим построить маленькую гостиничку на берегу, человек на двадцать…

Знаете, я долго болел. Почти год пролежал в больнице. Я думал, что все пропущу, все уйдет – и в театре, и в кино. Казалось, все с транспарантами выйдут: «Где ты, наш родной, любимый?!» А оказалось, никто не заметил, что меня не было. Думали, снимается где-то. И у меня произошла переоценка ценностей. Отношение к жизни, к себе изменилось. К людям стал по-другому относиться. Теперь я понимаю, что они – такие.

Так что теперь в мае и в ноябре я извиняюсь перед всеми – в театре, в кино, говорю: «Ребята, хоть убейте, но в эти дни меня нет». И уезжаю на рыбалку.

Обо мне очень часто говорят: «Абдулов? Да! Богатый человек…» Наверное, это замечательно, что обо мне складывается такое впечатление. Глупо говорить, что я не мечтал стать богатым, – всем же хочется, чтобы у тебя все было. Но я всегда понимал одно – воровать я не умею. Остается зарабатывать честным трудом. А кроме своей профессии я, опять-таки, ничего не умею. И нет добрых дядь, которые бы мне помогали. Я привык все делать сам… И еще, знаете, с возрастом пришло понимание того, что идти на компромисс нельзя, практически никогда. И врать нельзя, врать – очень невыгодно. Ведь эту ложь потом придется как-то оправдывать, то есть снова врать. Поэтому я

стараюсь никуда не ходить и как можно меньше общаться на тусовках…

Очень часто мои высказывания относительно «желтой прессы» воспринимают как некий радикализм. Попросту неправильно истолковывают мои слова. Меня уже не раз укоряли: ах, ты замахнулся на свободу слова! Объясняю: я замахнулся не на свободу слова, а на свободу дерьма… Да, мне не нравится, когда кто-то лезет в мою жизнь и что-то там за меня дописывает, мне не нравится, когда кто-то лезет в жизнь моих родных… Почему я должен все это терпеть?

Возможно, кому-то все это нужно, может быть даже необходимо… Возможно, кто-то пустоту своей личности не может заполнить работой, не может придумать какой-то хороший сценарий, не способен сыграть роль или спеть песню. И тогда такой вот персонаж начинает раздувать события своей личной жизни. Только эти так называемые «звезды» не понимают того, что таким образом они опускают зрителя до уровня серых мышей. Конечно, все такие трюки, вся эта дешевая популярность – все это довольно легко. Но ведь и падать тоже легко. А надо строить. Как? Не знаю. Я, во всяком случае, стараюсь делать то, за что потом мне не будет стыдно…

Несколько лет назад мы с Сережей Соловьевым занимались Московским международным кинофестивалем. Их же всего пять в мире – фестивалей класса «А», самого престижного класса фестивалей. И вдруг мы выясняем, что права на Московский кинофестиваль собираются продать какой-то тете. Значит, и класс «А» у него отнимут. И мы с Соловьевым, харкая кровью, обивали пороги, не давая ММКФ упасть. А после этого появились статьи, что я, мол, наживался на этом фестивале. Слава богу, что дачу во Внукове я успел построить еще до всех этих публикаций. Иначе закричали бы: «Вот! Наворовал!» Но меня тогда волновало только одно: если этот фестиваль у России отберут, вернуть его будет уже невозможно. Ведь эту категорию нам дали, когда мы были сильными. Россия, Советский Союз, в то время были страной класса «А»… Я убежден, что страна наша вернется в класс «А». Иначе нам просто не выжить. Американцы очень хотят, чтобы мы развалились. А мы судорожно им в этом помогаем. Правда, многие пытаются нас убедить, что Америка здесь ни при чем. Но ведь любой идиот понимает то, что произошло в Грузии. Или на Украине… А что сделали с Киргизией? К счастью, Каримов в Узбекистане достаточно силен и не позволил у себя проделать подобное, хотя попытка предпринималась. Ослабевшую страну все готовы добить. Объясните мне, почему Китай никто не трогает? Да потому что по башке получат сразу же! Пытаются его

укусить, а не получается. А с нами получилось – нас развалили. Была замечательная, мощная империя. Да, нас боялись. Нагнетали страсти: «империя зла», «ядерная угроза». Но извините: кто взорвал атомную бомбу? Кто? Кто виноват в трагедии Хиросимы и Нагасаки? Почему никто не вспоминает, что это американцы сделали?..

Нам, нашей стране, нужна какая-то новая опора, какая-то новая точка опоры. Мы должны, просто обязаны возродиться. Если бы я точно знал, где ее найти, эту точку, давно был бы президентом… А депутаты наши пока совершенно другими делами заняты.

Я езжу домой по правительственной трассе. Меня иногда останавливают за превышение скорости. И пока у меня проверяют документы, я вижу, как мимо летят машины с мигалками. Хотя по телевизору который день показывают, как чиновники и депутаты торжественно эти самые мигалки сдают. Это же просто какая-то акция «Пчелы против меда!». Наша Дума иногда совершает такие поступки, от которых мне просто дурно становится. Действительно, поначалу количество мигалок убавилось. А потом депутаты придумали другую историю – новую серию номеров. Им мигалка теперь не нужна – у них есть номер! Поэтому все их рассказы о том, что «мы – для народа», пустой звук. Вы замечаете, что чем ближе к выборам, тем сильнее депутаты начинают любить народ? Они делают это с такой интенсивностью, что остается только удивляться: «Родной! А где ж ты до этого-то был?» Честное слово, даже смешно становится, когда слушаешь их волнения по поводу того, что всё в стране дорожает. Не надо публично волноваться! Вы лучше один раз опубликуйте меню своего буфета и цены в нем. Или публично назовите размеры суточных, которые вы получаете во время командировок. У них-то коммунизм уже давно победил…

Удивительно, но даже самый порядочный человек, попадая во власть, меняется. Я знаю нескольких порядочных людей, пошедших в политику. Через год они бежали оттуда как от огня. Потому что невозможно жить в государстве и быть свободным от государства. Приходя во власть, хочешь или не хочешь, ты начинаешь жить по законам, которые там существуют. Сперва поборешься, конечно, немножко…

Помните, был у нас такой правдолюб – Травкин? Он всё боролся!.. Где он сейчас? Довольно долго он заседал в Думе. Только вот сейчас о нем ничего не слышно. Наверняка он принял их условия жизни, их условия игры. Вы можете мне назвать хотя бы одного депутата, который сдал бы свою депутатскую квартиру и после истечения срока полномочий уехал бы назад в свой

Вышний Волочек? Ни одного не вспомните, потому что нет таких депутатов… Власть, она разъедает. Я не знаю, какие надо иметь мозги, чтобы сохранить там чистоту души. Вспомните академика Сахарова – он сопротивлялся этой бацилле. Так его в результате чуть ли не ногами добили…

Что до меня, так у меня другая власть – власть над залом. Ведь я же не плачу зрителям деньги за то, чтобы они смеялись или плакали, когда я играю.

«Встречаются два еврея, один другому говорит: “Хаим, ты слышал, Изя умер!” – “Что, опять?” – “Да чего ты орешь, чего орешь, вон он идет!”»

Знаете, за последнее время скопилось такое количество космической информации о моей судьбе, что я вообще не хотел ничего говорить, потому что и так на вас выливается такое количество проблем, негативной информации, еще лишнюю каплю кидать на вас негатива не хотелось. Потому что я так устроен, что я весь негатив переживаю сам с собой в лучшем случае и в худшем случае – когда со мной близкие, мои родные.

Вот сейчас то самое время, когда со мной самые близкие, самые любимые люди, которые со мной выросли, живут и, надеюсь, мы вместе будем жить. Но помимо негатива, такое количество позитивной информации, такая волна любви, я не ожидал, дорогие мои, клянусь, я не ожидал! Я надеялся, я верил в то, что я нужен этой стране, что я что-то значу в этой стране, но что столько людей искренне желают мне добра, я не ожидал. Я хочу сказать, и я не стыжусь этого, я хочу сказать публично: спасибо вам, спасибо вам, ваше величество зритель! Я всю жизнь работал для вас, и, поверьте, работал честно. Спасибо за вашу заботу, за ваше отношение ко мне.

Ну, а последнее, то, что меня добило и вынудило обратиться к вам, я хочу просто поклониться нашим ребятам-футболистам, моей любимой команде «Спартак», которые при переполненном стадионе вышли в футболках, на которых была моя мордочка, и пожелали мне удачи, и пожелали, чтобы я был с ними. Это ничем не оценить. Спасибо вам. И вы знаете, я думаю, все будет хорошо. Я верю в это. Как говорил Юрий Владимирович Никулин, мой любимый клоун, когда его спрашивали про Мухтара: «Он постарается». Я постараюсь…

Папа почему-то решил, что я обязательно должен стать Качаловым. Не ниже. И поэтому на вступительных экзаменах в Щепкинском училище я читал только монологи Незнамова. На полном серьезе. И не поступил с формулировкой:

«Несоответствие внешних и внутренних данных». Что это такое, я до сих пор не знаю, но тем не менее именно с такой формулировкой отвалил обратно в Фергану…

На следующий год поступал по кругу во все театральные институты и прошел везде. В итоге выбрал МХАТ (а документы у меня лежали в «Щепке»). Но щепкинцы поняли, что я от них сваливаю куда-то в другой институт, и не отдали документы. Я уж и так и сяк. С братом передал, что вообще уезжаю из Москвы, брат приходил с милиционером забирать эти бумаги. Наконец отдали, но при этом сказали: «Передайте ему, что он во МХАТе учиться не будет!» В общем, дали слово отомстить. А я-то считал, что уже практически принят. Но вдруг оказалось, что сочинения проверяет педагог… Щепкинского училища! И после того как я с экзамена вынес сочинение брату и тот вычитал (брат был преподавателем русского языка и литературы), в моей работе нашли-таки сорок две ошибки. Меня зарубили. Видимо, у них были свои правила русского языка.

А набор-то везде уже закончен! И почему меня ноги понесли в ГИТИС, не знаю. Пришел к секретарю ректора, там некая Тамара Хасановна была. (А ректор МХАТа уже обзвонил все институты, сказал: придет парень такой, помогите, если сможете, у нас с нимЧП приключилось.) И, значит, она спрашивает: «Это ты?» – «Я», – говорю. «Ну, давай проверим твое счастье. Вот сейчас я набираю телефон, и если декан актерского факультета дома, она придет. Нет – не судьба». Накручивает номер, и декан отвечает: «Я сейчас приду». Пришла, послушала меня: «Как раз идет заседание ректората, и там сидит Иосиф Моисеевич Раевский, который набирает курс». Для меня «Раевский» – только имя, я его до тех пор и в глаза-то не видел. Вхожу. «Кто из вас, – говорю, – Раевский?!» (Такой наглости никто от меня, разумеется, не ожидал… Но это от зажима, конечно.) Итак: «Кто Раевский?» – «Ну, я». – «Давайте я вам читать буду». Он послушал, потом вывел меня и сказал: «Ладно, чтоб ты не сделал опять сорок две ошибки, сочинение сдавать не будешь». И взял меня в институт на свой курс…

Я учился в Государственном институте театрального искусства имени А.В. Луначарского, когда, совершенно для меня неожиданно, получил приглашение от Московского театра имени Ленинского комсомола репетировать центральную роль в спектакле «В списках не значился» Бориса Васильева…

Наверное, не так трудно представить себе огромное волнение, сумятицу надежд и страхов, владеющих зеленым неопытным студентом, который выходит рядом с известными

мастерами на сцену одного из интереснейших театров Москвы. Но дело не только в этом. Лейтенант Плужников – мой сверстник, выдержавший тяжелейшие, немыслимые испытания и отдавший жизнь за наш нынешний день. Я не могу сказать об этой роли: памятна или бесконечно дорога. Это как сама моя жизнь. Каждый раз, встречаясь с Колей Плужниковым, я поверяю ему, а затем и зрителям, собственные мысли, надежды, стремления.

Прекрасно, когда актерская судьба в театре начинается с главной роли, но когда это такая роль – еще и очень ответственно. И я бесконечно благодарен театру, благодарен ведущим его мастерам, которые очень помогли мне в работе над ролью Плужникова, у них я учусь и с ними выхожу на сцену…

В Театре имени Ленинского комсомола любят поиск, смелый эксперимент. Моей следующей крупной работой стала роль Хоакина Мурьеты в постановке пьесы великого чилийского писателя Пабло Неруды «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». Спектакль посвящен героическому чилийскому народу и решен как музыкально-пластическое действо…

Полвека для театра, наверное, много. Но я не ощущаю его возраста. Для меня этот театр – мой ровесник.

…Один мой знакомый врач как-то сказал: «Актер – это не профессия, это – диагноз». Очень точная характеристика. Нужно с самого детства впитать в себя эту профессию, чтобы не помышлять ни о какой другой…

Любая роль требует времени, я задолго до спектакля прихожу в театр, для того чтобы настроиться, собраться, разогреть себя. Никита в «Жестоких играх» – мой современник, но это не значит, что играть его мне легче и проще, чем, например, Плужникова («В списках не значился»). И готовиться к выходу на сцену перед этим спектаклем особенно не нужно. Это не так… Другое дело, что каждый актер настраивается на спектакль по-разному. Поверьте, чтобы подготовить себя к спектаклю, совсем не обязательно, сидя в театре, сосредоточенно смотреть в одну точку… Я люблю эту роль (*роль Никиты в «Жестоких играх»*). Из всех четырех героев у Никиты самая сложная ситуация. У всех абсолютно ясны причины, из-за которых они страдают, против чего борются. У одного отец – пьяница, другую выгнали из дома. У Никиты же все вроде бы хорошо. На первый взгляд.

Знаете, в чем прелесть этого спектакля? Он живой, он дышит. Его можно сыграть чуть лучше, чуть хуже. Выходишь на сцену – и начинается импровизация. Пожалуй, это единственный спектакль, где столь велика доля импровизации. Причем каждый раз, начиная играть спектакль, мы не знаем, каким он получится на

этот раз…

Я сыграл Плужникова, еще будучи студентом. Огромная радость, счастливый случай – не знаю, как назвать то, что Марк Анатольевич, увидев меня в студенческом спектакле, рискнул пригласить никому не известного начинающего актера на такую ответственную роль. Она и по сей день остается любимой моей работой…

…Есть такие актеры, которым от природы даны голос, пластика. Такие, как Николай Караченцов, например. Я к таким актерам не отношусь. К тому же в театре все-таки существует элемент условности, который позволяет актеру и петь, и танцевать. Если же представится когда-нибудь такая возможность в кино, нужны будут годы репетиций, чтобы прийти к той форме, которая позволит мне выйти на экран в этом качестве…

Я люблю театр. Люблю глаза зрителей, излучающие невидимые токи. Огромное счастье для артиста – играть в живой аудитории. Но и большая ответственность. Не всегда можно сыграть на уровне. Актер имеет право на неудачу. Нельзя от него требовать того, чтобы он играл все время одинаково хорошо. Стабильно еще не значит качественно. Пусть, в конце концов, зритель удивляется…

С детских лет я выходил на сцену. Мне довелось переиграть множество ролей – сначала мальчишек, потом молодых людей. Но когда приехал поступать в Щепкинское училище – провалился. Вернулся в Фергану, однако на следующий год снова сдавал экзамены. Наконец стал студентом ГИТИСа. Вдруг на четвертом курсе Марк Захаров пригласил меня на главную роль – лейтенанта Плужникова, последнего защитника Брестской крепости, – в спектакль «В списках не значился». Так я стал актером Театра имени Ленинского комсомола.

Марк Захаров занимает меня во всех своих фильмах, начиная с многосерийного варианта «Двенадцати стульев» с Андреем Мироновым, где я сыграл инженера Щукина – того самого, который оказался намыленным на лестнице… Захаров – мой духовный наставник. Он обладает фантастическим зарядом творческой энергии, человек-динамит – столько находок, остроумных трюков, неожиданных решений… Он разжигает жажду работать, искать…

Все свои киноработы я люблю. Все. Даже не очень удачные. Это моя кровь, мои нервы. В каждую вложено время, кусочек сердца, и я готов нести ответ за каждую из них…

Пожалуй, довольно неожиданным было приглашение на роль адвоката Рамкомпфа в фильме «Тот самый Мюнхгаузен» –

острохарактерная, комедийная, если хотите, отрицательная роль с интересным подтекстом. Сложную задачу режиссер поставил передо мной и в своей последней работе, с которой зритель пока не знаком, – «Дом, который построил Свифт». Здесь мне пришлось показать эволюцию человека – от обывателя, ограниченного, закостенелого, не способного на поступок, до яркой, цельной личности. Этот периферийный клерк, соприкоснувшись с гением, начинает переоценивать жизненные ценности и, образно говоря, превращается из лилипута в Гулливера…

Я считаю, что у актера не должно быть амплуа. Потому что любое амплуа – это, как правило, одноплановые роли, как истертое клише. Зрителя же надо шевелить, преподносить ему сюрпризы. А не быть однообразной маской. Хотя маска, отточенная и наполненная смыслом, – тоже большое искусство, взять хотя бы комиков немого кино. Правда, маска «бестолкового жандарма» у такого признанного мастера, как Луи де Фюнес, уже начинала раздражать…

Я не хотел бы рассказывать о том, как я работаю над ролью. Из актерского дела почти ушла тайна – все всё знают: как делается кино, как разрабатываются трюки, как у актера происходит процесс вживания в образ… И это обидно. Как хочется, чтобы оставалось что-то необъяснимое, подсознательное. Да и что я могу рассказать о том, как я становлюсь, например, Гамлетом? Где у меня какая мышца сжалась, какой образ у меня возник в тот или иной момент? Актер делает – и все, а уж зритель пусть ахает и удивляется: как это ему удалось? Наша задача – заставить зрителя смеяться, плакать, сопереживать героям, а не давать повода размышлять о секретах актерской техники.

Плохих партнеров не бывает… Все зависит от тебя самого: насколько точно ты отыграешь то, что он тебе дает, насколько свободно пойдешь по живому руслу. Тут может родиться очень верная импровизация. Помните финал картины «Двое в новом доме»? Изменив мужу, жалкая и беспомощная, Неля приходит домой. После длинной паузы она вдруг говорит: «Я люблю тебя». На съемках этой сцены я, то есть мой герой Сергей, совершенно неожиданно для себя и для режиссера ответил: «Я знаю». Нас с партнершей волновало одно и то же, мы понимали друг друга, и возникла очень точная концовка. Мне кажется, в этом и есть то, что называется жизненной правдой…

Сейчас я играю Грегора в музыкальном фильме «Рецепт вечности», который по мотивам фантастической пьесы Чапека «Средство Макропулоса» ставит режиссер Евгений Гинзбург, известный своими телевизионными бенефисами. Снимаются в

фильме Олег Борисов, Людмила Гурченко, Сергей Шакуров. У меня роль любопытная, с резкими переходами психологических состояний, что позволяет моему персонажу быть все время разным. К тому же здесь придется самому петь…

Верить во что-то обязательно! Я верю в свою профессию, в свое дело, в своего режиссера. Верю в чудо…

У Мейерхольда есть такое высказывание: если критика ругает спектакль, это еще не значит, что спектакль не удался. А если все хвалят, то это не обязательно, что спектакль получился хорошим. Но если вокруг него разгораются жаркие споры – это бесспорное свидетельство того, что работа относится к разряду талантливых. Его слова применимы и к постановкам всех рок-опер в нашем театре, спор о которых не утихает до сих пор. В рок-опере «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» изумительная поэзия Пабло Неруды, прекрасное либретто Павла Грушко, великолепная музыка Алексея Рыбникова и режиссерский талант Марка Захарова, соединившись вместе, позволили создать спектакль искренний, страстный, волнующий, заражающий зрителей своей энергией и идеями. Появление рок-опер в репертуаре театра – не случайность. Нас волновала и волнует проблема зрителя. Для того чтобы он не ушел вперед, необходимо идти в ногу со временем, только в таком случае можно постоянно увеличивать свою аудиторию…

Захаров – это настоящий вожак, режиссер-новатор, органически ненавидящий всякий штамп, застой в творчестве.

Для того чтобы браться за «день сегодняшний», говорить смело и честно о том, что волнует, необходима немалая отвага. Он острее других чувствует современность, серьезно ее исследует, анализирует, сопоставляет, берет под сомнение самые тривиальные истины. В своем творчестве он не идет логичным путем, предпочитая неожиданные решения, крутые повороты.

Вообще, мне повезло и с режиссером, и с актерами, работающими рядом. Пельтцер, Леонов, Янковский, Збруев, Чурикова, Караченцов… Выходя с ними на сцену, я учусь профессии, сценическому мастерству, работоспособности, актерской этике, принципам высокой нравственности, человечности.

В кино мне, к сожалению, не посчастливилось сыграть у моего любимого режиссера Никиты Михалкова. Он очень близок мне как человек. Прежде всего сочетанием романтики и реализма, неистребимой верой в добро, стремлением увеличить человечное в человеке…

Недавно наш театр вернулся из Парижа. Гастроли были

продлены на две недели. Это была наша первая встреча с французским зрителем. Поэтому мы особенно отчетливо понимали, что должны с максимальной полнотой, как можно точнее, яснее, полнее, глубже выразить идею, чтобы взволновать каждого, кто увидит спектакль, – каждого! Мы ни на минуту не могли допустить, что кто-то, хоть один человек, пришедший на спектакль, останется равнодушным, что ему будет скучно. Мы бы никогда не простили себе этого: это бы значило, что мы проиграли свою битву, изменили себе, обманули доверие зрителя.

Мы двадцать восемь раз показывали спектакль «“Юнона” и “Авось”», авторы которого – поэт Андрей Вознесенский, композитор Алексей Рыбников – создали потрясающее по силе эмоционального воздействия и гражданского звучания произведение. И в стихах, и в музыке была сделана опора на русский национальный характер, на романтизм души русского человека. Работа над спектаклем потребовала от нас полной самоотдачи, огромных волевых и эмоциональных усилий. Но какое это было счастье…

ОТКРОВЕНИЯ ТРИДЦАТИЛЕТНЕГО ЧЕЛОВЕКА

– У вас в жизни много было интервью?

– Довольно много.

– А охотно на них соглашаетесь?

– Меня не только на интервью, на многое, в том числе и на роли, очень легко уговорить. Я поддаюсь на уговоры, порой попадаю в плохие игры, и это отнюдь не становится гарантией от следующей, совершенно аналогичной ситуации. Такой вот характер.

– И на вопросы отвечаете откровенно?

– А что скрывать? За что я люблю свою жену?

– Или, например, свою популярность…

– Популярность – дело сложное. У меня она не такая высокопробная, как у Евгения Леонова. Настоящая популярность – это, знаете ли, тоже дефицит – когда самые лучшие режиссеры мечтают снять тебя в самых лучших фильмах и телефон от звонков разрывается. А те звонки, которые до шести утра и в трубку сопят, – это мура и только раздражает. Но грубить нельзя, иначе до восьми звонить будут. Приходится убеждать, уговаривать, объяснять, что каждый человек имеет право

пожить спокойно.

– И вы стремитесь именно к этому?

– Я безумно боюсь, что перестанет звонить телефон. За 12 лет ни разу не был в настоящем отпуске. Однажды мы с Ириной собрались и все-таки поехали. Море, пляж, Болгария! На шестой день я уже не мог найти себе места – так исстрадался. Мне казалось, что в это самое время у меня дома бесперебойно звонит телефон и все киностудии страны хотят видеть на своих площадках именно меня.

– И как вы представляете себе идеальное свое существование?

– Я над этим не думал настолько, чтобы сформулировать. Но вот один ребенок – это была реплика в сценарии, которая в картину не вошла, – сказал, что счастье – когда все так хорошо, так хорошо, и ты думаешь: какое счастье!

– А годы, меж тем, летят. Сколько вам сейчас?

– Годы летят – тридцать два. Кажется, вот только пришел в театр, был самым молодым актером, а прошло уже десять лет. И самые молодые совсем другие. Правда, по запарке Марк Анатольевич Захаров иногда и меня называет молодым.

– Он вас любит?

– Я боюсь гневить Бога. Но знаю точно, что у него я готов пройтись на шестом плане, потому что это – Захаров. Вы видели телефильм «Формула любви»? Разве бы к другому я на такую роль пошел?

– Вы же легко поддаетесь на уговоры.

– А Захарову меня уговаривать не надо, к нему – не задумываясь. Захаров взял меня из института и сразу дал главную роль – в спектакле «В списках не значился». Как я ее любил – роль лейтенанта Плужникова! Сколько вложил в нее и сколько из нее для себя вычерпал! И только недавно нашел в себе силы от роли этой отказаться, потому что поздно мне уже играть девятнадцатилетнего мальчика. И так было тяжело с ним расставаться. С тех пор, когда идет этот спектакль, я не могу войти в зал – больно.

И подумать страшно, что когда-то придется расстаться с «Жестокими играми». Семь лет мы играем этот спектакль. Семь лет – аншлаги. И я не помню двух одинаковых спектаклей. Все потому, что Захаров выстраивает «коридор», в котором должен существовать

актер и где можно импровизировать до бесконечности, не уставая и не исчерпываясь. Я живу в этом спектакле, мне не нужно здесь настраиваться и перестраиваться.

– А репетировать с Захаровым, чтобы достичь подобного результата, – тяжело?

– Что вы! Это такое счастье! Он же – динамит! Такого, чтобы пришел, уселся и солидно сказал: «Ну, давайте репетировать», – и быть не может. Он весь горит. И других зажигает. Он него токи во все стороны бегут! Потому и рвется к нам в театр зритель всех возрастов – и старики, и молодежь.

– А вы, лично вы – знаете этих молодых, которые рвутся к вам в театр, это нынешнее молодое поколение?

– Я рос очень самостоятельно. Никогда ни в каком детском саду, ни в каких «продленках» не был. Как многие мальчишки нашей Ферганы. Я вырос на улице. И улицу знаю. Но знаю и другое: разница в три года – и люди говорят уже на разных языках. Иногда попадаешь в новую компанию, видишь незнакомые лица и силишься определить: сколько же им лет? Двадцать? Тридцать? Ни за что не угадаешь!

– И вы часто бываете в незнакомых компаниях?

– Бываю. Я это люблю. Мы ведь, в принципе, спецификой нашей работы оторваны от нормальной жизни. Между собой – никаких разговоров, кроме профессиональных. С чего бы ни начал, все равно придешь в ней – к профессии. А вот попал недавно к врачам. Ну, поговорили о театре, а потом как-то незаметно перешли на их темы. Слушаешь и понимаешь, что все так же, как и у нас: в тысячу раз интереснее чужих проблем – то, как вырезали аппендикс. И сидишь, впитываешь в себя, как губка. Это тоже входит в нашу профессию – вобрать в себя как можно больше, потому что никогда не знаешь, что тебе придется в жизни играть.

– Это не опасно – играть много и все подряд?

– Но почему тогда никто не винит токаря в том, что он стремится выточить как можно больше деталей, если он хорошо их вытачивает? Династии на заводе – приветствуются. А у нас: ага, сына в театр привел, понятно…Что понятно? Я, например, хочу, чтобы моя дочь Ксюша стала актрисой. Хотя, когда ее утвердили на главную роль в трехсерийном телевизионном фильме и съемки совпали с занятиями в школе, пришлось

отказаться. И очень жалко ее было, когда, расстроившись, но без слез, очень гордо она сказала: «Я вам этого никогда не забуду».

– От чего больше всего вам хочется ее предостеречь?

– От пустой траты времени. Это и мне свойственно. Иногда остановишься: боже мой, что я делаю, ведь его не вернуть! И в картинах, бывает, снимаешься таких, что только и мечтаешь поскорее закончить и забыть, как страшный сон. Знаете, по какому признаку легче всего определить, хороший фильм или плохой? По банкету после премьеры. Если веселятся до упаду – плохая картина. Безошибочно. А после «Обыкновенного чуда» за столом сидели, помните, кто там снимался – самые смешные люди Советского Союза – и горевали так, будто случилось что-то непоправимое. И после картины Захарова «Дом, который построил Свифт», где, я считаю, лучшая моя роль (потрясающая эволюция: от скотины, одноклеточного существа – к Гулливеру, а потом – к Свифту), все сидели в тоске и не верили, что все кончилось и надо расставаться.

– Но это – печаль после финала. А есть ли другая – по тому, что еще не произошло?

– К сожалению, нет таких тридцатилетних режиссеров и сценаристов, которые могли бы рассказать о проблемах нашего поколения. В этом смысле Янковскому везет больше, он с теми, у кого снимается, имеет возможность говорить о том, что всех их, сорокалетних, волнует. Актеры моего возраста такой возможности пока лишены.

В настоящем театре зритель обязательно становится соучастником сценического действа, именно поэтому спектакль может потрясать куда сильнее, чем кино или телевидение. Наверное, именно за этим духовным, нравственным потрясением приходят люди в театр. Скажем, после спектакля «Жестокие игры» подошел ко мне человек, стал благодарить и что-то сбивчиво рассказывать. Я понял, что у него были сложные отношения с родными, с матерью, отцом… Спектакль заставил его задуматься о том, что нет никого ближе людей, подаривших тебе жизнь. Изменилось его отношение к родителям, к родственникам. Ради этого стоит работать…

После спектакля «В списках не значился» получил письмо от женщин-фронтовичек: «Спасибо за ваш спектакль. Мы поняли, что молодые помнят нас, помнят наш подвиг…» Стоит работать ради

внимательных глаз зрителя, глаз, полных слез, удивительной тишины наполненного зрительного зала…

Однажды к нам на «Оптимистическую трагедию» пришли режиссер и сценарист из Югославии. После спектакля они признались, что не все поняли, не все сюжетные коллизии осознали до конца…

Конечно, слово в театре играет огромную роль, и все же спектакль – это не просто передача информации. Воздух спектакля, атмосфера, его дух понятны всем. Уверен: язык настоящего театра интернационален…

В последнее время, вероятно под влиянием моих киноролей, у зрителей сложилось не очень правильное представление обо мне. Меня представляют этаким киногероем, суперменом. Я пытаюсь это представление изменить, хотя зритель идет на это очень неохотно. После телефильма «Формула любви», где я сыграл острохарактерную комедийную роль, – меня засыпали письмами с вопросом, зачем я это сделал. Думаю, человек любой творческой профессии должен стремиться сделать что-то неожиданное, непривычное. Мне кажется, популярность не в том, чтобы они шли на фильм или спектакль, ожидая, чем ты их сейчас удивишь. В творчестве нужно быть непредсказуемым…

…Все-таки тридцать три года – критический для мужчины возраст. Надоело быть вечным романтически обаятельным героем. Пора заняться серьезным делом. Есть новые роли, более глубокие, особенно в театре. На них и хочется сосредоточиться… Вообще в будущем году буду больше внимания уделять театру. А то в этом году я с кино «погорячился» – снялся в семи картинах. Очень интересной была роль в новом фильме Балаяна «Храни меня, мой талисман». Не менее интересная, хотя и совсем другого плана, работа в музыкальном фильме Гинзбурга «Путешествие будет приятным». Там много музыки, а несколько песен я исполняю сам…

Очень забавные истории происходят со мной до сих пор благодаря песне Геннадия Гладкова «Уно моменто», из фильма «Формула любви». Кстати сказать, «слова» этой песни придумал Марк Захаров. Мы, Семен Фарада и я, никак не рассчитывали на такой прямо-таки шквальный успех… Теперь, если меня останавливают инспекторы ГАИ, то, не заглядывая в документы, узнают: «А-а… “уно моменто”»… И хотя я не считаю себя певцом, а тем более одаренным, есть предложение от «Мелодии» записать пластинку с песнями в моем исполнении…

В этом году мы ездили на гастроли в Грецию, так вот, одно из самых ярких впечатлений от поездки – мое «общение» с лошадью

в спектакле «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». Его мы играли на импровизированной сцене в горном каньоне. По сюжету пьесы я должен скакать на коне, желательно настоящем. Нам привели лошадь, сказали – спокойная. Оказалось… самая спокойная в мире. У меня было впечатление, что она видела первый олимпийский огонь. В ее грустных глазах читалась немая просьба: «Пожалуйста, не садись…» А уж галопом она отказывалась двигаться наотрез. Так и пришлось «скакать» быстрым шагом…

Что до моих увлечений вне сцены… Я – капитан сборной театра по футболу. Вот и сегодня приехал капитан сборной «Арменфильма» договариваться о встрече… У нас и призов много – все за первые места. Кроме того, занимался фехтованием, что мне сейчас очень помогает в «Гамлете»… Люблю кино, музыку. По поводу музыки… тут я немного консерватор – из современной признаю только музыку, созданную «Битлз», и считаю, что рядом с ними и по сей день поставить некого…

ИЗ ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «СОВЕТСКИЙ СПОРТ»

…Улица Чехова. Шесть часов вечера. Перед зданием Московского театра имени Ленинского комсомола толпится народ. До начала спектакля еще час, но уже спрашивают лишний билетик. На рекламном щите неброская надпись: «Сегодня – “Диктатура совести”». Завтра – “Диктатура совести”». Билеты распроданы на много дней вперед.

Театр разговаривает со зрителем языком высокой и хлесткой публицистики – о наболевшем, о социальном, о том, что волнует нас всех. О диктатуре совести…

Из резко затормозившего «жигуленка» стремительно возникла рослая фигура актера Александра Абдулова.

– Пришли пораньше? – спрашивает.

– Да, изучаю обстановку.

– Разговор о чем пойдет? – на ходу энергично поинтересовался Абдулов.

– Сочинение почти на вольную тему.

Мы проходим по закулисным помещениям театра. Мелькают знакомые лица актеров – Евгений Леонов, Олег Янковский, Александр Збруев, Николай Скоробогатов, Борис Чунаев. Они тоже заняты в сегодняшнем спектакле. Минуем большую комнату с тремя теннисными столами. На всех трех идет сражение – играют «на вылет», азартно.

– Настольный теннис – второй по популярности вид спорта в нашем театре. После футбола, – говорит Абдулов.

– А вы, насколько мне известно, капитан футбольной команды – чемпиона Москвы среди театров?

– Верно. Команда наша называется «Авось». Название пришло из спектакля «“Юнона” и “Авось”». Спектакль хорошо известен, и всем понятно: «Авось» – значит, команда из Ленкома.

В актерском буфете на стене выведено краской: «“Авось” – чемпион».

– Название может быть понято двусмысленно, – замечаю я.

– В этом есть некоторая самоирония, но в целом к футболу у нас отношение серьезное, – отвечает Абдулов,

расставляя на столике чашки с кофе.

– Первую финальную игру с театром им. В. Маяковского мы проиграли с разницей в один мяч. Ко второй встрече настраивались весьма решительно. Договорились: играем собранно, но с улыбкой, непринужденно. Ну как мы могли проиграть?! – восклицает он. – Столько тренировались! После спектаклей к десяти вечера ездили в спартаковский манеж.

Я обращаю внимание Абдулова на большую фанерную копилку, закрепленную на буфетной стойке. На ней надпись: «На постройку собственного стадиона».

– В театре любят шутить, – улыбается Абдулов. – На стадион нам, конечно, не собрать, но в целом с переходом театра на экономический эксперимент у коллектива солидно выросли финансовые возможности. Думаю, что эксперимент благотворно сказался и на художественном качестве спектаклей. Теперь зарплата каждого из нас впрямую зависит от весомости творческого вклада. А значит, артист получил возможность целиком сосредоточиться на работе в своем театре. Он может себе позволить отказаться от плохого киносценария, от работы, к которой не лежит душа. Но все же главное в эксперименте то, что репертуарная политика определяется не указаниями свыше, а нашим художественным советом. Творческие люди, а не чиновники, решают, о чем нужно сегодня говорить со зрителем…

Я завидую сегодняшним подросткам, их сознание формируется в пору, когда не существует «закрытых тем». Мне тридцать три года, поколение моих ровесников, увы, видело множество примеров несоответствия слов и дел. Поэтому перестройка для меня – это прежде всего глубокое осмысление процессов, происходящих в нашей стране. Честно говоря, не очень доверяю людям, которые заявляют, что вот еще вчера они-де чего-то недопонимали, ну уж зато сегодня – все стало ясно и все перестроились. Мы знаем, как нелегко преодолевать сложившиеся годами шаблоны мышления, привычку «делать как все», нелегко по-новому взглянуть на многое – экономику, культуру, нравственность. И на спортивную деятельность тоже. Вот, скажем, в вашей газете недавно велась полемика об экономической перестройке в футбольном хозяйстве. Как много,

оказалось, здесь проблем…

– Действительно, и футбольным специалистам, и экономистам работы еще предстоит непочатый край…

– Мне кажется, что пример театрального эксперимента может в некотором роде помочь и специалистам футбола. На мой взгляд, и здесь труд человека должен вознаграждаться соответственно его творческому вкладу. В труде не может быть уравниловки. Мы к этому приходим повсюду. И еще, замечу, победить в эксперименте, по всей видимости, удастся лишь тем командам, что будут представлять собой коллективы настоящих футбольных артистов, «звезд». Такой командой запомнилось «Торпедо» шестидесятых годов, тбилисское «Динамо» конца семидесятых, таковы нынешние динамовцы Киева. Нужно упомянуть здесь и московский «Спартак».

– Вы его болельщик?

– Нет, болею я только за сборную страны и за свой «Авось». Но во втором случае я не болельщик, а игрок.

– Вы переживаете, когда терпите поражения на футбольном поле?

– Да. Очень. Иначе зачем тогда вообще выходить на футбольное поле? Мы равнодушные матчи и в высшей лиге видим в достатке. На наши встречи собираются сотни зрителей, а мы, актеры, привыкли зрителями дорожить.

Ни в искусстве, ни в спорте мы, исполнители, не имеем права допускать, чтобы зритель уходил от нас, что называется, с «холодным носом». Должно оставаться последействие, чтобы вспоминалось увиденное, чтобы захотелось прийти к нам вновь. Как вновь и вновь люди идут на Евгения Леонова или на Марадону.

– Не следует ли из этого, что эстетическое воспитание для спортсмена становится не менее важным, чем физическое для актера?

– Я об этом тоже думал. И как-то поделился своими соображениями на этот счет с одним известным футбольным тренером. Но он сказал: «Нет, им это вообще не нужно». Уверен, что он не прав. Я близко знаком с выдающимися спортсменами Владимиром Веремеевым, Александром Мальцевым, Давидом Кипиани. Это люди высокой культуры, интересующиеся проблемами театра, литературы. Люди, воспринимающие жизнь объемно. Но ведь и на

спортивной арене они смотрелись артистами, солистами. Не думаю, что это случайное сочетание. Впрочем, стоит ли, говоря о культуре, разделять людей на спортсменов и не спортсменов. Какая разница – разве может современный человек прозябать в невежестве?! А те, кто пренебрегает физическим воспитанием? Могут ли эти люди называться сегодня культурными? По-моему, нет.

– Мы много говорили о футболе, но, насколько мне известно, в юности вы серьезно занимались и фехтованием, даже выполнили норматив кандидата в мастера спорта?

– Я с детства мечтал стать актером. И в секцию фехтования пришел прежде всего потому, что представлял себя в будущем на сцене в образе Д'Артаньяна. Знаменитого мушкетера мне сыграть пока что не довелось, но в других спектаклях умение фехтовать пригодилось не раз.

…По внутреннему радио объявляют, что до начала спектакля остается пять минут. Мы договариваемся продолжить беседу в антракте. Но… первый акт не закончился традиционным занавесом – микрофон со сцены перешел в зал, актеры и зрители продолжили разговор в антракте. Таков сегодня политический театр, где финал действия – не всегда последняя реплика, придуманная драматургом.

К концу антракта мне все же удается «поймать» Абдулова около гримерной. Он жестом показывает, что времени у него в обрез, и, прощаясь, приглашает:

– Приходите завтра вечером в «Олимпийский», посмотрите, как футбольная сборная московских театров будет играть с вашими коллегами – командой журналистов…

На следующий день мы встретились с Александром Абдуловым на футбольном поле – как соперники…

…Ехал однажды с банкета. Ну, выпил рюмочку-другую. И – конечно же! – останавливает меня инспектор ГАИ. И что-то у меня сработало: я стекло приопустил и… Почему я это сказал, не знаю. Но он ко мне подходит, и я ему:

– Вы – выпимши.

…И угадал!

Он говорит:

– Ну ла-адно, что вы!

– Как вам не стыдно, инспектор! Как вы можете?!

– Да ладно вам… Холодно же, зима! Ну, хорошо, езжайте, только осторожнее.

И я уехал…

Евгений Павлович Леонов не терпел, когда кто-то произносил реплику, на которую была более сильная реакция, чем на его слова.

В «Оптимистической трагедии» он играл Вожака, а я – Сиплого. И вот такой эпизод: в спектакле сверху из какого-то лаза появляется человек и начинает петь. И я просто говорю ему: «Ну-ка, уйди отсюда!» И все. Но в зале почему-то всегда смеялись.

Так однажды на спектакле, только я рот открыл, Евгений Павлович опередил меня: «Ну-ка, уйди отсюда!» Потом перевел взгляд с этого человека на меня и добавил, кивнув на лаз: «И заколоти это».

Эта история произошла в Казахстане, в городе Алма-Аты… В Алма-Ате… В прошлые времена актеры мало получали и в театре, и в кино – хватало лишь на «сусчествование». А палочкой-выручалочкой были концерты. Мы с Леней Ярмольником являлись ударниками этого дела. Как-то сидели в компании Миронова, Калягина… Я спросил:

– Сколько концертов можно дать за три дня? Андрей ответил:

– Ну, шесть. По два концерта в день.

– Думайте!

– Девять?

– Думайте!

– Да нет… Ну, как… Сколько ж можно сыграть… Ну-ну…

– Думайте!

– Десять – это уже сумасшествие.

Мы же с Ярмольником побили все рекорды для закрытых помещений: 31 концерт за три с половиной дня!

Построено было так: Леонид всегда начинал и заканчивал выступления, а я выходил в середине. (Один раз я даже десять минут держал самолет – рассказывал анекдоты членам экипажа, чтобы Ярмольник успел «отконцертиться».)

Так вот, в столице Казахстана мы, прилетев, хорошенько посидели в номере гостиницы – аж до четырех – до полпятого утра. А в семь или семь тридцать утра уже был концерт на тамошней фармацевтической фабрике, где делали пирамидон. Меня Ярмольник разбудил, прислонил к стеночке, сказал: «Это – галстук, это – рубашка, это – брюки». Он все это на меня надел, и мы поехали.

А на фабрике видим красный уголок, где сидит горстка

казахов в фуфайках, а сверху халаты былой белизны. Внимательные такие сидят – и хотели бы нас понять, да в такую рань разве до концертов…

Я говорю Лене: «Ты попробуй начать, но я уж – сам понимаешь – с твоего позволения, недолго». Ярмольник вышел, очень доходчиво объяснил, зачем мы приехали, кто мы такие, о радости, которую мы дарим людям, и так далее. Потом заявляет:

– А сейчас я хочу пригласить на эту сцену артиста, которого вы знаете по многим кинокартинам…

Три хлопка, и я выхожу. Вижу вот эти семь с половиной лиц и понимаю: что бы я им сейчас ни рассказывал о современном театре, о Тарковском, о проблемах искусства – нет, пустой номер!

И тогда я секундочку выждал.

– У вас, – говорю, – вопросы есть? (Пауза.) Если нет вопросов – Леони-ид Яррмольник!

И когда Ярмольник, едва-едва успевший достать сигареты со спичками, бросил все и зашагал на сцену, я произнес приглушенным голосом: «Ну, извини».

Это был самый короткий концерт в моей жизни…

…Никогда еще я не играл Достоевского, никогда – Шекспира. И вот теперь такая возможность представилась – все это соединилось в нашем новом спектакле. Это новая пьеса Михаила Шатрова под условным пока названием «Диктатура совести». В пьесу включены фрагменты из разных исторических периодов, связанных в том числе и с произведениями мировой классической литературы. Я играю фрагмент из романа Федора Михайловича Достоевского «Бесы» – монолог Верховенского, прототипом которого, как известно, послужил деятель русского революционного движения С. Нечаев с его крайне путаной революционной концепцией. Играть такого человека очень сложно и интересно. Что такое Верховенский сегодня? Это и печально известные «красные бригады», и террористические группы, которых как никогда много в современном мире. Значит, нужно играть не только героя тогдашнего, но и делать его образ узнаваемым.

А в «Гамлете», которого ставит Глеб Панфилов, у меня роль Лаэрта. Не помню, чтобы кому-нибудь эта роль особенно удавалась. Всегда она была чисто функциональной, в ней не было «изюминки». Но в трактовке Глеба Панфилова она приобретает, я бы сказал, какую-то живую плоть. У него свое видение спектакля, непривычная для меня форма работы.

Насыщенным выдался для меня прошлый год и в кино. Скоро выйдет на экраны сразу несколько телефильмов: «Путешествие

будет веселым» режиссера Евгения Гинзбурга, «Страховой агент» А. Майорова, «Дети капитана Гранта» Вячеслава Говорухина и картина, в которой я снимаюсь с наибольшим удовольствием, – «Храни меня, мой талисман» Романа Балаяна.

Наступает новый период – отбор сценариев, предложений. Что это будет, я не знаю. Хотелось бы, чтобы зритель меня увидел в новом, не известном даже мне качестве…

…Мне кажется, что желание быть актером у меня не возникало, оно просто было всегда. Дело в том, что я вырос в театральной семье…

Воспоминания об отце, пожалуй, самые яркие впечатления моего детства. Он был режиссером Ферганского драматического театра. Я помню, как он уже за два квартала до своего театра снимал шапку. Это могло показаться чудачеством. Но я понимаю, что отец свято относился к своей профессии. Театр был для него храмом…

Мне иногда бывает обидно за нашу профессию. Почему-то принято говорить с гордостью о династиях рабочих – строителей, плотников, каменщиков. А я мечтаю, чтобы моя дочь стала актрисой, потому что интереснее этой профессии не знаю…

Трудолюбие, желание постоянно искать новые средства выразительности – пожалуй, самые необходимые качества для актера… Проще всего сказать: «Это у меня не получится», а надо все время пробовать, пробовать… Да. Иногда бывают минуты, когда хочется бросить свою профессию. Это случается, когда видишь очень хороший фильм с замечательной актерской работой и понимаешь, что ты так не можешь…

Настоящее актерское счастье – это когда режиссер говорит первую половину фразы, а ты продолжаешь его мысль. Добавляешь к его варианту двадцать своих, он из них выбирает один, дополняет его, но делает это так, что остается ощущение, что все это ты придумал сам. Тогда актер уходит после репетиции окрыленный, с чувством, что он – не пешка, а соавтор спектакля, что он нужен театру.

Для меня спектакль – всегда продолжение репетиции. На репетиции проверяешь себя только на режиссере, а на спектакле – уже на зрителе. Театр выгодно отличается от кино тем, что здесь постоянно ищешь что-то новое, чтобы соответствовать нынешнему дню…

Я, конечно, не считаю, что «зритель всегда прав». Если бы зритель всегда был прав, театр никуда бы не двигался. На моей памяти каждый раз новая театральная форма встречалась в

штыки. Я помню, как зрители возмущались Гамлетом Высоцкого. Их шокировало то, что он был в свитере и с гитарой. А сколько было людей против «“Юноны” и “Авось”». Они говорили, что это – дискотека, слепое подражание Западу…

«Диктатура совести» вызывает самые разноречивые, порой полярные мнения. Но это – поиск новой формы, формы политического спектакля.

А театр должен постоянно искать новые формы выразительности и тянуть за собой зрителя, воспитывать его. Нельзя слепо идти на поводу у зрителя, но прислушиваться к нему, безусловно, нужно, даже необходимо…

ГРИГОРИЙ ГОРИН: АЛЕКСАНДР АБДУЛОВ – АКТЕР С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Саша… Александр… Александр Гаврилович… Имена эти принадлежат артисту Московского театра имени Ленинского комсомола А. Абдулову. Первые два – привычны и естественны, поскольку речь идет о молодом человеке (всего 35 лет), атлетического сложения (рост 192 см, вес – 82 кг), обладателе стремительной и удачливой актерской судьбы (играет в большинстве спектаклей театра, снялся более чем в сорока фильмах).

Главное же, полное, имя в применении к Абдулову пока еще услышишь нечасто. А ведь и возраст солидный (уже 35!), и общественное и семейное положение крепкое (заслуженный артист РСФСР, женат, воспитывает дочь). Впрочем, в этом нет ничего обидного. Сам Абдулов не настаивает на «Александре Гавриловиче», очевидно, понимая, что в прочном соединении имени с отчеством в устах окружающих есть какое-то особое почтение к окончательно сформировавшейся личности. Абдулов себя таковой не считает.

Близко наблюдая за ним на съемках, репетициях, в быту, вижу, с какой неукротимой энергией он отыскивает в жизни самого себя, шарахаясь иногда из крайности в крайность, загораясь и отчаиваясь. Даже хобби постоянно меняется: то спорт, то живопись. Меняется даже внешний облик: то бороду отпустит, то усы… Многие относятся к этой затянувшейся молодости с умилением, некоторых она раздражает. Мне же кажется, что идет естественный, а потому мучительный

поиск высшего назначения собственного существования, процесс становления Актера с большой буквы. Потенциально – с очень большой, ибо природа щедро наделила Абдулова удивительными возможностями: внешность, голос, музыкальность, пластичность, тонкое ощущение юмора и печали. Не растерять бы это, не распродать по мелочам. Талант – общественное достояние, и нам совершенно не безразлично, как им распорядится общество и сам «талантоноситель»…

Может быть, именно этим продиктована моя попытка нанести штрихи к портрету сегодняшнего Абдулова. А может, все проще: за долгие годы совместной работы установилась глубокая симпатия к этому артисту, а потому естественно желание старшего по возрасту рассказать, что особенно дорого в нем, что тревожит и волнует…

Саша Абдулов начал хорошо, Александр стал быстро знаменит, Александр Гаврилович делает первые осторожные шаги… Самое время глянуть на себя в зеркало чужого мнения. Или, как говорил его отец, Гавриил Данилович Абдулов: «Очень важно однажды спрыгнуть с трамвая, на котором едешь, и посмотреть: тот ли номер тебя везет? Если не тот, ищи новый маршрут, если тот – догони! Но ехать наобум и радоваться, что быстро перемещаешься куда-то в пространстве, – недопустимо!»

На премьеру к Саше приехал отец. Просмотрев спектакль, расплакался. Может быть, от горьких воспоминаний – он сам прошел всю войну, был несколько раз ранен… Может быть, от счастья, что сбылись его надежды и третий сын стал настоящим артистом…

Дальше пошло стремительное превращение юного Саши в популярного Александра. На отсутствие ролей жаловаться не приходилось. Хоакин в музыкальном спектакле «Звезда и Смерть Хоакина Мурьеты», Никита в «Жестоких играх» Арбузова, сразу четыре роли в «“Юноне” и “Авось”».

Параллельно началась бурная жизнь в кино. М. Захаров, соединивший в себе профессии театрального и кинорежиссера, приглашал Абдулова во все свои фильмы. Инженер Щукин в «Двенадцати стульях». Юноша-медведь в «Обыкновенном чуде», Рамкопф в «Том самом Мюнхгаузене», Жакоб в «Формуле любви», доктор

Симпсон в «Доме, который построил Свифт»…

Абдулову предоставлялась возможность демонстрировать все свои актерские качества: пел, танцевал, фехтовал, совершал головоломные трюки… Параллельно еще успевал сняться у других кинорежиссеров. (Самые значительные работы в фильмах Р. Балаяна и Е. Гинзбурга.) Параллельно работа на телевидении… Параллельно выступления на эстраде…

Параллели, как свидетельствует современная геометрия, пересекаются. В театральные работы иногда стала проникать откровенная эстрадность, в кинороли – излишняя театральность. Огромная работоспособность не всегда на пользу актеру, если готов браться за любую работу, это Абдулов понимает сейчас хорошо.

Вот несколько его ответов на прямо поставленные вопросы.

– Ты доволен своим сегодняшним творческим положением?

– Не очень.

– Что тебя не устраивает в театре?

– Мечтаю о главной роли. После Плужникова и Хоакина за десять лет работы главных ролей не доставалось.

– Ты снялся в сорока фильмах. В скольких напрасно?

– Думаю, в половине…

Саша – дитя Театра в прямом и переносном смысле этих слов. Мать – театральный гример, отец – режиссер, впоследствии главный режиссер гастрольного русского театра в Фергане. Трое сыновей, братьев Абдуловых, все свое детство провели за кулисами и на сцене…

Неустроенный, кочевой быт гастрольного коллектива казался естественным и единственно возможным. Все три мальчика, разумеется, готовились стать актерами, родители тоже мечтали об этом. Впрочем, их отец понимал, что от мечты до воплощения – огромный, трудный путь… «Талант не мебель и по наследству не передается!» Прежде всего он требовал безмерного уважения к театру как к храму искусства…

– От нас отец требовал того же… Репетиции были ежедневным уроком. Спектакль – священнодействием, даже если он игрался в каком-нибудь обшарпанном клубе для полупустого зала… Путь к званию артиста, по мнению отца, должен был начаться через остальные,

менее привлекательные театральные профессии… Нам предстояло освоить специальности реквизитора, рабочего сцены, осветителя, гримера. При этом сыновьям режиссер не делал никаких поблажек, наоборот, относился строже, чем к другим. Когда я служил рабочим сцены и по моей халатности сорвался спектакль, отец заставил меня выплатить все убытки театру из собственного жалованья…

Трое сыновей мечтали стать актерами. Старший стал инженером, средний – учителем… Осуществлять мечту отца дано было только младшему. Эту тройную ответственность Саша ощущает до сих пор…

Впервые я увидел Абдулова на репетициях спектакля «В списках не значился» по повести Б. Васильева. Помню странное ощущение от долговязого, неуклюжего, коротко стриженного юноши, бегающего по сцене и вздрагивающего то от выстрелов за кулисами, то от реплик режиссера из зала.

– Кто это? – шепотом спросил я Марка Захарова.

– Студент ГИТИСа…

Я уже знал удивительную способность Захарова к открытию актерских талантов. Так, он увидел в безвестном до того Караченцове Тиля Уленшпигеля, так, не задумываясь, пригласил на главные роли в своих спектаклях Олега Янковского, который удачно дебютировал в кино, но в театральных кругах был еще неизвестен. Теперь вот привел из ГИТИСа студента, хотя в труппе и так полным-полно молодых и незанятых…

Позднее я узнал, что одного со мной мнения была и комиссия по приемке спектакля из Главного управления культуры. Очень советовали Захарову сменить главного исполнителя. Категорически!

Лейтенант Плужников в исполнении Абдулова казался комиссии противоречащим уже сложившемуся традиционному представлению о мужественных защитниках Брестской крепости. Слишком наивен, слишком рефлексирует… Говорили об «искажении образа», пугали «возмущенными письмами фронтовиков»…

Очевидно, одним из необходимых свойств характера главного режиссера должно быть умение не слушать чужие советы. Марк Захаров наделен этим завидным качеством. Он настоял на Абдулове!..

Так в Москве появился новый актер, а на сцене

Театра имени Ленинского комсомола – непривычная, запоминающаяся фигура мальчика-офицера, призывника сорок первого года, наивного, беспечного, обманутого бодряческой пропагандой, но сумевшего в короткий срок самостоятельно разобраться в происходящем и достойно встретить свою судьбу.

«Я ведь даже в списках еще не значусь!» До сих пор помню этот отчаянный крик Плужникова – Абдулова. В нем слышался подлинный трагизм молодого человека, с пионерского возраста привыкшего быть лишь частичкой чего-то общего, жить как все, действовать как приказано… И вдруг ты сам себе голова, сам принимаешь решение начать войну с целым государством, сам для себя становишься в этой войне Верховным главнокомандующим. В бою, который шел на сцене, погибали юные солдаты и офицеры, зато рождались Люди…

– Ты часто появляешься на эстраде. Выступаешь с концертами, встречаешься со зрителями. Это только дополнительный заработок или что-то еще?

– Добавка к зарплате, конечно, солидная. И это важно, врать не стану. Но все-таки в этих встречах со зрителями есть что-то более привлекательное…

– И все-таки, извини за вопрос, если б платили мало, ездил бы на выступления с концертами?

– Вряд ли…

– А если в театре вдруг вообще перестали бы платить жалованье, продолжал бы играть спектакли?

– Конечно!

И все-таки не в деньгах актерское счастье! И тоска по «главным ролям», о которых говорит Абдулов, предполагает, как мне кажется, не большую протяженность в фильме или спектакле, а большую глубину и новизну.

Александр справедливо опасается повторений, боится перемелькать в ролях романтичных принцев и рыцарей, боится штампа в изображении «шикарно выглядящих западных джентльменов», которых он наиграл бесчисленное количество…

Обновление для популярного актера возможно лишь через перевоплощение, через создание характеров неожиданных, иногда совершенно противоположных собственному, природному. Такие две роли появились в последние годы в театре: Сиплый в «Оптимистической

трагедии» и Верховенский в «Диктатуре совести».

Петр Верховенский, этот зловещий гений, ловко соединивший в своей философии социализм с уголовщиной, исполняется Абдуловым с какой-то заразительной виртуозностью. Изменились взгляд, улыбка, пластика… Добрый и наивный Саша Абдулов превращается в жестокое, коварное существо, способное заворожить, повести за собой. И жутко становится от того, что доводы Верховенского кому-то кажутся привлекательными, что «верховенщина» может иногда царить не только на сцене, но и в жизни… «Неглавная роль» в спектакле стала сегодня одной из самых главных в его биографии.

Абдулов жаден до работы. Любит актерский труд во всех его проявлениях: любит репетиции, съемки, озвучание…

В пустой студии перед молчаливым экраном актер вынужден усилием воли и воображения вернуть свой голос в напряженную атмосферу давно сыгранной сцены, оживить отснятый материал… Абдулов делает все это вдохновенно и азартно. По многу раз готов переписывать каждое слово, добиваясь абсолютной достоверности… Да что там слово! Каждый звук, междометие, вздох…

(В одной из важнейших сцен, впервые встретившись с Драконом, Ланцелот закашлялся… При озвучении кашель никак не получался. Что-то прорывалось нарочитое, неестественное… Абдулов уговорил режиссера перенести запись на завтра. Утром я увидел его на заснеженной территории студии без шапки и пальто. «Простудиться немножко надо для роли», – пояснил он, сосредоточенно вдыхая ледяной воздух…

Кашель на записи получился вполне естественным…)

Трудное это дело – писать портрет человека, которого давно знаешь. Еще труднее давать умные советы, не впадая в занудливую нравоучительность. Вроде бы вывод ясен: давай, Саша, взрослей, остепеняйся! А сколько ни напрягаюсь, никак не могу себе представить его солидным Александром Гавриловичем, рационально выстраивающим свою творческую жизнь, не ошибающимся, не делающим глупости… А может, все будет не так? И его неукротимая энергия, азартность в работе, удивительная легкость характера, доброта будут пребывать с ним еще долгие-

долгие годы?..

В сорок пять лет мы вклеиваем в паспорт новую фотографию. По-видимому, предполагается, что юношеский и зрелый облик могут так разниться, что человек становится неузнаваемым. Для Абдулова это будет ненужной формальностью.

Уверен, что и через десять лет на нас будет смотреть такое же молодое, веселое лицо…

1988 год

…Актерское благополучие – это выдумка, и довольно распространенная. Благополучных актеров нет. Всегда что-то проходит мимо, есть несыгранные роли, которые очень хотелось когда-то сыграть. А время уходит, и его не вернешь. Хотя мне, конечно, грех гневить Бога. В жизни пока везет. Что будет дальше – не знаю. Но действительно хочется сохранить свой имидж актера, который может все. Потому что, как только актер затворяется в рамках одного амплуа, он лишается возможности творческого развития и становится неинтересным зрителю…

Невозможно жить в стране и быть вне ее. У меня те же проблемы, что и у всех нормальных людей. Запереться в башню из слоновой кости не удастся даже при самом большом желании.

Я не считаю, что сейчас мы переживаем какой-то особый театральный кризис. Просто театр болеет теми же болезнями, что и вся страна. Семьдесят лет назад мы политизировали театр, а он, по моему убеждению, должен жить вне политики. Постоянная обязанность делать спектакли к красным датам календаря заштамповала наши мозги, закомплексовала сознание. Мы до сих пор не свободны, например, от страха цензуры. Цензор уже сидит внутри нас, превращая нас в творческих импотентов. Это уже в крови, в генах. Недаром, когда в не столь далекое время в театрах появлялось что-то смелое, мы кричали «ура» и возводили режиссера в ранг героя. А теперь искалеченное театральное подсознание, выпущенное на свободу, заставляет кидаться в крайности. Меня уже тошнит от обилия на сцене генералиссимуса Сталина во всех возможных видах. Это противоположная сторона заполитизированности. Скоро, посмею предсказать, театры примутся за путч. Повторяю: театру политика противопоказана… Недавно, например, Марк Захаров принял к постановке «Чайку» и «Женитьбу Фигаро». Пора возвращаться к классике…

А вообще, хочется чего-то принципиально другого. Я бы сейчас с удовольствием снялся в каком-нибудь хорошем боевике. Или в детективе. Или в небесполой любовной истории типа «Мужчины и женщины». А нам, повторяю, грозят экранные и

сценические путчи. И то, что уже пережевано прессой, будет повторно переворачиваться искусством. Остается надеяться, что это ненадолго, что и театр, и кинематограф, и, естественно, зритель вернутся к истинному и вечному…

Творческие кризисы бывают у любого человека, занимающегося искусством. Это неизбежно. Я не очень люблю говорить об этом. Думаю, что и читателю интереснее мои взлеты, а не падения. А с чем связаны эти жизненные коллизии? Да с чем угодно: с профессией, с бытом, со здоровьем. Раз на раз не приходится. Что же касается «взлетов»… Тут я тоже не могу ответить ничего вразумительного, потому что не считаю по пальцам, было у меня за последний год три взлета или четыре. Это – достаточно неуловимое внутреннее состояние, а анализировать его – не моя профессия…

На сегодняшний день последняя моя работа в театре – роль в спектакле «Школа для эмигрантов» по пьесе Дмитрия Липскерова. Оценивать свою работу я не вправе. Но мне интересно играть в спектакле, который я считаю громадным полигоном для проявления своих актерских возможностей. Вообще-то, я плохо понимаю, что такое авангард. У меня была интересная роль, над которой было интересно работать. Был характер. А разбираться в теориях – это уже дело театроведов…

Понимаете, настоящий актер – это губка, которая впитывает все хорошее везде, где может. Работа с разными режиссерами и в театре, и в кино – это мой дополнительный профессиональный багаж, который я приношу в родной театр. А по большому счету я актер Марка Анатольевича Захарова. Он мой крестный отец, определил мою жизнь и сделал меня таким, какой я есть. И я ему очень благодарен…

Я ужасно суеверный человек. Если сейчас начну говорить, что бы хотел сыграть, то ни за что это не сыграю. Это уже проверено жизненным опытом…

Ярлык героя-любовника довольно давно ко мне прочно приклеили критики. А ведь у меня были очень разные роли, например, Сиплый в «Оптимистической трагедии». Такие роли мне были всегда по душе, и я работал над ними с удовольствием…

…Хотел бы я посмотреть на человека, который плохо относится к деньгам. Надо иметь деньги для того, чтобы быть от них свободным. И к заграничным поездкам я отношусь замечательно и очень их люблю… Предлагали остаться «там», но я всегда отказывался…

Понимаете, мы ведь люди каменного века. Чтобы работать за

границей, надо как минимум знать язык, и желательно – не один. Надо иметь другой уровень образованности. Знаете, я глубоко убежден, что русские актеры – лучшие актеры в мире.

Они могут все. Может быть, наступит время, когда лучшие актеры Запада будут учить русский язык, чтобы играть в наших театрах и сниматься в нашем кино. Пока, к сожалению, такое время не наступило.

Что касается коммерческой деятельности объединения «Ленком» – да, мы ею занимаемся… Собственное дело дает доход, и немалый… Мы не исключение. Известно, что Михаил Барышников, например, открыл магазин, Ален Делон выпускает духи, Софи Лорен держит рестораны. Искусство нерентабельно, на одни гонорары не проживешь, это ясно, тем более в условиях современного рынка…

Мне уже тридцать восемь лет. Из подобных вещей я никогда не делаю секретов. Хотя активно выступаю против других откровений о личной жизни…

Сейчас в нашем театре я играю практически весь текущий репертуар. Думаю, что это обстоятельство позволило труппе представить меня на звание народного артиста России. И, согласно указу, подписанному президентом Ельциным, я это звание получил. Еще я готовлюсь сыграть графа Альмавиву в «Женитьбе Фигаро». А если говорить о кино, то я получил приглашение на главную роль в фильме итальянца Витторио Ноя «Золото» (он был продюсером картины «Осада Венеции», где мне также довелось сниматься). Не без гордости замечу, что моим партнером будет знаменитый Франко Неро. Кстати, на дорогу тратиться не придется: Рим построят на «Мосфильме». Раньше там уже сооружали Венецию.

Уехать за границу навсегда, думаю, не смог бы… Насколько мне известно, Хазанов, получивший двойное гражданство, этого тоже делать не собирается. Я гражданин России, и я обожаю эту землю.

Быть «только актером» мне и всегда было скучно. Хотелось быть всем: и режиссером, и продюсером, и художником, и костюмером, и бутафором… всем. Что же касается бизнеса, повторю: у меня не было другого выхода…

Все начиналось с фестиваля «Задворки»… Но, во-первых, «Задворки» – не бизнес. Там никто ни копейки не получал, только тратили – нервы, силы, кровь, здоровье. Да и деньги (колокола, которые звонят сейчас на церкви, которую мы восстановили благодаря фестивалю, собирали по всей России и покупали в складчину). Это теперь только и слышно: там передали церковь верующим, тут… Все забыли, что мы этим занимались одними из

первых и тогда, когда сделать это было практически невозможно, – в 1986 году. Тогда об особых переменах в стране говорить еще не приходилось. Какие перемены? Горбачев стал Генеральным секретарем? Свердловский райисполком вовсе не собирался отдавать церковь – помещение принадлежало цирку, там держали собак, птиц, был репетиционный зал и т. д. Потом исполком хотел сделать там библиотеку… В общем, если б мы пошли нормальным путем, официальным, – ничего бы не удалось. А мы устроили шум, скандал, «Задворки», Захаров опубликовал статью – мы требовали, а не просили.

А потом… Понимаете, наверное, в жизни каждого человека наступает период, когда он должен думать о душе. О том, что от него останется. Я прохожу теперь мимо церкви и говорю себе: да – вот это я.

Я Москве оставил церковь. И она будет стоять и стоять – для внуков, правнуков и далее. То же самое могут сказать и все те, кто вложил свои силы в «Задворки». А потом фестиваль как-то сошел на нет… Мы хотели продолжать его делать, но… выяснилось, что он не нужен. То есть он нужен гостям – звонков, знаете, сколько было? И нескольким людям в театре. А остальным… Видите ли, это как в семье: «Будем справлять день рождения?» – «Будем». – «А может, не будем?» Понимаете, «Задворки» могут жить, только когда таких вопросов не возникает…

Я всегда говорил и повторяю вновь и вновь, что мой настоящий дом – это театр, а именно Ленком… Знаете, сейчас такое время, что многие, казалось бы, незыблемые вещи очень подвержены распаду, в том числе и старые театры. Хотя театр сохраняет популярность, сложился целый круг поклонников, которые по пятнадцать – двадцать раз ходят на один и тот же спектакль, но… Сейчас как никогда нужна новая, свежая идея. И как раз от режиссера Захарова всегда можно ждать чего-то нового…

Проект с Гинкасом возник довольно неожиданно. Просто в тот момент, когда последовало предложение, Захаров работал в Израиле и я был абсолютно свободен. Я считаю Гинкаса замечательным режиссером, а когда еще узнал, что буду партнером Нееловой… ну, тут уж оставалось только встать на колени и безоговорочно согласиться…

Еще я согласился пробоваться на роль в новом фильме Алексея Германа. Даже не знаю еще, что это за фильм. Знаю только, что Герман. И очень рад… Вообще, если бы какие-нибудь мои проекты мешали работе у Захарова, я бы никогда на них не согласился… С проектами все не так просто, как может

показаться… Тут вот недавно был интересный проект: приезжал Петер Штайн, отбирал по всему Союзу актеров для постановки «Орестеи» Эсхила. Меня утвердили на главную роль… Был план отдать под это дело Манеж, отремонтировать его, сделать внутри греческий театр, деньги были… Захлебнулся проект, к сожалению… Думаю, потому, что нам сложно так сразу, в одночасье перейти на западную структуру организации подобных мероприятий. Вот скажите: сколько же мне должна платить труппа, которая захотела бы привлечь меня в свой спектакль, чтобы я, скажем, год играл только в нем, нигде не снимался и так далее? Где взять такие деньги?..

На Западе обычно происходит так – нашли миллион, половину заплатили какому-нибудь Депардье, отыграли проект и разбежались. А куда разбегаться нашим актерам, за исключением пятнадцати – двадцати человек? Законы рынка хороши в стране, которая вся величиной с нашу Москву. А Россия? Ведь невозможно оставить на всю Россию двадцать артистов… Нет уж, надо поддерживать театры, в том числе провинциальные, ввести, скажем, систему бенефисов с гастролерами из столицы, как было раньше. Или – систему дублей столичных спектаклей, которые повышают престиж провинциального театра и дают ему средства для собственных постановок… Сейчас, видите ли, все одиночки. Не понимают, что в одиночку ничего не добьешься. А актерское братство – разрушено… Раньше все это было. Я успел его, это актерское братство, почувствовать – и оно было везде, от театра до ресторана ВТО. А теперь на похоронах Татьяны Ивановны Пельтцер, живой истории нашей, актеров присутствует раз в сто меньше, чем просто благодарных людей… Не знаю даже, что тут сказать. Пусть это на их совести останется…

…Я не могу сказать, что полностью соответствую своему имиджу… Вот я, сколько себя помню, хожу в джинсах. Ненавижу костюм, не ношу галстук – одеваюсь так только на концерты или на что-то очень официальное. Я люблю «Битлз». И всегда любил. Современный я? Полагаю, что нет, не современный. Знаете, я принадлежу к тому поколению, которое застало еще, скажем, Яншина, Бориса Ливанова – они уходили на моем веку. Я видел Енгибарова – один раз в компании, вдалеке. Видел Высоцкого, Арбузова. Я успел всех их застать, понимаете? Не успел прочувствовать, но застать успел. И оказался в таком междувременье: вроде бы и там не был, но и сюда не пришел… Такое вот странное состояние. И знаете, я не боюсь того, что кто-либо меня «потеснит». Нет, не боюсь. Если ты профи, если ты чего-то стоишь – кто тебя может потеснить? Как не бывает двух

людей одинаковых, так не бывает двух одинаковых актеров. Все равно я делаю так, как делаю я, Саша Абдулов, – а значит, как никто больше… И меня абсолютно не волнует, что я играю: эпизод или главную роль. Меня волнует, у кого я играю. Если Захаров, Балаян или Соловьев предлагают мне эпизод, я знаю, что они предлагают мне его не просто так, что они несут ответственность за то, чтобы это имело глубокий смысл. Как, знаете, за границей отдельной строкой указывают: «В этой роли – такой-то». В спектакле «Диктатура совести» у меня был эпизод: я читал монолог Верховенского из «Бесов». Этот эпизод стоил всего спектакля…

Я очень верю в удачу. Даже когда даю автографы, всем желаю удачи. Я играю в карты. Приезжая в любую страну, иду в казино. Я – игрок…

…Мы, наверное, все-таки очень счастливый театр. Благодаря Лужкову остаемся муниципальным театром и не поднимаем цены на билеты, хотя спокойно можем это сделать, но не делаем. Потому что тогда мы потеряем того талантливого зрителя, ради которого работаем…

Я однажды принял для себя решение и с тех пор неукоснительно ему следую: пытаюсь никого не пускать в свою личную жизнь. Это мое… Иногда очень хочется, чтобы никто к тебе не лез, хочется побыть одному… И я прячусь, хотя, конечно, это глупо: я же сам хотел, чтобы меня узнавали. Ну, это, скажем так, издержки профессии. Актерская профессия мистическая, в полном смысле этого слова. Не напрасно актеров хоронили вне кладбища… Бесовская профессия…

В принципе, все произошедшее со мной – все случай… Случай, что я приехал в Москву, а мог бы не приехать. Случай, что я поступил в ГИТИС, а мог бы не поступить. Случай, что на 4-м курсе пришел режиссер Юрий Махаев на мой дипломный спектакль и случайно под бородой, усами и париком что-то во мне разглядел и пригласил в Ленком. Случай, что Захаров назначил меня на главную роль. Случай, что я опоздал на полтора часа на сдачу своего первого спектакля в Ленкоме – проспал и уже не хотел идти в театр. Меня должны были уволить, и уже начинал играть спектакль другой актер. Случай, что я тогда все-таки пришел в театр, а уже не хотел идти (мне все говорили: соври, скажи, что под поезд попал или что-нибудь в этом роде). Я подсел к Захарову, он меня спросил: «Что?» И я сказал: «Проспал!»

Я не стал врать и думаю, именно это меня и спасло. Так что все – случай! Случай, что я встретил замечательных людей и

режиссеров – Сергея Соловьева, Виктора Сергеева, Тофика Шахвердиева, Романа Балаяна – всех не перечислишь.

Со стороны может показаться, что я этакий счастливчик. Ну, прямо такой баловень судьбы. Люди не видят, как мне все это достается, они не знают, и слава богу, они не должны этого знать. Из театра ведь никто не уходит так просто, как в обычной жизни: перешел на другую работу. Актеры до последней секунды своей жизни стремятся быть в театре…

В моей жизни мало что изменилось, я как играл, так и играю. Но, с другой стороны, наш менталитет так устроен, что нам обязательно нужно какое-то давление, как это ни смешно и ни грустно, нам нужно с чем-то бороться. Почему-то сейчас не рождается новая «Таганка», не рождается новый «Современник», не рождается новый Ленком, не рождаются спектакли, которые бы потрясали до основания души… Наверное, от того, что все дозволено, а новых мыслей не хватает. Не хватает культуры, поэтому, когда всем все можно, то в результате получается «всехняя» культура, а «всехняя» – стало быть, никакая, ничья… Наверное, русскому человеку свойственно сидеть на кухне, обсуждать насущные проблемы и задаваться вечным вопросом: «Когда же наступит новая прекрасная жизнь? Вот еще немного, еще чуть-чуть, и она обязательно настанет». Это есть в русском человеке, и никуда от этого не денешься. Может, наши дети, наши внуки изживут в себе, выдавят это из себя по капле…

…От вечной погони за деньгами мир стал очень жестоким. Посмотрите на лица в метро… Очень обозленные люди. Я играю в спектакле «Затмение» по мотивам книги «Полет над гнездом кукушки». Это история про тех, кто не вписался в сегодняшнюю жизнь. Таких очень много сейчас. Им лучше уйти в сумасшедший дом, где по крайней мере будет трехразовое питание…

А понятие дружбы? Тоже сегодня девальвировано. «Он хороший человек». – «Ну, этого мало. А что он тебе может дать, какой у него бизнес?» А я всю жизнь не умел дружить с нужными людьми. Мне Госпремию из-за этого два раза не дали. Сняли с премии имени Ленинского комсомола с формулировкой, которой я очень горжусь до сих пор: «У него нездоровая популярность».

Мне было обидно услышать от одного нашего знаменитого режиссера: «Сегодняшняя молодежь от макушки до пяток оптом продалась за гамбургеры и колу американцам»… В оформлении моего спектакля используются фотографии: на одной я с Рейганом, на другой – с Шульженко. Бывшего президента США все узнают… А о Клавдии Ивановне: «Это что за бабушка?» – «Шульженко». – «Кто такая?» – «Великая русская певица». – «Да?»

Слава тебе господи, сегодняшнюю молодежь потянуло к фильмам «Мастер и Маргарита», «Идиот». Если уж не читают классику, так пусть хоть посмотрят фильмы. Чтобы дошло: есть не только один «Ночной дозор». Существуют еще и Гоголь, и Салтыков-Щедрин…

Нам все время навязывают: «Давайте будем жить так, как Америка». Но у нас другая страна. Никогда в России не привьется фуршет, где стоят с тарелочкой и тыкают в бутерброды зубочисткой. Нам надо сесть, поговорить, песню спеть… Все же есть нечто, что стоило бы у них перенять: когда я вижу в новостях, что где-то в Зимбабве плохо обошлись с американцем и направляются авианосцы, чтобы спасти его, я понимаю: страна болеет за своих граждан…

Надо с детства воспитывать: мы самая великая страна, у нас великая культура, великие корни. Наши Химки и Ховрики старше их Америки. Кто дал миру столько светлых голов? Россия! Почему молчим, когда в Латвии преследуют наших ветеранов?! Делаем реверансы, в то время как наших граждан унижают. А Грузия – та просто плюет в лицо. А мы – сю-сю-сю. Я никого не хочу обидеть. Но давайте относиться друг к другу по-человечески. Мы такие же люди, как и все прочие…

Есть книга «Мой путь 35-й дивизии». Во время Великой Отечественной войны существовало немецкое соединение, которое первым входило во все города и вообще было образцово-показательным. Когда они вошли в Брестскую крепость, выскочил мужик в кальсонах с оглоблей и с криком: «Мать вашу!» – разогнал взвод вооруженных до зубов солдат. Я все время думаю, какая энергия от него шла, что те с автоматами сбежали…

С «Полетом над гнездом кукушки», по мотивам которого поставлен спектакль, у меня произошла интересная история. Когда только вышел этот фильм, ко мне пришел человек и принес кассету. Я посмотрел и решил уходить из профессии: потому что такой материал для роли никогда не получу. И вдруг через столько лет мне предложили сыграть Макмэрфи… Я понял: да, все идет по спирали. Если ты чего-то очень хочешь от жизни, то твое желание обязательно сбудется…

Очень люблю разыгрывать людей, и близких и дальних… Таня, моя первая жена, была танцовщицей и часто ездила на гастроли. Выступает она, скажем, в Питере – я сажусь в самолет, лечу туда, покупаю букет цветов. Жена на сцене, а я выхожу из зала с букетом… С Татьяной истерика, я же тем временем отправляюсь в аэропорт и лечу назад в Москву. Ленинград – ладно; но я ездил так в Новосибирск, Хабаровск; всюду вручал

неизменный букет – и сразу улетал обратно… Развлекался так постоянно… Хорошая шутка может выстрелить и на сотый раз.

…Как-то наш театр гастролировал в ГДР, и советский посол устраивал нам прием. С особой гордостью он продемонстрировал нам картину с изображением Красной площади – мы вежливо похвалили «произведение искусства». «Ничего не замечаете? – лукаво осведомился посол. – Как вам этот милиционер в белом?» На заднем плане действительно виднелась какая-то фигурка… «Я дорисовал», – доверительно признался посол. А ведь он был абсолютно прав: Красная площадь без милиционера – глупо…

…А я ведь вырос на «Бременских музыкантах»… Непревзойденная – в своем жанре – вещь, хоть и простая, как картины Пиросмани. Казалось бы, ничего особенного – а ты поди нарисуй так. Или – «Битлз». Играли на трех аккордах – а попробуй так сыграть…

Зрители принимают замечательно (*речь идет о спектакле «Бременские музыканты и* С°»). Что касается критики… На территории бывшего Советского Союза есть два любопытных города: Киев и Новосибирск. Давно проверено: что бы ты им ни привез, как бы здорово это ни было, – журналисты, извините, обосрут. Даже после такого спектакля, на который народ будет ломиться, круша двери… Приезжает «Таганка» – бешеный успех. Уезжает «Таганка» – вдогонку ей ругательные рецензии. А мне кажется, задача театрального критика – не раздавить актера, режиссера, спектакль, а глубоко этот спектакль проанализировать. Вы только посмотрите, как люди пишут о театре и кино… В лучшем случае пересказывают содержание. В худшем случае: «Всё – говно. И это, и то; правда, в финале один вышел, ничего так, – но и он говно». Серьезного же, профессионального, разбора почти не встретишь. Единицы нормально работают, единицы…

Лично у меня были разные истории с прессой, однажды меня журналисты «достали» до такой степени… Не все журналисты, конечно, а – идиоты: в каждой профессии есть свои уроды. Это совершенно естественно, но я таким людям предпочитаю указывать на их место… А если человек ничего не понимает и после этого, то ему нужно просто уходить из профессии…

Естественно, я прежде всего – актер. Но ведь само собой разумеется, что человеку, живущему в собственном доме, совершенно не помешает умение забить гвоздь, вымыть пол, подкрасить дверь…

А мой бизнес, он вполне совместим с актерским ремеслом.

Просто всегда нужно понимать, какой у тебя бизнес. Торговля «памперсами» или «сникерсами» с театром, естественно, несовместима. А заниматься делом, которое ты любишь и в котором кое-чего понимаешь, по-моему, нормально. В конце концов, театр – это мой дом. И, естественно, кино, там просто больше площадка и шире аудитория. Но театр изначально намного серьезнее…

Наверное, в каждой роли, которую мне пришлось сыграть, неважно, в театре или в кино, есть какая-то часть меня настоящего, реального, что ли, – уйти от себя полностью не сможешь, даже если очень захочешь. И чем лучше актер, тем он больше может из себя «вытаскивать»… К примеру, в фильме Романа Балаяна «Храни меня, мой талисман» мне было страшно интересно сыграть дьявола, да так, как его еще никто не играл. Не Мефистофеля, нет, а нормального такого, земного человека, но – искусителя…

Не поверите – иногда ловлю себя на том, что, при всей своей коммуникабельности, стесняюсь знакомиться с новыми людьми… Хотя, по-моему, это замечательное качество…

…Во многих моих интервью я говорю примерно одно и то же, и это вполне закономерно. У меня что, другая жизнь была? Каждый раз я должен говорить, что в другом году родился, что ли?.. Кстати, довольно часто отказываюсь от интервью. Ну, нечего мне в данный момент человечеству сообщить, чего ж тут поделаешь… А меня заставляют повторяться… Другое дело, что существуют темы, говорить на которые я не хочу и просто избегаю подобных разговоров. Например, личная жизнь.

…Я довольно спокойно отношусь к следующему поколению артистов. Выделяю, пожалуй, одного Евгения Миронова. Ну, еще, наверное, Меньшикова…

Недавно в одной телепередаче Марк Захаров назвал меня своим единственным учеником. Это не только приятно – думаю, это правда… Например, Янковскому и годков побольше, чем мне. Хотя, конечно, тут не в возрасте дело… Я Олега обожаю – и как товарища, и как актера. Он не хороший даже, роскошный артист, но нас с ним нельзя сравнивать – даже пробовать на одну роль нельзя. А я?.. Ну, как можно самого себя характеризовать? Нет, я, конечно, знаю себе цену, и она очень высока, уверяю вас – я многое могу. А то, чего не могу… Зачем я буду в этом признаваться… Для прессы скажу так: я могу все. А чего не могу – знаю только я сам. Конечно, меня это мучает. И это абсолютно нормально: творчество вообще сопряжено с муками. Но сладостными муками… Но не только, конечно… Бывает и такое,

что в полуобморочном состоянии приходишь домой, «вырубаешься», едва дойдя до койки, а ночью вскакиваешь в холодном поту: приснилось, что забыл текст роли. И где же здесь сладость? Ощущения, поверьте, довольно неприятные.

В театре от актера зависит очень многое, а в кино, к сожалению, мало чего. И потом, в кино меня зачастую используют просто как «краску». Я считаю, что с киноролями мне вообще-то не очень везло: думаю, не сыграл и сотой доли того, что мог бы и должен был бы сыграть. Снова оговорюсь: в отличие от театра. Мне случалось отказываться от ролей в кино. Хотя на многое, от чего стоило бы отказаться, я соглашался по причинам, не связанным напрямую с творчеством. Например, эпизод в итальянской картине «Осада Венеции». Интересно было поработать с итальянцами – посмотреть, что они такое… И потом, в конце концов, я живой человек, что – я не имею права на ошибку, что ли…

Недавно у меня угнали машину… Наверное, я сам виноват: не нужно было ездить на БМВ – «Вольво» ведь в Москве не воруют… Мне ее продюсер подарил. Я же не мог сказать: «Поменяй на другую…» Тем более что я всегда мечтал именно о большой БМВ. И пижонство здесь ни при чем. Мой рост – метр девяносто два, в маленькой машиночке мне элементарно не уместиться. Поскольку я большую часть жизни провожу в автомобиле, – именно там у меня должен быть максимальный комфорт. Семьсот тридцать пятая модель БМВ идеально подходила под мои параметры. Два месяца подходила… Я уже и с московскими ворами переговоры вел: «Не мы, – говорят, – “гастролеры” умыкнули. Так что, господин Абдулов, не обессудьте…»

Нет, я точно – не пижон. Я скорее хулиган – в хорошем смысле слова. Немногие способны на «красивое хулиганство», для этого фантазия нужна. Я, например, единственный актер, которому удалось снять великого оператора Павла Лебешева… Было дело… Помню, долго уговаривал его сняться в качестве актера: «Ты только представь себе, Паша, – Абдулов снимает Лебешева. В этом же есть замечательная дурь!» Он потом ворчал, возмущался, что я его плохо снял. «Ты, – говорю, – всегда меня плохо снимаешь – я же не жалуюсь…»

Меня в последнее время очень часто спрашивают о роли булгаковского Коровьева в «Мастере и Маргарите»… Боюсь даже об этом говорить: несыгранную роль вообще обсуждать нельзя. Но если получится… Да я – идеальный Коровьев! Это просто сто-, миллионнопроцентно моя роль. Коровьев – чародей, маг, виртуоз,

профессионал… Такое в нем невероятное количество есть чего играть. И придумывать ничего не надо: за тебя все автор сочинил. А финал!.. Коровьев – мотор, мозги, юмор всей «команды» Воланда…

Наш театр «Ленком», его, по сути, создал Марк Анатольевич Захаров… Вот уж поистине – «дом, который построил Свифт». Захаров придумал ситуацию, при которой нам, актерам, просто нечего делить. Редкий случай, чтобы каждый артист занимал свою собственную нишу. Для того чтобы такого добиться, нужно обладать потрясающими мозгами и быть невероятным стратегом. У нас в театре нет интриг: незачем интриговать, да и против кого?..

Помнится, когда-то по молодости анонимки на меня писали. Правда, не Захарову, а прямиком в КГБ. Я тогда только-только пришел в театр – и кто-то испугался, что я займу его место. Но я занял свое… Нет-нет, сейчас интриговать просто бессмысленно. Взять хотя бы «Игрока»: генерал – Янковский, бабушка – Чурикова, Потапыч – Броневой, француз – Лазарев-младший, Захарова – нянечка… Кого с кем здесь можно поменять? Все звезды – все незаменимы…

Чем чаще мелькаешь по телевизору – тем больше надоедаешь публике… Реклама эстрадникам нужна – да и то не всем, а однодневкам. Нет, не следует театральным актерам слишком часто появляться на экране. Ну, увидят тебя лишний раз – и что с того?

…Вообще-то, да, я эмоционален… Между прочим, и заплакать могу, например от любви к себе. И я эгоист, чудовищный…

Постоянно счастливыми могут быть только идиоты, но при этом разве я сказал, что несчастлив? Жизнь идет – и прекрасно… А когда я действительно чувствую себя несчастным, стараюсь, чтобы никто мне под руку не попался. В эту секунду запираюсь дома, в своей берлоге, и никого видеть не хочу… Но все это быстро проходит. Да, довольно быстро. Я умею собой руководить. И проигрывать умею с честью… И не стану вас убеждать, что я не азартен… Я, конечно, обожаю казино – такой адреналин в крови вырабатывается… Очень много проигрываю. Каждый раз даю себе слово, что больше играть не буду, – не получается…

Понимаете, в чем дело: если бы хоть кто-то додумался до какой-нибудь реально действующей системы выигрыша, – все казино мира закрылись бы в тот же день. Сейчас в Брно даже курс появился – платишь тысячу долларов, и тебя обучают этим

премудрым системам. Меня пригласили – я отказался. Нет уж, обойдемся без систем, хоть я и невезучий. Естественно, случались и выигрыши. Однажды я три раза подряд поставил на «семнадцать» – максимум – и выиграл тридцать тысяч долларов. А проигрыши – ну зачем же я буду о неприятном вспоминать…

А что касаемо моих поклонниц… Ну, это – пройденный этап, поклонницы мои уже бабушками стали… Из большого секса я ушел: перешел на тренерскую работу. Но, пожалуй, я играющий тренер…

Если бы вы знали, сколько я всего пропустил в театре… Должен был играть Глумова в «Мудреце» – Захаров меня даже на роль назначил. Прошло пять лет, начались репетиции – а я уже стал старым… Режиссер, естественно, взял молодого актера, а я Глумова так и не сыграл. Да и Ромео мне уже никогда не сыграть…

Очень хочу сыграть Лира – и именно в своем нынешнем возрасте. Ведь то, что старичок в девяносто лет никому не нужен, еще можно понять. А вот когда ты в сорок не нужен детям – это страшно…

С ужасом думаю о том, что вдруг стану не нужен своей дочке. Она удивительный ребенок. Абсолютно самостоятельная, сильная, у нее роскошные мозги.

Мощный, мудрый человечек – очень ею горжусь. Сейчас с трепетом думаю о том, что, может быть, скоро дедом стану…

Кстати, еще о розыгрышах. Была у меня одна задумка, но претворить ее в жизнь я не решился: людей пожалел… Значит, так. Появляюсь я на телеэкране – и на полном серьезе говорю: «Знаете, я обнаружил в себе удивительные способности – на расстоянии заряжаю аккумуляторы». Думаете, не поверили бы? Дальше я объявляю, что через пятнадцать минут начну свой сеанс. Хорошо бы, чтобы происходило это все зимой, в мороз. Вы себе представляете, какое громадное количество людей рванет за аккумуляторами? Лифт не работает – не беда: на шестнадцатый этаж аккумулятор на собственном горбу дотащим… Попрут ведь, попрут… Вот-вот, а я буду сидеть и важно размахивать руками, как Чумак… Между прочим, он при мне из коньяка вино сделал. Я сам купил бутылку, сам откупорил, сам налил в рюмку, сам попробовал – коньяк. Чумак помахал над рюмкой руками: «Пробуйте!» – терпкое вино… Он отхлебнул – и удивился: «Нарушая структуру воды, я сам понятия не имел, что в итоге получится». Клянусь вам, все произошло на моих глазах…

Все проходит, и спектакль «В списках не значился» по повести Васильева был снят с репертуара. А роль Плужникова очень много

значила для меня. С нее началась моя актерская карьера. Мой папа – фронтовик – плакал на этом спектакле. Хотя разжалобить его было не так-то просто. Однажды, когда много лет спустя я приехал в Фергану и пришел на могилу отца, то увидел там свежие цветы и конфеты. Ко мне подошли две старушки и сказали: «Саша, неужели вы могли подумать, что мы забудем вашего удивительного отца?» Я был горд за него, подумав: вот так надо прожить жизнь в искусстве, чтобы и через много лет к твоей могиле приходили люди…

…Когда человек является публичным персонажем, он превращается в жертву собственной известности. Обычно я стараюсь не рассказывать о своей личной жизни. Мой отказ раздражает некоторых журналистов. Поэтому в погоне «за жареным» они готовы насочинять все что угодно. Раньше я сильно реагировал на это, возмущался, протестовал, а теперь перестал. Оправдываться – только нервы себе трепать. Зачем? Свои личные проблемы я обсуждаю только с близкими людьми и отчитываться ни перед кем не собираюсь. Вам же скажу по секрету: самый главный мой роман – роман с жизнью. Я очень ее люблю, а с некоторых пор решил быть свободным и одиноким. А журналистам я бы посоветовал внимательнее смотреть фильмы и спектакли, в которых играю. Может, тогда они поймут, что я за человек, и перестанут заглядывать ко мне в койку. Ведь в момент игры актеры открывают самые потаенные глубины своей души, они как бы исповедуются перед зрителями, поэтому большего откровения придумать невозможно.

Правда, иногда я работаю на публику, «дурака валяю», но это не значит, что я такой. На самом деле я очень сложный. Во мне уживаются несколько людей, которые временами не очень-то ладят друг с другом. Ну да, я родился под знаком Близнецов. На эмблеме этого зодиакального созвездия изображены два человечка, которые смотрят в разные стороны. Во мне идет постоянная борьба нежного с жестоким, грубого с мягким. Отсюда молниеносные вспышки гнева, неожиданные уходы, отчаяние, резкие перепады настроения. И потому я часто бросаю вызов себе, страшась «покрыться плесенью». Я считаю, что каждый день должен быть новым и нечего «жевать» уже пройденное. Необходимо постоянно двигаться вперед. По сути, вся актерская жизнь состоит из движения: гастроли, переезды, записи на телевидении, съемки в кино. Для меня очень важно постоянно находиться в творческом процессе: снялся в одном фильме, уже не терпится сняться в другом. В противном случае возникает ощущение пустоты. Мой отец говорил: искусство – это дикий мустанг, на котором надо уметь удержаться. Чуть сделаешь себе

послабление – и он тебя сбросит. Вот я и стараюсь. Недавно одновременно снимался в четырех картинах: у Бортко в «Мастере и Маргарите», у Соловьева в «Анне Карениной», у Лунгина в «Мертвых душах», у Буравского в «Блокаде». Есть еще два проекта, на которые я возлагаю большие надежды, но пока как человек суеверный об этом ни слова не скажу…

Раньше я любил, чтобы на съемках каждого фильма у меня ветер свистел в ушах, то есть все трюки делал сам, не доверял каскадерам. А потом несколько поутих. Не из-за того, что постарел, просто понял: затраченные усилия не равны результату. Мелькнет где-то твоя спина в кадре, и зритель даже не разберется, кто это был, а ты на это потратил уйму времени, рисковал сломать себе шею. Правда, на одном кинофестивале я получил приз как лучший каскадер за трюк в фильме «Убить дракона». Меня поднимали краном за ноги на высоту сорок пять метров. На съемках присутствовал один немецкий продюсер. Марк Захаров спросил его, сколько бы тот заплатил за такой трюк немецкому актеру. Тот ответил без колебаний – тридцать тысяч марок. А я получал только суточные. Когда узнал об этом, долго не мог опомниться, все воображал, что бы я купил на такие сумасшедшие деньги…

Не скрою, я подумываю о собственной книге, в которой постараюсь суммировать все свои впечатления от творчества и от жизни. Хочу, чтобы это было похоже на отчет-письмо моему отцу. Я часто думаю, как бы он оценил мои нынешние поступки, что бы сказал по поводу новых ролей. По-моему, он гордился мной, но вида никогда не показывал. То ли опасался сглазить, то ли боялся, что я зазнаюсь. Ведь он был моим первым учителем в театре. До того как я сделал свои первые шаги в ферганском театре, целый год служил рабочим сцены. Когда однажды по моей халатности был сорван спектакль, то отец заставил меня выплатить все убытки из собственного кармана. А потом с его благословения я приехал в Москву и поступил в ГИТИС. Отца уже нет, но я постоянно сверяюсь с его оценками. Как бы он радовался, дожив до шестидесятилетия Великой Победы. Теперь я буду это делать за нас двоих…

На репетициях (*речь идет о спектакле «Затмение»*) мы фактически заново сочиняли текст. Если вы сравните текст нашего спектакля и русский перевод романа Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки», то окажется, что это два разных произведения. Потому что, если честно, роман-то устаревший. Сейчас играть историю про борьбу индейцев и резервации, про

движение хиппи невозможно, этого почти никто не помнит. Поэтому нам приходилось адаптировать текст к сегодняшнему дню, к нашей реальности. Мы хотели добиться – не знаю, получилось ли, – чтобы эта история воспринималась как вселенская, которая может произойти с кем угодно, в любое время, в любом месте.

Нам повезло с режиссером Александром Морфовым – здесь просто звезды сошлись. Ведь у каждого хорошего режиссера – а Захаров гениальный режиссер – есть свой язык, и ты к нему привыкаешь. Я с Захаровым работаю уже тридцать лет, и он только начинает фразу, а я уже знаю, чем он ее закончит. Это безумно интересно и невероятно удобно. А когда приходит другой человек с другим языком, надо все время ходить со словарем, надо мучительно понимать, чего он хочет. Это всегда очень сложный переход – с языка на язык. И мне поначалу было сложно настраиваться на Сашу, но он очень мягкий, очень аккуратный. Хирургии не было в том, как он с нами работал. Мы искали, мы мяли, мы пробовали, была тысяча вариантов – актеры не знали, какой текст учить, у нас буквально вплоть до премьеры еще не было готового текста. Этому спектаклю сейчас нужно немножко пожить. Пока что все актеры испытывают страх перед текстом, сюжетом – мы же сыграли премьеру без прогонов. А задумывался этот спектакль как джем-сейшн, когда люди играют не текст, а тему. Ты только задаешь тональность, остальные ее подхватывают. Литературный материал позволяет это сделать. Если мы дойдем до этого состояния, все станет невероятно интересно…

Кстати, я заметил, что тем, кто не видел фильм Милоша Формана, спектакль нравится. А те, кто видел, невольно начинают сравнивать. Я им говорю: «Зачем вы сравниваете? Это же разные произведения…» Вообще самое обидное – это когда спрашивают: «Ты Николсона играешь?» При чем здесь это?.. Это абсолютно отдельная история, я совершенно не пытался ничего перенимать из фильма. Мне очень нравится та, киношная история, но наша – мне, естественно, ближе. Врачи-психиатры говорят: «Больны все. Просто есть обследованные, и есть необследованные». А у Гротовского есть фраза: «Все великие дела совершаются на пике нездоровья, потому что эталон здоровья – корова». Вообще – что такое болезнь? Относительно чего человек нездоров? Относительно кого? Кто устанавливает эти нормы?.. Мы исходили из того, что пациенты в нашем спектакле – они не больны.

Они просто не вписались в эту жизнь. Знаете, что есть в Макмэрфи и чего нет в медсестре Речид? Он абсолютно свободен.

Я придумал себе формулу: абсолютно свободный человек – это тот, кто понимает и уважает несвободу другого. Это то, к чему пришел Макмэрфи. А она несвободу других понимает, но не уважает. Потому что если она начнет ее уважать и, соответственно, менять правила, ее уволят, и ее мир рухнет. Я название придумал для спектакля, которое мне больше нравится, чем «Затмение»: «Билет в один конец». Наша история – про это…

Я ходил в сумасшедшие дома… И не только в Москве, но и на периферии. Мне все время было интересно понять логику этих людей. Например, я много снимался в лагерях, в тюрьмах. И вот что крайне интересно – они же все уверены, что сидят ни за что. Они – каждый из них – могут оправдаться… Я спросил одного: «За что сидишь?» И он говорит: «Да ни за что… Я вышел из тюрьмы, приехал в свою деревню, сестра накрыла стол, выпиваем, и она говорит мне о том, что сосед две недели назад взял приемник и не отдает. Я пошел к нему и попросил, чтобы он отдал приемник, а он меня послал. Тогда я взял топор и зарубил его. Ну что – я виноват разве?» Понять вот эту логику – дико интересная задача для актера. Я эти истории, подобные той, которую вам рассказал, эти впечатления, эти ощущения не для конкретной роли собирал, но потому что знал, что когда-то где-то эти истории обязательно пригодятся. Вот они и пригодились для Макмэрфи…

Знакомый психиатр, посмотрев наш спектакль, сделал медицинское заключение о болезни Макмэрфи на четырех листах. И когда я дал прочитать это моему близкому человеку, то, прочтя написанное, он мне сказал: «А чего читать-то было – это твой диагноз…»

Почему мне в театре интереснее? Здесь полнее чувствуешь, что занят творчеством. У меня есть три часа сценического времени, и тут уж только от меня зависит, получится роль или нет. Я вышел на сцену, я работаю, я отвечаю за все. И если работаю плохо – не на кого свалить вину. Такого ощущения нет в кино. Там с твоей ролью могут сделать все что угодно. Могут перемонтировать, переозвучить, наложить другую реплику. Что-то важное вообще выбросить при монтаже. Получается: это уже не я сыграл, это меня «слепили». И еще. Как вообще играть трагедию в десяти дублях?.. Ведь очевидно же, что мгновения настоящей актерской работы неповторимы…

Киноартисты любят рассказывать о том, как они на съемках прыгают с лошади, купаются в ледяном море. Это, разумеется, эффектно. Реже говорят о том, что «героизм» этот мог бы подчас и не понадобиться вообще, будь люди на площадке чуть организованней, чуть профессиональней. Как-то, снимаясь в

новой картине, я должен был прыгать в море. Поздняя осень, Балтика, ветер. Выхожу мокрый с головы до пят. Но оператор, оказывается, не смог «поймать» мой прыжок в кадр… В результате сняли шесть дублей. И отнюдь не из-за творческих соображений. Что-то не сработало, кто-то прозевал момент… А ведь в кино бывает совершенно иначе. До сих пор вспоминаю, как слаженно работала съемочная группа фильма «Двое в новом доме», которой руководил дебютант в жанре игрового кино режиссер Тофик Шахвердиев… Счастливыми днями была для меня работа с Марком Захаровым на съемках телефильмов «Обыкновенное чудо» и «Тот самый Мюнхгаузен». Захаров необычайно взыскателен к себе и от других требует боевой готовности номер один. Он не просто талантливый режиссер, не только человек увлеченный, но и умеющий увлечь всех вокруг. Он педагог. Каждый раз ставит планку на какую-то новую высоту. И надо прыгать, хотя не всегда известно – как. Надо искать, придумывать – а это в искусстве самое интересное. Знаю, что такая же атмосфера поиска царит на съемках фильмов Никиты Михалкова. Но это – скорее исключения, чем правило…

Я в принципе не понимаю упований на актерскую технику… Я не понимаю, когда партнерша по сцене, отвернувшись от зрителя, усилием воли выжимает слезу. Когда она старательно «доносит» свой текст, прорабатывая его модуляциями голоса так, что зрителю уж и думать ни о чем не остается. Ведь что такое слово? Это же только обрывочная тень той колоссальной нервной работы, которая свершается внутри нас. Мы можем сообщить об огромном горе так, как будто говорим о чем-то незначительном и обыденном, и только, допустим, руки выдадут, насколько нам тяжело. Обратите внимание, как мы вообще сегодня все разговариваем. Одновременно что-то делаем, о чем-то еще подспудно думаем, держим в голове напряженную программу дня, нас всегда мучит необходимость куда-то срочно бежать… Вот если я чувствую на сцене, на экране эти интонации, эту атмосферу нашей сегодняшней жизни – мне сразу становится интересно и наблюдать за происходящим, и играть именно так. Искусство должно резонировать с нашей душой, с нашими сегодняшними реалиями вне зависимости от того, что разыгрывают артисты на сцене – сказку или быль, классику или современную драму…

Я в кино сыграл довольно много ролей… И много плохих. А что делать… Отказываться? Но ведь каждый раз есть надежда, что свершится «обыкновенное чудо», что фильм сложится, как это бывает, если собираются увлеченные, талантливые люди. Все настоящие чудеса, как известно, рукотворны. Но все-таки трудно

понять, почему и в кино, и в театре мы так часто берем заведомо слабый материал и вступаем с ним в форменное противоборство. Играешь некоего безликого Тютькина и… упорно пытаешься вложить в него Раскольникова. А зачем это делать?.. Ведь есть Раскольников, есть множество прекрасных пьес, множество замечательных ролей. Но так мало надежды их сыграть. Я безумно хочу, например, играть Достоевского. Играть пьесы Жана Ануя. Но пока – не доводилось. Актер не хозяин своей судьбы, к сожалению. Может быть, на склоне лет, маститый и облеченный званиями, он позволит себе подойти к режиссеру и предложить себя в Гамлеты – да тогда уже поздно будет…

Мне из актеров интереснее всего те, кого нельзя заранее вычислить – что он сделает дальше, как он поведет себя в следующий момент. Так, например, работает Марина Неелова. И внутри одной роли, и вообще во всем своем творчестве.

Хочется браться за что-то неожиданное, делать то, чего от тебя зритель не ждет… Вот сейчас снимаюсь у режиссера Вадима Дербенева в экранизации романа Коллинза «Женщина в белом». Все, сказал я себе, только одна эта роль, больше ни на что отвлекаться не буду. Но вскоре предложили материал удивительно интересный – в фильме молодого режиссера Алексея Малюкова «34-й скорый». Вообразите замкнутое пространство мчащегося поезда, в котором вдруг вспыхивает катастрофический пожар. Условия экстремальные, критические, и люди проявляются здесь самым неожиданным образом. Мой герой, кажется, и благополучен, и обаятелен, и интеллигентен, но копни поглубже – и такую тьму в душе обнаружишь… Возможность копнуть «поглубже» – самый счастливый случай для актера, как же мне от такой роли отказаться…

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКИЙ ЭКРАН»

– Знаете ли вы в жизни таких людей, как Митя из фильма «С любимыми не расставайтесь»?

– Сценарий, написанный Александром Володиным, предполагал соединение в моем герое характерных черт сегодняшних молодых людей от девятнадцати до тридцати лет. В то же время он, мой герой, должен был стать очень конкретным, узнаваемым. В жизни таких, как Митя, много, и в то же время он, конечно же, не списан непосредственно с натуры, это придуманный персонаж.

– Трудно ли было сниматься вместе с женой – Ириной Алферовой?

– Трудно и одновременно чрезвычайно приятно. Трудно потому, что постоянно чувствовал двойную ответственность, переживал и радовался за двоих. Приятно, ибо на съемках фильма «С любимыми не расставайтесь» я с особой ясностью ощутил, какая Ирина тонкая, чрезвычайно талантливая актриса.

– Что вы больше всего цените в человеке?

– Доброту.

– Какое событие своей творческой жизни вы считаете наиболее значительным?

– Еще во время учебы в Государственном институте театрального искусства имени А.В. Луначарского меня пригласили в Московский театр имени Ленинского комсомола на роль лейтенанта Плужникова в спектакле по повести Бориса Васильева «В списках не значился». Это решило мою судьбу, сегодня без этого театра я не представляю свою жизнь.

– Есть ли у вас спортивные увлечения?

– Люблю фехтование, кандидат в мастера спорта по этому виду. Умение фехтовать пригодилось на съемках фильмов «Обыкновенное чудо» и «Тот самый Мюнхгаузен». В этих же картинах пришлось ездить верхом, и теперь конный спорт стал моим увлечением.

– Ваша любимая роль?

– Они все мне дороги, все любимы. Главный интерес для меня заключается в самом процессе работы над ролью, несмотря на все трудности и волнения. А

результат, я думаю, важен и для меня и для зрителей.

– Доводилось ли вам работать над зарубежной классикой?

– Недавно я был утвержден на роль Уолтера Хартрайта в экранизации с детства мной любимого романа Уилки Коллинза «Женщина в белом». Мой персонаж – это красивый, сильный герой с необычной судьбой. Роль эта замечательна еще и тем, что мне предстоит сыграть, по сути, двух разных людей. В первой серии художник Уолтер Хартрайт должен предстать натурой тонкой, романтичной, даже слабой. Затем в его жизни наступает крутой перелом, из экспедиции в Африку он возвращается совершенно другим человеком – закаленным, умудренным жизненным опытом. Предчувствую, как интересно будет работать…

– Приходилось ли вам петь на сцене либо на экране?

– Впервые я запел в спектакле «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», а до той поры и не подозревал о своих вокальных, пусть и скромных, но возможностях. Недавно в одной из телевизионных передач исполнил новую песню композитора Романа Майорова. Не исключено, что придется петь и в картине «Факты минувшего дня», которую на киностудии «Мосфильм» снимает режиссер Владимир Басов. В этом фильме я играю рабочего-горняка Григория…

1980 год

В том, что я попал в театр, не последнюю роль сыграли гены. Нет-нет, не следует, подобно многим, тут же ошибочно предполагать, что я – прямой наследник замечательного актера Осипа Наумовича Абдулова, но и мой отец, Гавриил Данилович Абдулов, имел самое непосредственное отношение к театральному искусству. Он был режиссером, одним из организаторов первого русского театра в Узбекистане. Так что когда меня спрашивают: «Вы – сын Абдулова?», – я, нисколько не греша против истины, отвечаю утвердительно…

Нетрудно дорисовать дальнейшее: ребенок, большую часть дня проводивший в театре… запах кулис… Короче говоря, после окончания школы я поехал сдавать экзамены в театральное училище и… провалился.

Если быть точным, то в «свой» театр я попал не после, а до окончания института. На профессиональных подмостках я дебютировал, еще будучи студентом.

Я не делю сыгранные роли на «этапные» и «проходные». Все

они – будь то Медведь в «Обыкновенном чуде» или адвокат Рамкопф в фильме «Тот самый Мюнхгаузен», Митя в картине «С любимыми не расставайтесь» или десятки иных ролей, сыгранных и на подмостках нашего театра, и в кино, – мне дороги. И если что-то не получилось, полагаю, со стороны это виднее, тем не менее не следует думать, что такие досадные неудачи были заранее запрограммированы, – понятное дело, что для меня самого они были особенно огорчительны…

…Я готов подписаться под тем, что артист не должен отказываться от предлагаемых ему ролей, хоть в театре, хоть в кино… Актер – это такая же профессия, как и многие другие. Лишите, к примеру, столяра-краснодеревщика возможности в течение года заниматься своим ремеслом – и он неизбежно утратит с годами приобретавшиеся профессиональные навыки… То же в равной степени относится и к артисту. «Что наша жизнь? Игра!» – говорим мы и полушутя, и всерьез; и действительно, не играя длительное время (на сценических или эстрадных подмостках, перед кино– или телекамерой), мы, актеры, теряем очень многое.

Ждать годами желанной роли, отказываясь от любых иных предложений, в наши дни нельзя. Даже звезды мирового экрана снимаются не только у признанных мастеров режиссуры, но и у кинематографистов-«середняков», и их никто не упрекает во всеядности.

Более серьезная, на мой взгляд, опасность, подстерегающая актера, – бездумная эксплуатация режиссерами его внешних данных, типажности. Этим грешит, в первую очередь, кинематограф. В театре, в нашем в частности, все обстоит несколько иначе. Марк Захаров, давно зарекомендовавший себя не только оригинально мыслящим режиссером, смелым экспериментатором, но и бережным наставником артистической молодежи, стремится всегда создать условия для максимально полного проявления творческой индивидуальности любого артиста. К примеру, приступая к работе над «Оптимистической трагедией» Всеволода Вишневского, Марк Захаров совершенно неожиданно для многих поручил роль Комиссара… Инне Чуриковой, роль Вожака – Евгению Леонову, а роль Сиплого – мне… Уже тогда многие высказывали сомнения по поводу грядущей судьбы спектакля. Но театр доказал сомневающимся, что наша труппа способна решать постановочные задачи любой степени сложности…

Ленком ныне по праву считается едва ли не самым популярным театром Москвы, да и за ее пределами вряд ли найдется еще один столь же живой и плодотворно работающий

сценический коллектив. Не только на премьерах, но и на уже давно включенных в репертуар спектаклях у нас аншлаг. В Париже в течение двадцати восьми дней мы показывали «“Юнону” и “Авось”» – и ни разу в зале не было ни одного пустого места, хотя театральные билеты здесь стоят гораздо дороже, чем у нас…

Марк Захаров, образно говоря, «без отрыва от производства» завершил работу над своим очередным телефильмом по пьесе Григория Горина – «Дом, который построил Свифт». В ней я исполняю роль Гулливера, а в семисерийной телеверсии романа Жюля Верна «Дети капитана Гранта» предстану перед многомиллионной аудиторией в облике предводителя банды – Боба Дегтя.

Как и в уже шедшем на экранах «Карнавале», в киноленте «Самая обаятельная и привлекательная» я снимаюсь вместе с Ириной Муравьевой.

Пожалуй, самая трудная из моих теперешних театральных работ – Лаэрт во второй за последние годы постановке «Гамлета» на сцене Ленкома. Главные роли репетируют: Олег Янковский – Гамлета, Инна Чурикова репетирует роль Гертруды, Александр Збруев – роль Короля, недавно перешедший в нашу труппу Михаил Козаков репетирует Полония… Им, как видите, повезло, а самая неблагодарная роль досталась мне. Ведь по сложившейся традиции, Лаэрт в трагедии Шекспира – фигура сугубо функциональная… Но в нашем спектакле этот персонаж, по замыслу постановщика, известного кинорежиссера Г. Панфилова, должен наконец обрести «лица необщее выраженье», предстать перед зрителями поистине трагической фигурой, едва ли не равной самому Гамлету…

Я попробую сыграть внутренне порядочного и легкоранимого человека, так же, как и Гамлет, пытающегося восстать против превратностей судьбы, но не ведающего, что помимо всех своих несчастий он еще и «орудие судьбы» – невольный исполнитель чужих коварных замыслов…

Боюсь забегать вперед – еще не знаю, насколько успешно удастся осуществить задуманное, но приложу максимум усилий для того, чтобы эта роль не оказалась проходной и надолго запомнилась и мне, и зрителям…

…Я считал и считаю, что «Храни меня, мой талисман» – картина замечательная. Она о нас, молодых, и для нас. Вам не кажется странным, что мы порой привыкаем не отвечать за свои слова и поступки, делаем вид, что ничто в этой жизни нас не волнует – ни любовь, ни красота, обновляющая душу, ни

трепетное отношение к женщине… Жаль, очень жаль…

Картина Романа Балаяна, она ведь не относится к разряду развлекательных – в ней не все лежит на поверхности. Кое-кто вообще воспринял фильм как буквальное воспроизведение исторической ситуации, помните – «пушкинский треугольник». Поэт, его жена и соперник поэта – Дантес. Но это далеко не так. И вовсе не нужно было режиссеру убеждать кого-то в святости пушкинских мест и в благоговейном отношении к самому Пушкину – достаточно увидеть среди персонажей картины Булата Окуджаву. Его присутствие напрочь снимает эту надуманную, раздутую некоторыми критиками проблему. Здесь все проще – и все сложнее. Здесь является миру верная и глубокая любовь Татьяны и Алексея. Любовь, которая для Климова как рана, посыпанная солью, – она постоянно мучает его, не дает о себе забыть. И смысл его деяний только в одном – разрушить, растоптать не подвластное ему чувство.

Алексей бросает вызов Климову потому, что не может поступить иначе, – на карту поставлено достоинство любви, его, Алексея, мужское и человеческое достоинство… Но взгляните, как ведет себя в этой ситуации мой герой: сперва недоумевает – и в самом деле, дуэль в двадцатом веке выглядит довольно странно, даже нелепо… Но затем, хладнокровно рассчитав, какой козырь попадает к нему в руки, соглашается «стреляться». Чем все окончилось, вы, конечно, помните. Климов мстит Алексею – подло мстит. Отказавшись от выстрела, он заставляет его стрелять в себя, в безоружного. И этим убивает Алексея. Вот она – месть… Но чистой и незапятнанной остается любовь. И ничто не властно над ней – ни подлый розыгрыш Климова, ни сам он, мерзкий в своем стремлении надругаться над тем, чего лишен, и лишен навсегда…

Театр «Ленком» – это мой настоящий дом, в прямом смысле… Он нравится мне всем: репертуаром, и тем, что Ленком молодежный театр, и творческой атмосферой, царящей в нем. Трудные времена пережил театр после ухода Анатолия Эфроса. Театр хирел, терял зрителя. Актеры играли в полупустых залах. Билеты распространялись насильственно, «в нагрузку» к гастролям какого-нибудь знаменитого певца или ансамбля. Доходило до курьезов: после третьего звонка запирали двери, чтобы зрители не сбежали до конца спектакля. Так было. И это все – правда…

А потом в театр пришел Марк Захаров. За ним потянулись Евгений Леонов, Татьяна Пельтцер, Олег Янковский, Инна Чурикова, Николай Караченцов, Виктор Проскурин и многие

другие актеры. Театр зажил новой жизнью. И вновь воцарился на его сцене благодатный дух творчества. Появились интересные музыкальные спектакли. Народ валом шел на них, и можно было «играть» на музыке, на «музыкальном» репертуаре. Но Марк Анатольевич Захаров – режиссер дальновидный – вдруг ставит Чехова и «Оптимистическую трагедию». Театр стал осваивать жанр психологической драмы. И снова поворот – на сцене появляется спектакль-диспут «Синие кони на красной траве», в котором роль Ленина играет Олег Янковский, причем без всякого грима. Правда, тут же разгорелись всякого рода «запретительные» разговоры. Дескать, как это можно играть вождя мирового пролетариата без грима, это, мол, нарушение театральных традиций, и так далее, в том же ключе… В подобной же стилистике был поставлен еще один спектакль Ленкома – «Диктатура совести», в котором все зрители становились участниками происходящего на сцене и в зале.

Наконец, Марк Захаров не стал утверждать собственную автономию и открыл двери для многих режиссеров. У нас появился известный кинорежиссер Глеб Панфилов, и на сцене театра родился новый «Гамлет» с Олегом Янковским в главной роли…

Помимо всего прочего в нашем театре создано и успешно развивается творческое объединение «Дебют». Оно функционирует для тех, кто любит риск и эксперимент, у кого есть свой взгляд на ту или иную животрепещущую проблему современности, для тех, кто хочет попробовать себя в режиссуре, для тех, у кого, к примеру, есть интересная пьеса. Речь тут, как вы понимаете, идет о молодых художниках. К слову сказать, Марк Захаров сумел создать в «Дебюте» подлинный творческий центр, куда тянется талантливая молодежь со всей Москвы. И это, не скрою, отрадно. Тем более что и главный наш зритель – это тоже молодые люди… С одной стороны, это невероятно радостно, с другой – в этом кроется колоссальная сложность. Как никакой другой коллектив, наш театр должен постоянно воздействовать на умы и сердца молодых зрителей, общаться с ними по самым острым и актуальным проблемам, которые определяем даже не мы – их определяет жизнь.

И потому, конечно, надо быть постоянно начеку, не упустить тонкий момент между этой самой актуальностью и нравоучительностью… И Марк Захаров – главный режиссер, и мы, актеры Ленкома, прекрасно понимаем, что популярность театра не вечна. Да и кто может сказать, сколько она продлится – год, два, пять лет? Потому и приходится «перестраиваться на марше», постоянно искать новые формы, новые решения – удивлять

зрителя…

С моей первой ролью в кино была вот какая история… У нас в ГИТИСе было место, которое студенты окрестили «предбанником». По обыкновению там собирались те, кто сбежал с лекции, не подготовился к семинару, завалил зачет. В этой студенческой компании постоянно мелькали какие-то люди, очень странные с виду. Попадешь им на глаза – они на тебя и сквозь дырочку посмотрят, и через ладошку, и присядут, и подпрыгнут. Это ассистенты режиссеров: они вечно чем-то озабочены, вечно что-то ищут, чего-то хотят. И вот когда я «отдыхал» в нашем институтском «предбаннике», подбегает ко мне девушка и тычет мне в грудь с вопросом: «Артист?» – «Артист», – вздрогнув от неожиданности, отвечаю я. «Какой курс?» – продолжает напирать она. «Первый», – как из пистолета выстреливаю я. «В кино хочешь сниматься?» Тут я мгновенно столбенею и мямлю что-то невразумительное. «Значит, будешь!» – решает она и испаряется. Убежденный в том, что это глупый розыгрыш, я тут же забыл весь этот бред. Но спустя неделю вдруг получаю телеграмму о том, что я утвержден на одну из главных ролей в фильме Одесской киностудии «Про Витю, про Машу и морскую пехоту». Вот таким был мой дебют в кинематографе…

После этого было много ролей – и хороших, и не слишком… А у кого их нет, плохих ролей? К примеру, фильм «Тайны мадам Вонг». Обидно теперь распинаться и объяснять, почему он не получился. На картину были затрачены огромные средства, столько хороших актеров снималось. Круизы по Черному морю, съемки в нашей стране и за рубежом. Драки, погони, приключения – какой богатейший материал для остросюжетной картины. И работали интересно. И чего только нам не обещали: дескать, будет то-то и то-то, и еще вот это, и вот то. А в результате – этого не будет, того не будет. Вот вы и смотрите, образно говоря, «этого и того – не будет»…

…У меня практически нет свободного времени. Но если говорить о хобби, об увлечениях, то… люблю играть в футбол, слушать музыку. Стараюсь не забывать о жене и дочери, семья дело серьезное и отдачи немалой требует. Уж чего-чего, а сложностей и проблем в семейной жизни по горло. Хорошо еще, Ирина (*Алферова*) сама актриса. И понимает, что к чему. Другая женщина вряд ли выдержала бы всю эту карусель… То репетиции, то спектакли, то съемки, то гастроли, да еще общественные дела, творческие встречи – всего полно… Знаете, мы с женой и видимся-то редко. То я на съемку, то она, то еще что-то. Мне

порой кажется, что наша двенадцатилетняя дочь начинает уже забывать, что у нее есть и папа, и мама, – домой забегаем, как в гости…

Проще говоря, без работы не сижу. Снимаюсь сразу в нескольких фильмах: в главной роли в картине «Сошедшие с небес» – это фильм о людях, прошедших войну, подаривших нам жизнь, еще в исторической ленте «Гардемарины, вперед!» и в фильме Станислава Говорухина «Десять негритят» по роману Агаты Кристи. С нетерпением жду начала съемок двухсерийной ленты «Убить дракона», ее будет снимать Марк Захаров. Наверняка будет интересно работать и в музыкальном фильме «Остров затонувших кораблей», ставит его по известному произведению Александра Беляева режиссер Евгений Гинзбург.

Список этот далеко не полный. Но и его, я думаю, вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что я в жесточайшем цейтноте. И это, поверьте, здорово…

…Мы же, все без исключения, больные люди, только боимся в этом признаться. Нас бы всех собрать скопом и поселить в этакую «зону», как у Тарковского, чтобы мы там жили и не портили жизнь другим поколениям. Картина Сергея Соловьева «Черная роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви» была для меня каким-то диким, непонятным маразмом, а сейчас я пришел к мысли, что это и есть реализм и это про нас. Полная аналогия нашей жизни, та же самая идиотская логика. Я все думаю, что надо было бы взять скрытую камеру и снимать меня с утра и до прихода домой. Это же будет черт-те что без всякого бантика сбоку. «Черная роза» – детский сад по сравнению с таким вот документальным кино… Мы же все уроды…

Надо честно признаться в том, что понятия «любовь» и «советское кино», по-моему, абсолютно несовместимы. На нашем экране не может быть любви. Вот перестроимся, тогда, может быть, появится любовь. Пока же нет почвы для произрастания отношений между мужчиной и женщиной. После восьмичасовой укладки асфальта женщине трудно перейти непосредственно к любовным играм, потому что надо ведь еще успеть в магазины, что тоже не решит всех ее проблем, но тем не менее, постояв пару часов в очереди, какой-то прожиточный корм она все же принесет домой. Потом надо вымыть грязных детей и постирать мужа, если есть мыло и вода… Я не совсем понимаю, что в такой ситуации можно назвать любовью, – то, что она, эта растерзанная женщина, после всего, что произошло с ней за день, будет чувствовать?

…Ну, а мужики в нашей державе – вообще несчастный народ. Когда-то на Руси было понятие – кормилец. Я помню своего деда,

вот это был хозяин, глава семьи, а мы всех и вся этим тотальным нищенством сравняли. Откуда браться мужскому достоинству? Из какого места оно может произрасти?

…Меня упрекают в том, что некоторые фильмы «про любовь», в которых я играл, абсолютно лишены этой самой любви. Например, так говорят о картине «Леди Макбет Мценского уезда»… Что тут скажешь… Во-первых, это не моя картина, а Романа Балаяна, которого я очень люблю. Во-вторых, один мой знакомый на первом просмотре облил этот вымысел вот такими слезами. В-третьих, я больше верю своей маме, чем критикам. А в-четвертых, Балаян имеет право видеть так, как видит. Он выступает адвокатом любящей женщины. Это любовь. Если бы любви не было, Катерина просто ушла бы, а не убивала. Когда женщина любит, она способна на все…

Я вообще не понимаю, как играть любовь… Например, в картине «Обыкновенное чудо», а она о любви, в этом, я думаю, никто не сомневается… Ничего я там не играл, я просто жил в чудесном мире. Это действительно было чудо – вся атмосфера, в которой мы работали. Режиссер просто организовал нам счастливое существование в каком-то море любви среди изумительных актеров и других прекрасных людей.

Артиста на площадке – неважно, театральные это подмостки или киносъемка – ведет режиссер. Так должно быть. Когда я чувствую и понимаю, что режиссер способен вести, с удовольствием подчиняюсь, а в остальных случаях пытаюсь выплыть сам. Мы, актеры, вообще как дети, мы как женщины.

Нам надо только сказать: «Ты единственный, на тебя вся надежда, кроме тебя никого нет», – и мы готовы, даже если знаем, что на роль пробуется еще двадцать пять человек. Неважно, мы все равно расцветаем, становимся талантливее и способны горы своротить. Так мы устроены…

…А что касаемо любви… не знаю, не вывел я этой самой «формулы любви». Не могу сказать, что не искал… Искал, но пока не нашел. Очевидно, у каждой пары она своя. Хорошо, если одна на двоих. Плохо, когда один партнер пытается навязать свою формулу другому…

Когда по приглашению Пьера Кардена театр Ленинского комсомола ездил на гастроли в Нью-Йорк, говорю совершенно искренне, мне там не слишком понравилось… Но когда после поездки в Нью-Йорк я вернулся домой, то вообще три дня не выходил на улицу, мне было просто страшно выходить – все серое, грязное. Как можно было до такой степени загадить нашу красавицу Москву? Любой выпавший зимой снег – трагедия,

причем совершенно неожиданная, как в Сахаре… А на пришедшей в немыслимый упадок после ухода американцев Кубе – своя отговорка, дескать, какая-то новая мошкара все ест, даже штукатурку на фасадах… Я глубоко убежден, что порядка у нас не будет до тех пор, пока мы не воспитаем в себе чувство хозяина, пока каждый человек не научится понимать, что вот это, то, что вокруг, оно не общее – оно мое…

Да, американцы умеют работать и умеют оплачивать работу по достоинству. У них нет нашего желания проволынить, обмануть, спихнуть работу на дядю. Был такой случай: кто-то из нашей постановочной части, допустим монтировщик, передвинул лестницу на пару метров, а между тем передвигать ее должен был американский «специалист»; так их профсоюз содрал с нас пятьдесят четыре доллара штрафа. Порядок, конечно, но страшноватый. Все-таки это несколько обескураживает – могут загрызть за то, что передвинешь стул…

Успокаиваюсь тем, что у нас все равно никогда не будет так, как у них. Да и не надо. Нам надо восстанавливать то, что у нас уже было, то, что мы разрушили. Надо вернуть свою культуру, историю, вернуть изгнанных людей. Как глупо мы раскидали по свету наше искусство, наши таланты. Все покалечили. Раньше об актерах ходили легенды, а теперь – сплетни…

Думаю, что сейчас происходит уже не просто борьба добра и зла, а нечто иное – что-то, пока не выявленное, испытывает нас, проверяет, насколько мы тверды в своей человечности. В воздухе повисло нечто, сулящее новый качественный анализ, который будет происходить на новом, пока не известном нам уровне… А внутри людей ничего не происходит, ничего не меняется, кровь не бурлит. Поставь датчик – стрелочка не дрогнет, ноль по всем параметрам… Так и живем… И все же мне кажется, что надежды на другую, лучшую жизнь, конечно, связаны с понятием «любовь»: любовь к ближнему, к матери, к женщине, к ребенку. Жаль только, что, защищая любовь, никого нельзя вызвать на дуэль, в лучшем случае – на партком или местком. Так что с любовью пока непросто…

ИЗ ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «ИСКУССТВО КИНО»

…Нам нравится в нем порода – тавро настоящего мужчины. Но, нацеленные на духовные искания, мы чувствуем, что в этой породе есть и то, что нам не по нраву. Может быть, порочность?.. Нашей тяге к

подлинной серьезности сопутствует и другая. Она связана с тоской по блеску импровизации, искренней беспечности. По тому актерскому типу, когда сама натура как бы ощущает свой переизбыток… Саша Абдулов и есть «шут гороховый», то есть артист по преимуществу, представитель, как в старину понимали, срамной профессии… А самим собой он остается потому, что снижает собственный образ «звезды». И образ чистого юноши, и завзятого ловеласа, и ничем не гнушающейся «шестерки», и искусителя с пустыми глазами… Так или иначе? – актер словно издевается, впрочем, вполне невинно, над теми, кто всерьез верит его имиджу мужчины, у которого «все в порядке». Он расширяет границы амплуа плейбоя, ковбоя и героя-любовника…

…Я не считаю себя ни интеллектуалом, ни интеллигентом. Но у нас очень любят ущербных людей. Правда, в несколько ином смысле. Если бы я был уродливее, я был бы ближе. Был бы несчастнее – стал бы совсем близким. Это наша психология. На бесцветном, в лучшем случае сером, фоне выделяться – дурной тон. У нас даже в кино красивые женщины не нужны… Разве что Любовь Орлова… А дальше? Дальше пошли серые мыши. Красивых баб уродовали несуразной одеждой, платочками и еще черт-те чем… Порода вымерла. Недавно снимался с партнершей-итальянкой… Ей и играть-то ничего не надо… (Помню, я ехал в поезде со старой актрисой Татьяной Окуневской, между прочим, прошедшей лагерь. Это ей не помешало остаться женщиной…) Так вот, эта итальянка ни слова не знает ни по-русски, ни по-английски, я знаю пятнадцать английских слов, но мы прекрасно понимаем на площадке друг друга. Потому что для этого знать язык не обязательно.

Актриса должна быть красивой. Мы же играем красоту. Я должен называть ее принцессой…

Я придерживаюсь правила: партнер никогда не виноват. Если чего-то на площадке не произошло, значит, это во мне чего-то не случилось…

1992 год

Известно: актеры – это дети, только у них писька больше. Если меня тянет к партнерше и она мне доверяет, я горы сверну. На меня безумно действуют запахи. Если меня что-то зацепит, все

остальное я нафантазирую, смогу простить тысячи недостатков. Понимаете… Но если партнерша – красавица, но в ней есть что-то, меня покоробившее, все, проехали – я буду играть с ней, как со стулом. Ведь сколько прекрасных манекенщиц, а меня они не трогают. Моя история другая; помните фильм Дино Ризи, с Витторио Гассманом в главной роли – «Запах женщины»?.. Когда в толпе слепого мужчину ведет, манит присутствие женщины…

Я однолюб, я абсолютно домашний человек, но мне необходимы новые краски, новые чувства, новые нюансы. Все это безумно трудно объяснить. Иногда я вдруг начинаю страшно хотеть партнершу, меня начинает просто колотить. А иногда все замечательно, работаем нормально, но волшебный ток отключен. Как-то на съемке режиссер нервничал, что у актрисы тусклые глаза. Я ему говорю: «Подари ей цветы, ты,“совок’,’посмотри, что будет». Он побежал, принес. Глаза у нее загорелись, цвет лица даже изменился. Как мало для этого надо. Мы все забыли, как вести себя с женщиной. Я хотел бы сыграть с Роми Шнайдер и Мерил Стрип… Мерил Стрип, она загадочна, я ее не понимаю и хотел бы попробовать разгадать. Наши красавицы актрисы могут быть эффектными, но почти никогда не бывают таинственны, а это совершенно другой тип притяжения. Ну, а Роми Шнайдер – это просто женщина. Я помню, кто-то из наших режиссеров привез с Каннского фестиваля фотографию: он сидит, обнявшись с Роми, у нее бретелька платья упала и обнажилось плечо. Я представил себя рядом с ней – меня повело.

Я не хочу обижать никого из наших актрис. Но даже если они, что называется, сексапильны, они все равно не эротичны. Тут сказываются и гены, и воспитание. Еще лет десять назад я сказал: есть женщины, а есть неизвестно что – женский пол. Этому полу все равно, как его воспринимают, он мертвый. И хотя люди женского пола могут обладать прекрасной фигурой, осанкой, манерами, все это уже становится неважным. Да простят меня советские артистки, но когда у кого-нибудь из них вот такая попа, а она переживает, что ее не снимают, и говорит, что у нее такая конституция, я не могу этого понять. Даже если она очень талантлива. Это и есть непростительное, «совковое» отношение к своей внешности. Но есть и другие. Они едят ту же еду, дышат тем же воздухом, ходят в те же магазины… Можно как угодно относиться к Ире Алферовой – актрисе, но выглядит она превосходно. Или Таня Друбич… она работает, из-за руля не вылезает, с ребенком возится и всегда прелестна. В «Гении» я снимался с Ириной Белогуровой, ухоженной, женственной, подтянутой.

Вообще все это относится и ко мне. Каждое утро я даю себе

слово ходить в бассейн, заниматься спортом, но не делаю ничего из этого. Я не могу сказать, что нахожусь в своей лучшей физической форме. Хотя категорически не хочу быть этаким Сталлоне с накачанными мускулами. Понимаете, мне обидно, что мои данные так мало использованы. Я ведь занимался фехтованием, плаванием, могу бегать, прыгать, вожу почти все виды транспорта – это не каждый умеет делать. А у нас почему-то стесняются все это показать на экране. Недавно я смотрел нашу старую комедию «Волга-Волга» и буквально визжал от восторга. Куда все это делось? Почему мы разучились так снимать?..

Я хочу снять детектив. Не пиф-паф-ой-ой-ой. А как «Аферу». И чтобы все было красиво, чтобы все были бы красивыми и чтобы даже убивали красиво… Я придумал такой кадр: огромная толпа на Тверской, а в середине мы снимаем скрытой камерой невероятно красивых, классно одетых мужчину и женщину. Они бы шли, а их было бы видно издалека…

…Я сейчас репетирую с Мариной Нееловой, у Камы Гинкаса… Она красива, она изумительная актриса…

Как-то после спектакля Камы Гинкаса «Тамада» я подошел к нему и попросил разрешения репетировать во втором составе. Сам от себя не ожидал такой прыти…

…Я отказался играть Коровьева в фильме Юрия Кары, притом что это абсолютно моя роль. Ну, буду ждать… Климова, например. Потом он найдет контракт и снимет… но не меня, а американского артиста. А я со своей репутацией «звезды» окажусь в говне и не сыграю…

У меня так мало режиссеров, с которыми я хочу работать и которые действительно знают, что можно из меня вытянуть… Я сам пытаюсь выдергивать себя из определенного амплуа… Если бы я играл одних героев-любовников… Если бы я сам к себе так относился… Самое смешное, что помимо профессии я не зарабатываю ни копейки… А воровать негде. И у меня нет богатых мамы с папой. Я существую как существую. Хотя что-то меняется. Иногда думаю: вот у меня миллионы, я покупаю дом с бассейном, тренажерами, на время успокаиваюсь, занимаюсь одним делом, не разбрасываюсь… У меня нет денег. Я только что получил квартиру. А вы знаете, сколько стоит кресло? Пять моих съемочных дней…

Мне непонятна брезгливость наших молодых артистов. Они ни за что не унизят себя участием в массовке. Когда я учился на первом курсе, я ночевал на «Мосфильме», потому что страшно хотел сниматься. Я понимал: вот один эпизод, другой, третий – и

когда-нибудь… Я верил в то, что это произойдет, на остальное мне было наплевать. Да, я шестнадцатый раненый в четвертом окопе, меня не видно, но зато как драматично я тяну голову… Никто не вспоминает о том, что я делал первые шесть лет в Москве. А я днем снимался в одной картине, ночью – в другой. В тех же окопах, разумеется… Но мне не стыдно.

Я никогда не стеснялся зарабатывать. Хотя есть фильмы с моим участием, которые я никогда смотреть не буду. Если относиться к себе слишком серьезно, то это может стать ловушкой… Наверное, да, есть в этом нечто позорное. Но мой позор должен быть хорошо оплачен. И я не хочу, чтобы о моих чувствах кто-то знал. Это мой стыд – я его ни с кем не разделяю…

С голоду я не умираю, поэтому к Алексею Герману, например, если пригласит, буду ездить на свои деньги и возьму отпуск в театре. Я же не идиот, я понимаю, где мне приходится сниматься, и я – хочу или не хочу – сам режиссирую на площадке и даже хочу снять фильм. Но не потому, что считаю себя режиссером. Просто надоело. Да, картина может быть дерьмо, но ведь я работаю, я стараюсь – это не то что на секундочку зашел. Другой вопрос – что получается. В кино актер, к сожалению, ни за что не отвечает. Хотя нет, в случае провала зритель обвиняет не режиссера, а актера. А в театре – совсем другое дело. В театре спрашивай с меня. Меня там никто не монтирует, и я отвечаю за каждую минуту пребывания на сцене, даже под пыткой…

Актер всегда должен быть в тонусе, актер должен играть. Играть во что бы то ни стало, иногда даже через силу, в каком-нибудь дерьмовом кино… Попробуй год прожить без тренажа – это конец, это потеря профессии… Вот я люблю эти черные джинсы, я из них не вылезаю, мне в них удобно, я знаю каждое пятнышко. А у меня есть брюки, которые я надеваю раз в год. Так и с ролями. Наши более или менее хорошие режиссеры ищут западных контрактов, а это значит, что у них будут сниматься западные актеры, нам же достанутся в лучшем случае вторые, третьи роли. Но я играл с Франко Неро, играл на равных… Я не верю, что наши актеры хуже тех, западных. Просто мы совсем в другой ситуации. Все мы… И в этой нашей ситуации ни для кого исключений нет. А наиболее одаренные, те, которых «все хотят», беззащитны так же, как и начинающие артисты. Всеобщее недовольство рождает в конце концов всеобщее удовлетворение. Оно же – равнодушие или высокомерие. В результате мы все оказались квиты, пропустив момент, когда вместо наших лучших артистов на сцену вышли Игроки. Апофеоз банкротства – «звездный» спектакль того же названия во МХАТе. Трагикомизм

этой постановки состоит – помимо прочего – в неожиданной подмене профессионального существования. Признанные мастера театра подают свои реплики, как эстрадные репризы, окончательно, кажется, освободившись от чувства партнерства и «отдыхая» в паузах, пока работают другие, а эстрадный маэстро Хазанов, смирив естественное для себя премьерство, пытается овладеть навыками ансамбля…

Вы никогда не замечали того, как интересно наблюдать за животными? Хотя бы даже в телепередаче… Вот лев лежит и не двигается. Вокруг копошится его потенциальная добыча. Но он спокоен.

Он сейчас не голоден и потому никого не трогает. Это первый план. И сыграть его чудовищно сложно. А смотреть на то, как артист глубокомысленно выдавливает из себя подтекст… не знаю, – эти хитрости нам известны. Ведь сколько лет мы были вынуждены через шестнадцатый план донести со сцены нечто, произнося какую-нибудь самую обыденную фразу, чтобы до зрителя дошло, что именно я имею в виду. Нельзя было просто спеть: «Вихри враждебные веют над нами». Хотел я того или не хотел, но я должен был обкакать эти «вихри». Так, чтобы, с одной стороны, все было «тонко», а с другой стороны – всем понятно. Теперь этого от нас уже не требуется, но азы актерской профессии профанированы, утрачены, рассеялись в тумане давным-давно…

Сергей Соловьев пригласил меня сниматься в картине «Дом под звездным небом» на эпизод, где я играю в чудовищном гриме алкаша. Тот со своим напарником на аэродроме ворует баки от самолетов и продает дачникам для душа. Ма-аленькая такая сценка: приношу этот бак, а Ульянов его покупает. «Так это же, – говорит, – от бомбардировщика!» – «Ну и что, что от бомбардировщика?!» Вот такусенький эпизодик. И все…

Я пришел, сняли. А через неделю – звонок. Сергей Александрович говорит: «Понимаешь, Саша, так получилось – мы посмотрели материал, забавно! А у меня по сценарию персонаж, которого играет Ульянов, умирает. Вы вроде так хорошо с ним разговаривали – тебе необходимо быть на похоронах. Давай мы продлим твою роль». Продлили. Как только на похоронах начинали играть гимн Советского Союза, я принимался орать: «Я этого не вынесу!» Сняли и это.

Через неделю опять звонок: «Понимаешь, ты ведь был на похоронах и так там убивался по поводу кончины, что на поминках-то тебе обязательно надо появиться». Сняли эпизод на поминках.

Все хорошо, но через неделю опять звонок: «Ты знаешь, у

меня по сценарию вся семья уезжает в Америку. А ты так здорово на поминках прощался, что проводить-то уж должен». Сняли проводы.

Через неделю еще звонок: «Саш, ну, тут вообще такая ситуация, я в конце всех убиваю, давай и тебя убьем?» Я говорю: «Давай». И сняли, что меня убивает шальная пуля, когда я несу пропеллер от самолета. Я только и успел при этом сказать: «А вентилятор-то как же?» И умер.

И вот после этого – вновь звонок. Говорю: «Сережа, все! Ты меня убил!» А он говорит в ответ: «Вот в этом-то и дело. Будем снимать похороны…»

В «Двенадцати стульях» я играл маленькую роль мужа Эллочки Людоедки – инженера Щукина, который голым стоит на лестничной клетке. Играл я там без дублера. Подумайте, каково это: только все в жизни начинает складываться нормально, можно сказать, жизнь наладилась, и вдруг – бац – по первой программе телевидения меня показывают голым на весь Советский Союз, наутро повторяют еще… Тоже, секс-звезда, понимаете ли…

А что сделаешь? По сценарию-то голый, значит голый совсем, в фуфайке уже не выйдешь.

А снимали мы это в нормальном доме на нормальной лестничной клетке. То есть приехали, позвонили в дверь, открыла нормальная женщина. Говорим: «Извините, вот артист Абдулов, можно мы у вас его намылим?» И вот я мылюсь себе спокойно, ничего не подозреваю. А в это время по дому слух пошел, что голого Абдулова выводить будут. Народу много набежало, причем одни женщины. А я-то этого не знаю…

Входит ко мне администратор и говорит: «Саша, давай, все готово, выходи. Там Марк Захаров, Нахабцев – оператор, Миронов…» Я так спокойненько открываю дверь… И… Немая сцена… Говорю: «Я не пойду! Что хотите делайте, но я не выйду». Народу говорят: «Товарищи! Разойдитесь, актер стесняется, молодой еще. Потом в кино посмотрите». Народ ни в какую… Тогда Захаров говорит: «Саш, ну выходи, работа такая». Набрался я смелости, открыл дверь и рванул, как на амбразуру… И тогда вся толпа сделала так: «У-у-у-у…» И разошлась.

…Знаете, когда встречаешься с журналистами, которые пишут о тебе глупости и мерзость, возникает желание просто убить, прости господи… Таких людей нужно наказывать. Я никого не ущемляю, ради бога, пишите что угодно. Но не такое же… Если в мозгах, кроме мерзости, ничего нет и писать нормальные рецензии не хватает ума, лучше уйдите, уйдите из профессии…

Вы же понимаете, что есть плохие и хорошие журналисты, так же, как плохие и хорошие врачи, плохие и хорошие артисты… Идиоты, которые, безусловно, есть в журналистской среде, накладывают отпечаток на всю журналистику. Они, идиоты, есть в каждой профессии, но вы – публичные люди и должны осознавать, что наносите неизлечимые раны. Если бы в России действовали нормальные законы, газету после какой-нибудь очередной «утки» должны были бы закрыть. В Америке, например, и закрыли бы, разорив хозяев. Представляете, что написали о Пуговкине: дескать, он бродил пьяный по площадке, распугивая всех присутствующих… Как можно писать о нем такое? Это большой русский артист. В семьдесят шесть лет человек работает в полную силу, как ни один молодой не сможет, и после этого – писать о нем такое… Я молю Бога, чтобы он не читал дебильных статей, потому что если прочтет, то, как человек эмоциональный, впечатлительный и ранимый, может получить еще один рубец на сердце.

Однажды со мной была история из той же серии с телепрограммой «Времечко». Они взяли и дали в эфир новость: Абдулов попал в автокатастрофу, сломал обе ноги, истекает кровью, «скорая» увезла его в больницу… Я тогда думал об одном: не дай бог, чтобы моя мама в тот момент смотрела телевизор. Страшно подумать, чем бы это для нее могло кончиться… На самом же деле машина слегка ударила меня по ногам, но никаких переломов не было.

Как-то раз директору «Ленфильма» Виктору Сергееву пришла телеграмма следующего содержания: Абдулов прячет сценарий, «замалчивает» имена создателей мультфильма «Бременские музыканты» (*речь идет о съемках фильма «Бременские музыканты и Со»*) в интервью журналистам, «наносит моральный ущерб авторам оригинального произведения». Подпись: «Гладков, Ливанов, Энтин». Для контакта прислан домашний адрес Ливанова… Но ведь это же неправда, я в каждом интервью вспоминаю добрым словом Гладкова, Энтина и Ливанова. Я всегда очень тепло говорю о них и считаю музыку Гладкова гениальной. А дело в том, что, скорее всего, им в руки попала публикация, автор которой просто опустил мои слова про них. Я никогда и никого не хотел обидеть… Мир таков. Есть добрые люди, а есть те, кого наша работа над фильмом раздражает: «Как так! Они работают, а я нет!» Обыкновенная человеческая зависть… Я давно готов к этому. Я вообще думал, что вся эта чехарда начнется гораздо раньше. К моему счастью, началось только сейчас, и я успел многое сделать. Сейчас меня не выбить из колеи…

Надо работать, делать кино. Экран рассудит, кто прав, кто виноват. Придет зритель – я был прав. Не придет – я виноват…

Я устал от чернухи на экране. От ущербности. У меня есть задача: чтобы в картине не было ни одного уродского лица. Я не снимаю криминала, насилия, не истязаю животных. Не использую «любых средств» для достижения цели. Я делаю нормальную детскую сказку. Никому не желаю зла…

Вообще вокруг картины уже сейчас ходит невероятное количество слухов, например о том, что я утвердил на роль принцессы фотомодель Полину Ташеву только потому, что она супруга нашего сопродюсера Бориса Зосимова. Я знаю Борю лет двадцать, но когда приглашал Полину, даже не подозревал о том, что она его жена. Я спросил у него: «Кого снимаем? Дочку?» Он говорит: «Жену!» А потом выяснилось совсем печальное для меня – как для режиссера – обстоятельство: в тот момент Полина была беременна… Об этом знали три человека: Полина, Боря и я…

Еще очень много говорят про неких тайных спонсоров фильма, про Бориса Зосимова, Александра Коржакова… Но позвольте, никакой тайны мы из этого не делаем… У меня вообще такое ощущение, что эта картина снимается всеми теми, кто любит «Бременских музыкантов». Многие помогают абсолютно бескорыстно. Люди сами приходят, открыто предлагают деньги. И какие люди… Съемки в Баку происходили под личным патронажем сына Гейдара Алиева – Эльхама. Коржаков дал для съемок свой личный катер – четырехместный тримаран «Стрингер» с мотором «Джонсон» в семьдесят лошадиных сил, мало того, он позволил нам его разрисовать под огнедышащего китайского дракона… В Египте, Азербайджане, в Питере – везде нам давали зеленый свет. Получается настоящее народное кино. Не случайно картина уже получила статус национального фильма. Получается этакий «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера»: «Клуб фанатов “Бременских музыкантов”».

В разные периоды жизни меня преследует этот сюжет. Точно, «Бременские музыканты» возникали в разные периоды моей жизни. Может быть, потому, что это, по сути, история об актерах. И она, эта история, мне безумно нравится. Я помню, в юности мы просто с ума сходили от всего этого… Самодельные гитары, танцплощадки, и в том, что касалось гитар, я считался одним из первых знатоков, потому что мой отец был главным режиссером театра, и я договорился там со звуковиками, и они дали мне усилитель «Ум». Представляете, в то время у меня был свой усилок… Сейчас уже не понять, что это значило тогда – гитарист, да еще со своим усилителем… Я разбирал телефонные трубки,

делал звукосниматели, вытачивал гриф. Пел Битлов и из-за них начал усиленно изучать английский язык в школе, хотелось понимать, о чем они так зажигательно поют.

Потом выяснилось, что абсолютно не про то, о чем я думал. Однажды в наш город приехала девочка, дочь военного, и сказала, что видела «Битлз» в Германии. Она сразу стала первой леди города. На нее смотрели, как на богиню. Она видела «Битлз»… Это было невероятно. Причем она-то как раз была от них не в восторге: «Ну, видела, ну и что с того… Ничего особенного». А мы ей говорили: «Дура…» Даже в то время не все же балдели от Битлов. У нее просто было свое мнение на этот счет, что, кстати говоря, совсем не плохо…

А для меня «Битлз» и до сих пор остаются моими кумирами. Я даже в картине сделал абсолютно откровенный ход, можно сказать, отважился на прямое цитирование: в конце фильма бременские музыканты выходят в костюмах, как у Битлов на обложке «Сержанта Пеппера», а потом они улетают на воздушном шаре с надписью: «Yellow Submarine». Это мое «спасибо», это мой поклон тому времени… Вообще, лейтмотив этой истории, а именно строка из песни: «Ничего на свете лучше нету, чем бродить друзьям по белу свету» – она навсегда останется в двадцатом веке… Она уже и сейчас не всем понятна. Спросите об этом молодых, и они вам ответят: зачем бродить, когда можно взять у папы двести долларов, купить билет на самолет и полететь куда захочешь. А что значит – бродить? Что за глупость такая? Сам глагол «бродить», он как бы истончается, уходит из обиходного языка…

А уж мы-то побродили… Всю страну объездили… И автостопом тоже. Всякое бывало. Это то, что меня грело и греет до сих пор. Я помню, как студентом впервые попал в Питер. Мы накопили денег на билеты, приехали и, восторженные, пошли в БДТ на «Гамлета». Показали там свои студенческие билеты, сказали, что нас в Москве пускают по ним во все театры. И администратор БДТ произнес замечательную фразу: «А меня не интересует, что у вас там на периферии творится…» А после спектакля у нас совсем не осталось денег… Мы пришли на вокзал, видим: девушки стоят. Подошли, вежливо попросили сколько-то рублей на билеты. И девушки дали… Хотя, кажется, мысленно попрощались со своими деньгами. А мы потом встретились с ними в Москве, отдали долг и подарили большую шоколадку «Бабаевская»… К сожалению, а может, к счастью, в моей жизни мало что изменилось. Я редко бываю дома. Мои близкие – мама, брат, любимая женщина – почти меня не видят. Дошло до того, что мой бордоский дог Чак однажды от меня

шарахнулся. Но в этом – суть актерской профессии. Постоянные перемены. На съемках «Бременских…» в египетской пустыне я оказался в древнем каньоне. И там понял, что такое вечность… На меня вообще сильно действуют огонь, вода, горы. Это такой адреналин – не передать…

Я очень люблю свой дом… Я построил его для себя и своей мамы. Причем построил дико смешно. Совершенно не знакомый мне человек, владелец лесопильного комбината, во время ни к чему не обязывающего застолья вдруг сказал: «Что ты такой грустный? Я помогу тебе с домом». Я был убежден, что это пьяный разговор и на нем все закончится. А через неделю – звонок: «Пришли фуры с брусом, досками и вагонкой. Куда разгружать?» Вообще в моей жизни друзья играют огромную роль…

Иногда люблю укрыться на даче и никуда не выходить… Обожаю, когда приходят друзья. Я построил во дворе кухню – очаг, казан, мангал… И самый счастливый момент – когда друзья там готовят. Один – рыбу, другой – шашлык, третий – хашламу. А потом все собираются в беседке…

Я точно не тот Иван, который не помнит своего родства… И раньше было хорошее, и сейчас оно есть…

Меня часто спрашивают о том, что, дескать, в ваших «Бременских музыкантах», Александр Гаврилович, незримо присутствует Марк Захаров… Но ведь иначе и быть не могло. Захаров – мой учитель. Он сделал меня артистом. Я снялся во всех его фильмах, двадцать пять лет работаю в его театре. У меня теперь под кожей сидит Захаров. Это мой порох, моя энергия. Захаров – гейзер фантазии. С ним рядом иногда даже трудно находиться, от него энергия идет на четыре километра вперед… И это совсем неплохо, если я вдруг что-то украду у Марка Анатольевича. У него есть что красть. И потом, я краду не у чужих. Театр – наш общий дом…

Считаю огромной своей удачей то, что пригласил на роль короля Михаила Пуговкина. Пуговкин – это сила. Я вообще считаю преступлением то, что его почти восемь лет никто не снимал. Это просто… это убийство… На Западе такого классного артиста снимали бы каждый день. А у нас память короткая… Зато теперь, когда он появился в «Бременских…», режиссеры едва не завалили его предложениями. Знаете о том, что Пуговкин тридцать лет не летал на самолете? Просто боялся. А со мной полетел, сказал: «Тебе верю»…

Когда я предложил Александру Коржакову роль начальника службы безопасности Короля, меня многие отговаривали. А

сейчас я не то что не жалею – я рад, что не послушался советов. Коржаков оказался классным артистом. Его роль по сравнению с тем, что было в сценарии, выросла раз в десять. Он настолько конкретен и знает, что делает, что иного артиста научить этому было бы безумно сложно. Он всегда собран. На площадку приходит первым и уже загримированным. Все актеры потеют на съемках и иногда начинают ворчать на режиссера: «Ну, давай, снимай скорей…» А от него я слова худого не слышал. И это притом, что он одет теплее всех – всегда в плаще и шляпе. С него пот течет в три ручья, а он аккуратно отойдет в сторонку, промокнет лоб и щеки платком и опять стоит и ждет своего выхода. Хотя вполне мог бы сказать: «Надоело…» Однажды они с Пуговкиным простояли, прождали с часу дня до девяти вечера, и я их так и не снял. Молодые артисты подчас позволяют себе хамские выходки. А здесь – школа, культура, воспитание…

Наши «Бременские музыканты», они пронизаны ностальгией по прошедшему. И это естественно… Да, я по многому скучаю, я уже многого не могу… Глупо сейчас было бы пойти на танцплощадку. И я этого уже никогда не сделаю. А когда-то и драки были, и все такое… Я уже другой. Перестал быть Трубадуром, но еще не стал Королем. Однако надо помнить, всегда помнить то, что было. Мы слишком быстро все забываем. Мне один мудрый человек сказал: «Сказка прочитывается человеком трижды: в детстве, в зрелости и в старости». Мой фильм – сказка, которую я прочитал в сорок шесть лет. Говорят, что любимые книги можно перечитывать и раз в пять лет – все равно каждый раз получается так, будто читаешь заново… Когда мне скучно, я могу открыть «Мастера и Маргариту» на любой странице. С какой страницы начинать чтение – мне все равно… Ельцин хорошо сказал: «Встал в два часа ночи, на трезвую голову, взял томик Пушкина…»

Кто-то мне рассказал на этот счет замечательную историю. Это безотносительно личности президента… В одном творческом союзе был секретарь – клинический идиот. Воспитание – на уровне «Курочки Рябы». Читал буквально по слогам. И все это знали. Открывая какой-то съезд, он изрек: «Вы знаете, я тут с утра проснулся, взял с полки томик Плутарха…» Зал рухнул… Такой вот Кафка Корчагин…

Можно считать, что картина «Бременские музыканты» – это мой режиссерский дебют в кино. Наверное, так… Хотя несколько лет назад я снял документальную ленту «Храм должен остаться храмом». Это был фильм-концерт, снятый по мотивам того представления, что мы устроили на «Задворках» Ленкома. Сбор

пошел в пользу восстановления храма Рождества Пресвятой Богородицы в Путинках.

Мой дебют как театрального режиссера, думаю, впереди. Хотя уже лет пять существует моя антреприза, под маркой которой был выпущен пока только один спектакль. Поставил его Петр Штейн по пьесе Гладкова, Энтина и Ливанова «Бременские музыканты». С этим спектаклем мы ездили по всему бывшему СССР, участвовали в предвыборной кампании Ельцина, в культурных акциях «Президент Белоруссии – детям Белоруссии», «Жена президента Украины – детям Украины», «Дети Москвы – детям Закавказья». Последняя акция проходила в Армении и Азербайджане. Кажется, впервые за истекшие десять лет самолет из Еревана перелетел в Баку – и его не сбили.

Думаю, мы можем претендовать на место в Книге рекордов Гиннесса: за год сыграно двести двадцать шесть спектаклей. В спектакле заняты замечательные ребята – все из разных театров, разных коллективов. Удивительно двигаются, очень пластичны… Хотя для кино я собрал другую команду, имена такие – называть страшно… Король – Михаил Пуговкин, Армен Джигарханян – сыщик, не исключено, что атаманшей будет Инна Чурикова, Олег Янковский – старый трубадур, Филипп Янковский – молодой трубадур, Вячеслав Невинный и Нина Усатова – старые ослы, Сергей Степанченко – осел молодой, Александр Лазарев и Светлана Немоляева – будут играть пожилых собак, Лазарев-младший – молодого пса, Леонид Ярмольник – петуха в молодости, Сергачев – старого петуха, Александр Збруев – кота-отца, Михаил Глузский – кота-дедушку, а Дима Марьянов – молодого кота. Я тоже буду сниматься – сыграю шута, ведь кто-то же должен быть шутом…

Петь будут не менее известные голоса: Лариса Долина, группа «На-На», Филипп Киркоров, Кристина Орбакайте, Юрий Шевчук… Я не набрался наглости петь сам, а вот Армен Борисович Джигарханян собирается. Думаю, получится замечательно. На роль принцессы я нашел удивительной красоты девочку, в созвездии прославленных имен будет никому неведомая Полина Ташева…

Сергей Александрович Соловьев, имея в виду мою антрепризу, называл меня Карабасом-Барабасом. Однажды я пришел к нему и от имени Карабаса-Барабаса предложил написать сценарий «Бременских музыкантов». Поначалу он отнесся к затее скептически, потом стал заводиться, потом по-настоящему увлекся и написал замечательный сценарий, хотя и очень далекий от первоначального текста пьесы. Соловьев шел от музыки Гладкова, стихов Энтина и нашел им новое применение…

Хочется снять кино, которое зрители будут смотреть не день, не два и не три…

И очень хочется сказать огромное спасибо тем, кто в недавние, но очень трудные времена призывал нас просто шагать по дорогом, просто доносил до людей дух братства, дружбы, свободы… Сейчас совсем другие времена…

Мы жили в коммуналках и не понимали, зачем запирать дверь на замок. Сейчас первое, что мы делаем, приезжая в новый дом, – ставим стальные двери и железные решетки… Сейчас для зрителя понятнее: «Ничего на свете лучше нету, чем, друзья, кататься в “Мерседесе”». Наш фильм – не про это. Мы делаем сказку. Для какого возраста? Не знаю. Для какого возраста «Обыкновенное чудо»?.. Сюжет «Бременских музыкантов» знают все, но и сюжет «Гамлета» тоже все знают, а все равно смотрят по десятому разу. Интересно ведь не «что» смотреть, а «как» это сделано… Вот и мне интересно «как»… Как я подам эту хрестоматийную историю. Я нашел, по-моему, соответствующее ее масштабу и смыслу пространство – степь. Гумилев говорит: ландшафт формирует сознание. В Москве не скажешь: «Ничего на свете лучше нету, чем бродить, друзья, по белу свету»… Ну, даже если и сказал, а дальше куда? На Тверскую? А в степи дорога – все, а цель – ничто… У нашей сказки нет границ… Если отвечать на вопрос: «Где это происходит?» – ответ один: «Где-то на нашей планете…» Какого времени костюмы – не знаю. О чем наша история – обо всем добром, что в человеке есть, о том хорошем, что еще осталось в нем. Хочется сделать такую картину, чтобы потомки, которые когда-нибудь будут ее смотреть, поняли бы, что мы были добрыми людьми…

Про деньги на фильм даже боюсь говорить… Нашлась группа безумных, преданных кино людей… Без друзей, которые финансируют картину, не было бы ничего. Бесконечно им благодарен… У меня работает замечательный художник Сергей Иванов, замечательный художник по костюмам Валентина Конникова, молодой талантливый оператор Артур Гимпель. Сергей Рудницкий сделал фантастические аранжировки и дописал недостающую музыку к фильму, не отступая при этом от музыкальной стилистики Гладкова. Он как будто вывел его музыку в иное время, в другое измерение. Очень мощная собралась компания… Столько людей хотят мне помочь… Мой товарищ, волей судьбы по несчастью оказавшийся директором «Ленфильма», Виктор Анатольевич Сергеев, предложил нам павильоны своей студии. А всю натуру мы будем снимать в степях Калмыкии – никогда и нигде не видел такой красивой степи…

Я банально старомоден. Не меняю друзей. Не дружу с кем-то

только потому, что с ним выгодно дружить. Мне почему-то стыдно даже от подобных мыслей. Кажется, что такой дружбой я оскорблю этого человека. А что до детского мюзикла, то думаю, эту нишу пока еще никто не занимал… Не говорю про сделанное Роланом Антоновичем Быковым. Дай бог нам хоть чуть-чуть приблизиться к нему…

Конечно, фильм требует огромных затрат. Одной аппаратуры куплено на триста тысяч долларов. Нужно сшить восемьдесят костюмов. Такого в нашем детском кино давным-давно не бывало. И все же верю, что фильм себя окупит – и очень серьезно окупит. У нас огромная русскоязычная аудитория. Все бывшие союзные республики. Смешно слышать предложения типа: «А давайте фильм продадим в Данию». Дания вся размером с Химки-Ховрино. Нам хватит своего зрителя…

Глупо делать проект заведомо убыточный. Это все равно что делать малобюджетное кино. Для меня это – мало кому нужное кино. Зачем оно? Хочешь попробовать свои силы? Бери тогда вэхаэсную камеру и пробуй себе на здоровье. Деньги-то зачем выбрасывать? Фильм, снятый за двести – триста тысяч, никогда себя не оправдает. Мало положил, еще меньше возьмешь.

Меня очень обескураживает название телерубрики «Кино не для всех». Все время думаешь: для тебя это или не для тебя? Дебил ты или не дебил? У нас в театре был замечательный старик – актер Соловьев. Он говорил гениальную фразу: «Не знаешь, как играть, – играй странно». Вот это можно отнести к современным режиссерам. Не знают, как снимать, – снимают странно…

Во всех нас генетически сидит Шура Балаганов. Почему-то непременно надо сказать, что спектакль обошелся в пятьдесят тысяч долларов, хотя видно же, что постановка еле-еле тянет на десять. Я не знаю, сколько будет стоить фильм, – знаю, что очень много. Есть вещи, которые не оценить в деньгах. Скажем, в сценарии есть кадр, где сыщик прилетает на «Руслане». Сколько стоит арендовать такой самолет? А мне дают его бесплатно. Но все равно денег не хватит, и если вдруг найдутся люди, которым небезразлично, дойдут ли до экрана «Бременские музыканты», то мы будем благодарны каждому, кто захочет помочь картине. Это мой первый фильм, у меня нет тотальных амбиций, я понимаю, что сделать все самому невозможно. За любую помощь большое спасибо и низкий поклон. Никакого режиссерского самовыражения…

Помню, мы отмечали юбилей моей антрепризы и мой же день рожденья… Некоторые сетовали по поводу того, что я не сел посередине сцены, в вальяжной позе, и не принимал

поздравления от коллег… Нет уж, раз мы празднуем десятилетний юбилей антрепризы, созданной актером, то сам он должен абсолютно во всех антрепризных спектаклях участвовать…

В спектакле «Все проходит…» мы с Ириной Алферовой играем супругов с двадцатилетним «стажем» семейной жизни, которые переживают не самый легкий период; естественно, с этим связаны взаимные обиды, душевная боль, подозрения… Критика писала что-то в духе: «Алферова и Абдулов играют, по сути, самих себя. Видимо, из-за личных обстоятельств и возникающих персональных ассоциаций им тяжело играть…» Нет, мне с Ирой не тяжело играть. Сам пригласил ее на эту роль, потому что она прекраснейшая актриса. Не надо путать жизнь и театр. Я – хозяин антрепризы и отвечаю за качество ее спектаклей. На сцене передо мной актриса. А уж что у нас за кулисами происходит, кем эта актриса мне приходится – дочерью, матерью, бывшей женой, это ни для кого не должно быть важным…

В день зарплаты в театре ко мне приходит бухгалтер и стыдливо дает деньги. А у меня в это время сидят друзья. Они спрашивают: «Это что?» – «Зарплата народного артиста России», – отвечаю я… Не буду говорить, сколько это в абсолютном выражении…

У нас в России почему-то особенно любят несчастных людей… Понимаете, я выбрал такую профессию, что у меня по определению должно быть все хорошо. Все должны знать о том, как у меня все здорово, о том, какой я замечательный. Девочки должны вздыхать, мальчики – завидовать. Если я буду говорить, что мне плохо, они меня через месяц возненавидят. Никого мои трудности не должны волновать. Меня с детства приучили не перекладывать собственные проблемы на чужие плечи. Упаси господь, чтобы меня считали несчастным, обиженным. Ненавижу, когда меня жалеют. Зверею от этого. Взрослый мужик, сорок восемь лет, руки-ноги целы. Я должен все в жизни делать сам. Иначе я – тряпка…

Думаю, наш сегодняшний российский кинематограф потихоньку возрождается… Думаю, что да. Сейчас вышел на экраны очень красивый и добрый фильм двух ленинградских ребят, называется «Рождественская мистерия». Вышли «Нежный возраст» Сергея Соловьева и «Ландыш серебристый» Тиграна Кеосаяна, мои «Бременские музыканты». Четыре картины – уже много. Возрождаться-то возрождается, но я не верю в чудеса. В СССР кинопрокат кормил все образование и всю медицину. Во всем мире это огромная статья дохода… Не может быть такого, чтобы дела в нашем кинематографе не поправились… Тогда мы

просто идиоты, больные люди, нас нужно ограждать колючей проволокой и ждать, когда мы вымрем от тупости и беспомощности…

Слава богу, по моим ощущениям история с «Бременскими музыкантами» удалась… У Михалкова в «Сибирском цирюльнике» огромная массовка. Но, кажется, мы его рекорд побили. Думаю, что в сцене парада задействовано тысяч двадцать, а то и тридцать, воинов… Как мне помог Гейдар Алиев на съемках… Мы полтора месяца снимали в Азербайджане, и у нас было все, что мы хотели. Нужны были танки – шли танки, бэтээры – шли бэтээры. У нас даже шутка родилась: в тот момент, когда снимался парад у Короля, Армения спокойно могла брать Азербайджан – все его войска были на съемках «Бременских музыкантов». У нас на съемках даже бегемот был настоящий… Помог Бакинский зоопарк. Мне привозили ягуаров, удавов, орлов… Была ситуация, когда бегемот должен был с охраной пробегать мимо меня. Я смотрю в монитор: Жужа бежит на меня, укрупняется, укрупняется… И тут я поднял голову и вижу, что она уже в трех метрах от меня. На меня перло две с половиной тонны живого веса… А бегемоты, надо сказать, достаточно быстро бегают. Я схватил телевизор со столиком вместе – и в сторону… В тот же момент по месту, где я стоял, пробежал бегемот…

Очень переживал перед съемками Александр Коржаков… Говорил: «Ты мне объясняй задачу так, как написано в пособии к японскому будильнику, – не кипятить…» Поначалу многие артисты хотели отказаться сниматься из-за того, что будет играть Коржаков. Но я говорил: «Ребята, тогда будем менять вас». У меня не было другого выхода. Иначе я – тряпка. Но потом в Коржакова влюбилась вся съемочная группа. Никогда не забуду первый съемочный день. Собираемся на ужин. Актеры переодеваются, бросают костюмы, костюмеры их собирают. Все уже готовы, нет только Коржакова. И тут он выходит. Держит аккуратно повешенный на вешалку костюм: «Кому сдать?» Костюмеры чуть не заплакали от умиления…

Завтра будет показан наш фильм «Бременские музыканты». Съемки шли очень долго, целых два года…

Мне надо осмыслить все это дело – отдохнуть, прийти в себя. На этих съемках было очень много сложностей. И непогода была, и бури песчаные. Это были два года труда, пота, но и два года счастья…

…История нашего знакомства с Шоном Коннери довольно забавна… Я ведь два года был директором Московского международного кинофестиваля. Поэтому я знаком с очень

многими голливудскими актерами. И с Робертом Де Ниро, и с Ричардом Гиром, и с Шоном Коннери – с очень-очень многими… А история с Шоном Коннери, и вправду, была забавной. Я, когда увидел его в московском ресторане, втихаря заплатил за стол, за которым он сидел. Он узнал и начал возмущаться: мол, кто это сделал? Ему показали на меня. Он подошел ко мне выяснить, что к чему, на что я ответил: «Вы знаете, если вдруг так получится, что в Америке вам скажут, что вот это сидит русский артист и вы заплатите за меня, я на вас не обижусь». После чего он рассмеялся, и мы еще с ним долго сидели…

…Хочу развеять миф о том, что будто бы я собирался бросить актерство после того как посмотрел работу Джека Николсона в фильме «Полет над гнездом кукушки»… Нет, я хотел бросить театр не оттого, что посмотрел работу Николсона, хотя он там гениально работает. Я хотел все бросить после того как посмотрел сам фильм. Потому что в то время такую тему никто бы не дал сыграть… А играть всю жизнь про завод мне не хотелось…

…Чем хуже у актера нервы, тем лучше он играет, да, я так считаю… Но это же не в прямом смысле надо все понимать. Из этой фразы вовсе не следует, что я периодически должен биться в истерике. Просто актер – очень сложно, нервно организованный человек, у актеров нервная система немного другая. Поэтому к ним надо относиться очень бережно…

Я не поступил в театральный институт с первого раза, полагаю, оттого, что мне казалось все это делом практически решенным… Думал, все получится легко и непринужденно…

Сейчас страшно вспоминать о переживаниях того времени… Как себя может чувствовать зеленый пацан, попавший в созвездие… Пельтцер, Леонов, Фадеева, Збруев, Чурикова, Ларионов, Янковский, Скоробогатов. Одни имена произносишь с трепетом. А они были заняты в том же спектакле, что и я. Играли вспомогательные роли, а я, молодой-зеленый, – главный герой. У меня был ужас в глазах, я боялся забыть текст…

Мне невероятно повезло. Меня с самого начала окружали талантливые люди, которые научили ко всему, и к себе в том числе, относиться с юмором. Я не переживал, когда меня дважды снимали с Государственной премии, дважды – с правительственных концертов, причем второй раз я сам отказался. После этого последовал звонок из идеологического отдела ЦК КПСС: «Передайте Абдулову, что нам нравится не все, что он делает»…

Отец видел два моих спектакля, когда приезжал в Москву. Папа прошел всю войну, бежал из лагеря, у него были прострелены обе ноги, пуля сидела в локте, рука не сгибалась. Ранения сильно подорвали его здоровье, но я никогда и слезинки не видел в его глазах, а тут он сидел в зале рядом с Георгием Павловичем Менглетом и плакал. Правда, потом сказал: «Сыро, конечно, но ничего». Я знаю, что он очень мной гордился, но виду не показывал, может быть, боялся сглазить, а может быть, думал, что я зазнаюсь. Сейчас его уже нет. Интересно, что он сказал бы, если бы узнал, что я хочу сыграть Лира. Именно в этом возрасте хочу… Когда немощный старик, отдав власть, хочет остаться диктатором, его дочерей можно понять, а когда Лиру пятьдесят и он еще полон сил, а ему говорят: «Ты пожил, с тебя довольно», – вот это трагедия… Я рассказал эту задумку Някрошюсу. Он загорелся. Я сказал Захарову. Он ответил: «Конечно, у нас в театре пусть ставит». Я пошел к банкиру, нашел деньги, а Някрошюс свинтил… Мне кажется, он боится Москвы. Думаю, дело в том, что хороший прием гастролеров – это одно. А когда ты остаешься где-то навсегда, возникает совсем другая ситуация… Когда мы приезжаем за границу, нас тоже принимают на ура, но стоит нам остаться там, и мы начинаем делить с ними хлеб, тут действует совсем иной счет… Ты приехал на три дня – ты гений, и ничего подобного в нашей стране нет. Ты решил остаться?.. Да у нас таких, как ты, – каждый четвертый…

Я долго мучился с игроком в «Варваре и еретике»… очень долго мучился. До сих пор выхожу на сцену и не знаю, как буду играть. Стоит сказать первую фразу, и все сомнения исчезают. Достоевский – такой мощный автор. Роль Алексея Ивановича как бы состоит из кусочков… Так и должно быть. Я вам больше скажу: «Игрок», по которому сделан наш спектакль, – самое слабое произведение Достоевского. Федор Михайлович написал его за двадцать шесть дней. Над ним висела угроза того, что у него все отнимут… И вот для того, чтобы рассчитаться с долгами, он написал роман. Он описал игру, вплел туда бабушку, добавил немного любви, чтобы было не так скучно… Получилась история, вылепленная из осколков сознания, чувств, поступков, эмоций… написанная абсолютно больным человеком, человеком с нездоровой фантазией… Но гением.

Я снимался в фильме «Униженные и оскорбленные» (*Маслобоев в фильме Андрея Эшпая, 1991* г.)… Видел, какой интерес проявляла к Достоевскому Настасья Кински. С каким трепетом она относилась к роли, как боялась пропустить любое наше слово. Все время просила: «Что он сказал, переведите»…

Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой, Чехов… Они (*западные актеры*) перед нашими писателями преклоняются. Я познакомился с Робером Оссейном. Он чисто говорит по-русски. У него папа из Самарканда, а мама из Киева. Он поставил у себя в театре «Преступление и наказание», а меня на спектакль не пустил. Пьер Карден рядом сидел и смеялся: «Да пусть посмотрит», а Робер отвечал: «Саша в оригинале это все знает, зачем ему Достоевский на французском языке…»

Все мое «кино» началось с фильма «Про Витю, про Машу и морскую пехоту». Я был там десантником. Недавно по телевизору показывали эту картину. Я посмотрел и ужаснулся… Потом сыграл Гринева в «Капитанской дочке», затем был Рогов в «Золотой речке», маленькая роль инженера в «Двенадцати стульях» и принц в «Обыкновенном чуде»…

В то время все смотрели телевизор. На следующий день после показа каждая собака, видя меня, старалась от радости гавкнуть. В меня тыкали пальцем и говорили друг другу: «Смотри, смотри, обыкновенное чудо пошло…» Или просто перешептывались: «Медведь идет». Ко мне подходили за автографами, хотя даже фамилии моей толком не знали… Ощущения очень странные… Первый удар по медным трубам. Я тогда думал, что жизнь уже состоялась, решил для себя, что все, вот оно, счастье пришло, чего же большего можно желать. То, что меня узнавали на улицах, вызывало безумно приятное чувство. Артисты, мои коллеги, говорили: «Подожди, это только начало». На мое счастье, хватило ума не задирать нос и относиться ко всему с юмором, как меня и учили…

Угадать заранее, каким получится кино, мне кажется, невозможно. Дело в том, что у каждого режиссера – у Захарова, у Соловьева, у Балаяна, у Сергеева – у всех у них свой неповторимый кинематографический язык. У меня такое ощущение, что я каждый раз учу эти языки заново… Нужно понять, что написал автор, что хочет снять режиссер и как тебе это играть, потому что, в конечном счете, спрос все равно будет с тебя. Когда все участники съемочного процесса начинают говорить на одном языке, тогда и случается то, что называется «хорошее кино». Таких совпадений крайне мало. У меня сто пятьдесят ролей в разных картинах, а достойных, тех, за которые не стыдно и сейчас, – чтобы сосчитать, хватит пальцев одной руки…

Я всегда делал выбор в пользу съемок. Это моя работа. Актер должен сниматься. Когда я только начинал, хватался за все, лишь бы дали, но чаще после моих удачных, как мне говорили, проб на

мою роль брали другого актера. Потом, когда уже пошли предложения, у меня было по четыре-пять картин одновременно, и все роли очень разные. Снимался круглые сутки, переезжал из города в город. Спал в самолетах. Сейчас я выбираю, могу диктовать, могу сказать, что если сцену, которая мне не нравится, перепишут, тогда я буду сниматься. Я никогда не понимал артистов, которые говорили: «Нет, это я играть не буду, подожду Гамлета». Где они сейчас? И Гамлета не сыграли, да и самих артистов я что-то не вижу. Я считал и считаю, что нужно много работать – и тогда количество, может быть, перейдет в качество. Повезти может одному ожидающему удачи, одному на миллион. Всем везти не может…

Свобода в искусстве – это хорошо, безусловно хорошо. Но если вдруг от этой свободы рождаются спектакли, в которых Гамлет, тоскуя, нюхает носки, а Анна Каренина, после того как бросилась под поезд, ковыляет с железной ногой, а король Лир поет, потому что он герой и рок-стар… вот тут-то и задумаешься о том, нужна ли нам такая свобода…

Меня абсолютно не смущает и не раздражает тот факт, что сейчас за съемки фильмов берутся непрофессионалы. Когда в результате это получается хорошо, то пусть… К сожалению, в девяноста процентах подобных случаев конечные продукты не соответствуют никакому уровню… Но сейчас многое решают деньги. Я вот тоже достал денег и снял фильм «Бременские музыканты»… Жаба задушила. Хотелось реализоваться, славу режиссерскую почувствовать, но моя профессия хотя бы близка режиссерской, а я знаю, например, врача-гинеколога, который сейчас занимается добычей угля. Конечно же, я ему откомментировал сию метаморфозу: «Наконец-то мне стало понятно, что общего между гинекологом и шахтером…»

Вообще-то, сейчас это вполне обычная тенденция, в кино очень часто снимаются люди, которые и не актеры вовсе, и никогда ими не были. Но это вовсе не страшно, с ними вполне можно работать, точно так же как с воображаемым предметом… В кино возможно все. Андрей Тарковский вообще не любил профессиональных артистов. Юрий Любимов до сих пор их не любит. Как ни странно это звучит, в отличие от театральной сцены, на экране есть за что спрятаться: общие планы, музыка, монтаж.

Я был несколько раз судьей КВНа. В пятигорской команде есть парень, очень загадочный для меня. Он большой, видно, что умный, с юмором и очень лихо все делает. Я думаю, что его кто-нибудь обязательно пригласит сниматься в кино… Большое кино

и профессиональный театр – очень хрупкое дело. Все это очень заманчиво, но можно и судьбу кому-нибудь испортить…

…Я не отказывался от Московского кинофестиваля. Меня потихоньку оттуда убрали… Мы сделали с Сергеем Соловьевым свой фестиваль в Ханты-Мансийске. Я вице-президент. Там все необычно. Проходит фестиваль зимой. Участники – дебютанты, молодые кинематографисты. Первый приз – сто пятьдест тысяч долларов, такого в мире нигде нет. Поначалу к нам боялись ехать, а когда приехали, удивились. Чисто, светло, пятизвездочные отели, собачьи и оленьи упряжки. Председателем жюри у нас был Кшиштоф Занусси. Он в себя не мог прийти от удивления. С таким радушием нас принимали местные жители. Мы привезли семьдесят две картины. За восемь дней, если судить по количеству проданных билетов, при населении в двадцать пять тысяч человек фестивальные показы посетило сорок тысяч… Приезжали из соседних городов. Я трижды смотрел фильмы – и всякий раз сидел на ступеньках, не было свободных мест…

Судьба мне дарит фантастические вещи. Она доводит меня до определенного момента и говорит: «Здесь чуть правее поверни, нужно дерево обойти», – а я никакого дерева не вижу. Иду дальше, а она мне опять шепчет: «Здесь левее возьми. Не надо прямо, там стена, не стоит ее лбом прошибать», – а я стены не вижу… Сейчас я уже знаю, что все, что в моей жизни случается, случается не напрасно. Положим, ограбили меня – я не паникую, я жду и получаю в два раза больше. При этом я убежден, что свою судьбу надо искать, ее надо готовить… И для этого есть только один рецепт: твой труд, твое дело, твоя совесть, твое отношение к матери, к ребенку, к близким и друзьям. Есть очень много качеств, за которые судьба будет оберегать тебя…

Жизнь меняется. Меняется возраст. Я уже не сыграю тех ролей, которые мог бы сыграть. Если бы в мои двадцать четыре года кто-то сказал, что мне когда-нибудь стукнет пятьдесят, я бы не поверил. В то время тридцатилетний человек казался мне пожилым, сорокалетний глубоко пожилым, а пятидесятилетний просто старцем, жизнь которого уже прожита. Сейчас я несколько изменил мнение…

Впервые я прочитал «Мастера и Маргариту», когда роман был опубликован в журнале «Москва». Он произвел на меня впечатление разорвавшейся бомбы. Это моя любимая книга до сих пор. Там столько мудрости, юмора, света. Я половину книги точно знаю наизусть. Иногда беру роман, открываю на любой странице и читаю. Коровьев как раз и стал моим любимым

персонажем… Там все персонажи замечательные, но Коровьев – самая фантастическая придумка Булгакова, он – лакмусовая бумажка для всех остальных героев…

У меня было четыре подхода к роли Коровьева. Сначала мне Юрий Кара предложил эту роль, я отказался. Потом Элем Климов начинал снимать «Мастера и Маргариту» и тоже позвал играть Коровьева, но у него что-то с деньгами не получилось. Вот это как раз было очень обидно. Потом было предложение Бортко в двухтысячном году. Он меня утвердил, но проект закрылся. Через четыре года Бортко снова меня позвал. Я безумно благодарен ему за то, что он подарил мне встречу с любимой средой, с моим любимым миром… Так звезды встали… Какой идиот может отказаться от роли Коровьева? А тут еще и режиссер Бортко. Такие роли бывают один раз в жизни. Из-за таких ролей я стал заниматься профессией артиста. Многое зависит от режиссера. Мы все меняемся, взрослеем, происходит переоценка ценностей. Но самое замечательное в этих обстоятельствах то, что Булгаков актуален в любой стране и при любом режиме, потому он и классик. Нет, конечно, в первую очередь я имею в виду бывший Советский Союз, Россию. Ни немцы, ни французы не поймут квартирного вопроса. Это чисто русская история, фантастически придуманная, подсмотренная, подслушанная…

Не рискну говорить о фильме в целом. Пока я видел только то, что сам озвучивал. Но я заметил, с какой любовью, с каким пониманием режиссер Бортко отнесся к роману. Я бы вообще не стал называть то, что сделано, сериалом. Это – кинороман. Не умещается вся книга в два часа экранного времени. А как только что-то вырезаешь, все моментально рушится. Я считаю, что Бортко, не выбросивший ни одного слова, абсолютно прав. Он снимал по тексту…

На картине работала фантастическая группа ребят-компьютерщиков. Они все делали интеллигентно, корректно, вникая в то, что мы хотим получить… Но зрителю рассказывать этих подробностей нельзя. Узнает он, что был задействован электронный кот, и будет все время присматриваться: а, смотрите-ка, у него глаз не так двинулся… Нельзя этого делать… Ведь это фокус, это сказка. Кот абсолютно настоящий, бегает, прыгает, разговаривает, смеется, подмигивает. Пусть так все и думают. Там и помимо кота много графики… Даже сейчас многие актеры старой закалки считают, что современные технологии убивают искусство. В принципе я с ними согласен. Графика ради графики – это всегда плохо. Но есть вещи, которые на сегодняшний день без компьютерной графики невозможны. Как вы снимете бал Сатаны без компьютера? Да никак. Или, в лучшем

случае, получится дешевое «нечто».

Вообще история с балом Сатаны была потрясающей. Представьте себе: я стою один, а вокруг триста голых стриптизерш Санкт-Петербурга. Можете себе такое представить? Казалось, я много чего видел, но эта сцена меня впечатлила…

Я видел экранизации Юрия Кары и Анджея Вайды. Это неинтересно. Вайда, по моему ощущению, просто не понял Булгакова. Я не имею права оспаривать великого режиссера, но это не его дело было… И не дело Кары. Его картину помогал снимать мой товарищ, продюсер. Фильм лежит у товарища под одеялом, и он его никому не показывает. Он пробовал его перемонтировать, предлагал сделать это большим режиссерам – все отказывались, даже за большие деньги. И никакой мистики в этом нет.

Мистика начнется, когда пресса приступит к обсуждению картины. Вот тут-то начнется и шабаш, реальный бал Сатаны… А когда мы снимали, никакой чертовщины не было. Говорю об этом как очень суеверный человек. Актеры все суеверны… Есть артисты, которые из-за этого даже отказываются от больших ролей. У нас в театре был актер, которому Марк Захаров поручил сыграть роль предателя в спектакле «В списках не значился». Очень хорошую роль. Он, пожилой человек, пришел к Марку Анатольевичу и сказал: «Я воевал, я не могу играть предателя». Но это же профессия! Я, например, с удовольствием сыграю Гитлера, если предложат. Правда, ростом не вышел. Сыграть такую личность! Что вы…

Почти уверен в том, что зритель благодарно примет «Мастера и Маргариту». У Бортко такое бережное отношение к Булгакову, что, мне кажется, все останутся довольны…

…В последнее время перед съемками мне всегда хочется как-то изменить себя, свой внешний вид. Потому что сейчас смотришь сериалы, и на всех каналах одни и те же артисты, причем в одних и тех же пиджаках, с теми же прическами, все одинаковое, только играют разные роли. До смешного дошло… Чтобы это как-то изменить, необходимо желание. Ну, а вообще, это, конечно, профессия. Чем шире твой актерский диапазон, тем интереснее жить. Зачем же все время играть одного и того же человека? Для чего тогда нужна профессия, если все время выходить с умным видом или, наоборот, с дурацким лицом…

Я люблю такие роли, чтобы было что играть. Чтобы сценарий был интересный. А хорошие это персонажи или плохие, вовсе не важно. Вот сейчас я играю князя в «Полонезе Кречинского». Мои

непосредственные партнеры – два великих артиста Алексей Петренко и Богдан Ступка. И текст роскошный, и еще два таких партнера сумасшедших… Это же счастье – играть с такими «зубрами»…

Скучные роли – это то, что я никогда себе не позволю. Пусть будут плохие или хорошие герои, только не скучные… Вот недавно смотрел нового «Золотого теленка». Ну, мухи же дохнут, так это скучно… Актерам скучно играть, режиссеру скучно режиссировать, оператору скучно снимать. Ну как можно снять «Золотого теленка», чтобы ни разу не улыбнуться?.. Да надо просто ненавидеть это произведение…

У меня много самоограничений, в первую очередь они касаются профессии, но и в частной жизни они тоже есть. Во-первых, нельзя употреблять спиртные напитки на работе – ни в кадре, ни на сцене. Это табу. Еще, например, я знаю, что нельзя смеяться, издеваться над ролью, потому что роль обязательно тебе отомстит…

Хотя частенько случается так, что вся мистика и нечисть – это уже начинается после выхода картины. Когда критики начинают кричать: «О, мистика! Бал Сатаны…» Так было с историей экранизации «Мастера и Маргариты»… Мы снимали нормально. Был гениальный материал. Вообще, это моя любимая роль в «Мастере и Маргарите» – Коровьев. И я безумно счастлив, что сыграл эту роль. И мне очень нравится сама картина. Бортко свято относится к Булгакову, свято… И так серьезно все было… Поэтому есть и результат…

Артист должен подчиняться режиссеру. А как иначе? Надо обязательно подчиняться… Если, конечно, режиссер не идиот. Случается, конечно, и идиоты попадаются. Тогда подчиняться нельзя…

Скоро, даст Бог, начну снимать свое кино. Это будет моя новая режиссерская работа: «Гиперболоид инженера Гарина», по роману А. Толстого. Есть наметки по актерам, но проблема: не могу найти Зою. Нет актрисы. Мне нужна Шерон Стоун – такой, какая она была пятнадцать лет назад, а ее нет. Честно говоря, после «Бременских музыкантов» я думал, что никогда больше не стану снимать сам. Это дикий труд… Это когда руки трясутся, ходишь, ничего не соображаешь… И зрение у меня тогда подсело, потому что у монитора сидел по несколько часов кряду. Это страшно… профессия режиссера, она жуткая…

Но потом проходит время, и что-то начинает тебя мучить. Что-то село в тебя – и начинаешь придумывать… А потом понимаешь: то, что ты придумал, никто, кроме тебя, снять не

сможет. Поэтому сейчас пойду на второй эксперимент. И в первый раз все было примерно так же. Мне очень нравились «Бременские музыканты», и было обидно и непонятно, почему никто не снимает эту замечательную историю… Я придумал свою версию и снял. И знаете, мне не стыдно за картину. Тогда мой немецкий продюсер сказал мне: «Ты не вовремя ее снял. У тебя картина для семейного показа». А тогда был период такого безвременья. Вот если бы, говорит, картина появилась в Германии, где люди привыкли ходить в кино семьями, тогда был бы успех. И в Америке был бы успех. Мне даже предлагали это сделать, надо было вложить еще двести пятьдесят тысяч тогдашних долларов, и американцы забрали бы ее, переозвучили на английский язык и выпустили в прокат… Но я просто не нашел денег. Джон Дейли, продюсер «Терминатора» и «Последнего императора», посмотрев картину, сказал (это у них такая очень смешная форма похвалы): «Видны деньги». Для них это главный показатель…

Театр, конечно, это самое главное в моей жизни. Театр всегда важнее. Я много играю. «Варвар и еретик», «Плач палача», «Затмение»… И еще в антрепризе. Театр – более живое дело. Можно сегодня так сыграть, а завтра иначе. Как захочешь. А в кино все как бы «одноразово». Один раз собрался с силами, и поехали: мотор-камера-стоп-снято. Все… И уже ничего не поправишь. А поправить хочется, почти всегда…

Сейчас в нашем кинематографе появилась этакая стойкая тенденция, такое движение в сторону европеизированного кино, и это обидно. Мы все время хотим «догнать и перегнать», тогда как у нас есть свое замечательное кино, есть талантливые режиссеры: Сережа Соловьев, Виктор Сергеев, Саша Буравский… Так нет… Надо обязательно снимать все эти «пиф-паф», надо, чтобы все обязательно прыгало, бегало. И что с того… Я на таких картинах засыпаю. Мне всегда говорят: «Там в конце будет ясно, что к чему». Но я не могу досмотреть картину до конца…

По моему убеждению, в России надо снимать так, чтобы была человеческая история, чтобы прочитывалась судьба человека. Чтобы обязательно были какие-то отношения. Вот первый «Крестный отец» был совершенно гениальный… Там были отношения внутри семьи: отец – сын, брат – сестра, было за чем следить. А вот третий «Крестный отец» делался ради «пиф-паф, ой-ой-ой»… и он провалился… Нам интересно, когда есть судьба, нам интересно смотреть за тем, что происходит с людьми. Не надо, чтобы все бегало, прыгало и летало… Впрочем, мы тоже повторяем эти ошибки. Первый «Next» – замечательный, второй уже похуже, третий просто скукотища, а от четвертого я отказался, сказал: «Все, хватит…»

У меня сумасшедший график съемок. Просто ужас… Недавно закончил сниматься в фильме «Блокада», сейчас заканчиваю сниматься в картине «Полонез Кречинского», скоро начну сниматься в «Гении-2». В театре спектакль выпустил, «Затмение», начали репетировать «Тартюфа». Еще готовлюсь к своей картине… Включая май месяц, у меня не будет ни одного выходного. Конечно, я делаю иногда паузы, например неделю. Вот собираюсь поехать в Китай… Потом, через время, еще неделю возьму – поеду на рыбалку. У меня тоже бывают перерывы. А иначе с ума можно сойти…

Сегодня идеи о мировом господстве, думаю, очень актуальны. Мой новый фильм отчасти про это. Сценарий написан по мотивам романа Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» таким образом, что все действие перенесено в наше время. Главного героя буду играть я. Этот человек меня заинтересовал своей трансформацией. Он хотел быть самым богатым в мире. И начав, как нормальный ученый (лишенный, правда, всяких иллюзий относительно современной реальности), кончает тем, что превращается в чудовище. Таким его делает власть…

Я думаю, что власть вообще никому еще не позволила остаться добрым человеком. Из человеческой истории я не помню ни одного персонажа, который бы, добившись власти, захотел бы от нее добровольно отказаться. Например, уйти в монастырь или просто стать частным человеком. Разве что мифический римский император. Но он был единственным. Да и то, прямых доказательств этому нет…

Талант в искусстве тоже дает власть… И разве Гитлер, художник по образованию, был бездарен? Кто точно знает, что такое мораль? Кто это придумал?..

…Мы заканчиваем снимать рождественскую историю. Это история о том, что бывает со всеми нами. Когда думаешь: «Господи, вот сейчас бы закрыть глаза, и чтобы все изменилось. Жена ушла, и я бы куда-то поехал, и встретил бы там свою любовь…» Музыку к ней пишет Андрюша Макаревич, к которому я очень нежно отношусь, мой старый друг. Я очень рад, что это так…

Однажды я стоял у того былинного камня из сказки, на котором написано: «Направо пойдешь, налево пойдешь…» И я через него не перешел. Как оказалось, все это не так важно в жизни. Деньги, если их миллионы, не дают людям спокойно спать. Хотя это совершенно замечательно: иметь миллион. Но только когда не нужно за него бояться. Есть – и есть, и бог с

ним…

…Сейчас я стараюсь не общаться с миром. Или общаться как можно меньше. Потому что там нужно врать, юлить, а я не хочу этого делать… И тем не менее, среди всей этой жижи есть хорошие нормальные люди. У которых осталась совесть.

У которых есть искреннее желание помочь театру, помочь кино…

Мою профессию нельзя купить. Без таланта могут взять в театр. Но на сцену не выпустят…

В российском кинематографе наметились положительные сдвиги, надеюсь, это станет тенденцией. Пена сходит. Стали улучшаться сценарии. Научились снимать сериалы. Нельзя сразу соорудить *Ту-154*. Сначала надо придумать два крыла. Никакого возврата к советскому кино не произойдет. Я не хочу никуда возвращаться. Да, в советском кинематографе было много замечательных картин. И надо помнить, что у нас это было. Я никогда не забуду Черкасова, Леонова. Но возвращаться никуда не надо. Надо идти дальше…

Я живу в будущем, преклоняя колени перед прошлым. За что нам извиняться перед Грузией или Эстонией? Столько лет кормили-поили, а теперь мы должны еще и извиняться… Хватит уже извиняться. Я бы заставил их извиняться за то, что они сделали с нашим памятником. Вы на секунду себе можете представить, что американский памятник в какой-либо из стран вот так бы снесли, что бы было… Война. Американцы бы развязали войну, и я бы сказал, что они правы. И ведь это не народ эстонский сделал, это правительственная кучка, нелюди, которые вдруг почему-то решили, что мы должны враждовать. То же самое касается и Грузии. У меня пол-Тбилиси друзей, много друзей в Эстонии. А их правительства из нас, из русских, делают поработителей…

Мы проходим нормальный путь эволюции. Но нам навязывают путь американский. А нам он не нужен. Мы другая нация, мы другие люди, и путь у нас свой. У нас уже был такой период, когда мы жили удельными княжествами. И когда мы вновь соберемся в единый кулак – Русь станет великой… Мы обязательно придем к этому… И когда мелкотравчатые страны типа Эстонии начинают нам грозить кулаком, как это можно вообще всерьез воспринимать? Как можно всерьез воспринимать то, что они называют нас поработителями? Кого там порабощать? Четыре избы – вся страна. Нам надо серьезней и лучше к себе относиться. Надо начинать любить себя. Свою страну, свой народ. Надо понимать, что мы большая сильная Россия. И в России есть

не только Москва, Санкт-Петербург и еще несколько городов. Мы – огромная Россия. Нам надо узнавать свои границы. И бить по рукам тех, кто пытается их нарушить. Гордиться своим флагом, своим гимном, а не извиняться перед всеми непонятно за что…

Герой фильма «Выкрест» действительно выкидыш – его отец погиб, а мать была тяжело ранена при научном эксперименте и умерла от болевого шока, потому что согласилась на преждевременные роды без анестезии. Это было в середине пятидесятых годов двадцатого века. А выкрест он, конечно, фигуральный – это человек, который меняет систему ценностей, когда все, во что он верил раньше, идет прахом. Мне интересно сыграть эту разительную перемену, когда интеллигентный ученый, физик, университетский профессор превращается в одержимого, в сумасшедшего. Потому что рушится его мир. Наука загибается, друзья бегут за границу, его учеников и любимую женщину убивают, а его самого хотят упечь в «шарашку». Конечно, «шарашка» – это вымысел. Какое же игровое кино без фантазии? С другой стороны, как знать… Четыре года назад я написал в сценарии про зомбированных собак, а недавно по телевизору передали, что американцы закончили опыты по зомбированию животных и перешли к зомбированию человека в военных целях… Когда писался сценарий, было невероятно интересно… тут мы дали волю воображению… В нашей «шарашке» сидят француз, который выдерживает любой электрический ток, и китаец, который буквально в огне не горит. Причем играет китайца Костя Цзю…

Помимо массы всяких придумок, у нас в сценарии есть свои, специальные шутки. Например, когда «шарашкино» начальство впервые видит несгораемого китайца, оно произносит: «Знали б мы раньше, что такое возможно, хрен бы американцы во Вьетнаме со своим напалмом что-нибудь сделали…»

Если делать подобный фильм на полном серьезе, то зритель помрет от скуки. И в этом смысле у меня два ориентира: фильмы про Индиану Джонса и про Джеймса Бонда в исполнении Шона Коннери. У него, как вы знаете, с чувством юмора все было (и есть) в порядке.

И уж конечно, если наш герой метит в сверхчеловеки, должно же у него быть и сверхоружие. Над ним-то и трудятся ученые в «шарашке». Действует оно так: наносит тепловой удар с любого расстояния. Допустим, какая-нибудь гора заслоняет вам вид на море. Наводите на нее аппарат, нажимаете на кнопочку, и пожалуйста: вместо горы – чудный морской пейзаж… Еще с помощью сверхоружия можно вызвать ураган или землетрясение

в назначенном месте. В одном эпизоде наш герой спрашивает заказчиков: «У вас в Индонезии никого нет?» – «Никого», – отвечают те. «Ну, тогда смотрите». И тут же Индонезию сносит чудовищной силы цунами…

Когда наш художник показал в Институте физики чертежи чудо-аппарата, сделанные по моим наброскам, один доктор наук ему сказал: «Немного доработаем – и Нобелевскую пополам». Оказывается, они разрабатывали лазер с ядерным надувом. Не знаю, что это такое, но звучит красиво…

Помню, в детстве я любил втыкать шпильки в розетки и смотреть, как железо краснеет, а потом белеет. Но вообще мне интересна не физика, а психика. Человеческие характеры…

Конечно, при написании сюжета мы отталкивались и от инженера Гарина, и от доктора Но, и от других одержимых, но, смею надеяться, мы создали оригинальный сценарий… Есть у нас и положительный персонаж, такой чудаковатый ученый – приемный отец и учитель главного героя. Он думает, что изобретает чудо-аппарат на благо общества, не подозревая того, что нашему герою тепловой аппарат нужен для захвата власти над миром…

Есть и героиня. А как же. Все как положено. Красавица, любительница приключений. Еле отыскал актрису. Просто беда какая-то с бабами. Есть талантливые, но некрасивые, есть красивые, но бездарные, но так, чтобы то и другое вместе… Я уж Милу Йовович стал уговаривать, но она только через два года освободится. В Польшу хотел поехать на кастинг, но вовремя вспомнил про Евгению Крюкову.

Она (героиня) его (героя) выбирает не потому, что он одержимый, а потому, что он другой. Он же ей не что-нибудь предлагает, а целый мир. Она идет с ним до определенного момента, пока не понимает, что он заигрался и уже не может остановиться…

Однозначно, успех фильма, в теперешнем моем понимании, это кассовые сборы. СМИ все равно напишут так, как напишут. Когда я снимался в «Мастере и Маргарите», меня спрашивали, не было ли какой чертовщины на съемках, а я отвечал, что чертовщина начнется после того как фильм покажут по телевизору. И в самом деле, после премьеры началось… Настоящий бал Сатаны…

У меня, как я говорил, сложные отношения с прессой, черт бы их побрал! Один раз в Самаре после премьеры «Женитьбы» сумасшедший был прием, зал просто выл от восторга, как в лучшие времена «“Юноны” и “Авось”». А у Саши Захаровой еще был и день рождения. Устроили самарцы вечер в нашу честь.

Подошла ко мне девушка, пригласила потанцевать… На улице тридцать семь градусов жары, мы все никакие, но отказываться неудобно, и я пошел. Кто-то нас сфотографировал, опубликовал и под снимком дал подпись: «Пьяный разврат Абдулова» и якобы прямую речь этой девочки, что я-де к ней приставал. Так она, прочитав эту публикацию, прислала мне нотариально заверенное письмо, что ничего подобного не говорила… Сволочи, одно слово. Хорошо, что жена у меня умница, все понимает… А в другой раз после моего дня рождения в ЦДЛ в полвторого ночи наскочили на нас с Ярмольником два папарацци – и давай щелкать. Мы их взяли за фотоаппараты и потребовали уничтожить снимки. Один стер, другой нет. И что, мерзавец, придумал – опубликовал свою фотографию с кровью на лице и написал, будто мы с Ярмольником били их ногами. Да у меня двадцать свидетелей, что никто их не бил… Сам он себе нос расковырял и кровь по лицу размазал. В конце концов, мне это как мужику обидно – если бы я его действительно избил, черта с два бы он у меня до редакции добрался, разве что до больницы на «скорой». Да ну их к бесу…

Понимаете, я не люблю пустоты в своей жизни. Захаров ведь не может каждый месяц ставить для меня спектакли. Новый спектакль случается раз в год, раз в два года… Хочешь не хочешь, возникают пустоты. Их надо заполнять. Тут и появляются кино, театр, антрепризы… Но я заполняю пустоту своей профессией, а не иду в бизнес, не торгую булочками или памперсами. Хотя за первые три месяца жизни моей дочки я понял, что если кому-то и стоит поставить памятник, так это изобретателю памперсов…

Режиссура – это не профессия, это состояние души. Причем засасывающее. Я же после «Бременских музыкантов» дал себе зарок никогда больше этим не заниматься, чтобы не переживать еще раз весь этот ужас. И не удержался. Но сейчас я хотя бы постараюсь избежать ошибок, которые совершил тогда…

Я не чужд самокритики… Я же нормальный человек и понимаю, что на ошибках учатся. Теперь у меня каждый кадр заранее продуман, и не просто продуман, а нарисован. Комикс можно издавать.

Но я думаю о другой книге – воспоминания хочу написать. Столько встреч было интересных, не забыть бы. От Киссинджера до Жаклин Кеннеди и Сергея Параджанова…

Помню, когда Артур Миллер подвел ко мне человека познакомиться и сказал: «Это Генри Киссинджер», у меня руку свело, которую я ему уже было протянул…

А Жаклин Кеннеди… Если бы это событие произошло в моей жизни пораньше, то это могло бы свести меня с ума. Но я все равно был счастлив от того, что такая ослепительная женщина зашла ко мне в гримерную после спектакля. Не думаю, что многие американские актеры могли бы этим похвастать. Я, между прочим, нашел ход для книги мемуаров – обращение к отцу. Он ведь всегда был для меня главным судьей. И вот я, обращаясь к нему, говорю: «Как жалко, отец, что ты с ними не познакомился…»

После рождения дочери у меня начался новый этап в жизни. Полная переоценка ценностей. Я по-другому стал относиться к работе, к людям, к семье… Друзья говорят: «Саня, давай загуляем…», а я к Женьке… Это чудо какое-то…

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Марк Захаров

В 1974 году к нам привели студента, Сашу Абдулова, просто показать, что есть вот такой на выпускном курсе ГИТИСа. Странно, что у меня с Сашей были одни и те же учителя: Раевский, Конский. Мы получили с ним как бы одинаковое образование.

Тогда, в семьдесят четвертом году, это был долговязый красивый парень. Я сразу понял, что именно он должен репетировать лейтенанта Плужникова в спектакле по повести Бориса Васильева «В списках не значился». Плужников – последний защитник Брестской крепости, который не успел оформить свои документы, прибыв на место службы, – помешала война. Его там как бы не было, и тем не менее, он проявил чудеса героизма, самопожертвования, патриотизма и удивительную широту взглядов. С Сашей играла Елена Шанина, замечательно они играли вдвоем… У них возникла любовь, со всеми возможными последствиями, – такая романтическая прекрасная история…

И знаете, он блестяще играл Плужникова… Этот спектакль вышел в 1975 году – к тридцатилетию нашей победы. И так началась театральная карьера студента Саши Абдулова, который в том же семьдесят пятом году стал артистом московского театра «Ленком». Потом была галерея замечательных актерских работ: в пьесе Арбузова «Жестокие игры» он играл Никиту…

Саша был очень красив, притягателен, зритель его сразу полюбил, с первого его шага на сцене. Конечно, у Саши первые годы в голове дули разные ветра. Он приехал к нам из Ферганы, где в основном вместо учения занимался сбором хлопка, выполнял план. Саша из театральной семьи, отец его был в ту пору главным режиссером местного театра, но это, так мне кажется, не сыграло никакой роли при выборе профессии. Потому что его братья пошли совсем другой дорогой.

Абдулов самообразовался, по моему личному субъективному ощущению. Саша стал человеком, знающим и понимающим актерство, посмотрев все сколько-нибудь значимые в истории русского и мирового кинематографа фильмы. Он высматривал, как что смонтировано, искал склеечки в знаменитых фильмах у великих режиссеров. Это было его кинематографическим увлечением, благодаря которому Саша стал образованным человеком.

Абдулов трудно приживался в театре, у него не все хорошо было с дисциплиной. Он был очень веселый и обаятельный и как-

то весело всех обманывал, в том числе и меня. Однажды Саша не пришел на важную репетицию, это было очень страшное опоздание. Тот случай, когда нужно выгонять сразу, а я как раз в это время от многих людей отказывался, убирал из театра, потому что театр мне достался в очень тяжелом состоянии. Так вот, он пришел и сказал, глядя прямо на меня, и у него при этом текли слезы из глаз: «Я сидел всю ночь у постели больной любимой девушки». Ну, я сделал над собой усилие, чтобы тоже не заплакать, мы обнялись. Потом дня через три-четыре он пришел опять со страшным опозданием и, как в «Капитанской дочке» – там повторение есть замечательное… может, он тоже Пушкина читал… – сказал мне дрожащим голосом: «Сидел у постели больной любимой девушки». Тут я ему не поверил и очень разозлился… Разозлился, но сделал над собой усилие. Я понимал, что должен ему помочь. Помочь выбраться из этого вихря идей, плохой дисциплины и разных дуновений, которые его посещали в это время…

Потом стал очень надежным человеком, каким-то образцом дисциплины, собранности, во всем, что касалось театра, особенно. Я был влюблен в него как в артиста, и мне очень хотелось, чтобы Саша снимался в моих телевизионных работах. И так вышло, что он как-то случайно оказался в «Двенадцати стульях». Это, правда, не фильм, а не поймешь что – какое-то этакое музыкальнолитературное телевизионное действо, где он был голым инженером Щукиным. Потом, когда речь уже зашла о съемках на «Мосфильме» (*фильм «Обыкновенное чудо»*), вот тогда мне объяснили, что нужны кинопробы. Евгения Павловича Леонова и Олега Янковского утвердили без проб, а Саше я сказал, что нужно будет попробоваться. На что он ответил: «Я с удовольствием это сделаю, потому что я сейчас… вот вы меня ругаете… я опаздываю… я все время пробуюсь, а снимается потом Костолевский…» Была проба… Потом он очень хорошо сыграл, замечательно держался в седле, скакал на лошади по подмосковному карьеру, другой натуры у нас не было, кино малобюджетное снималось, в основном в декорациях. С этого началось его блистательное кинематографическое восхождение на высокую орбиту. Потом появилось еще кино – «С любимыми не расставайтесь», по пьесам Володина, потом другие роли, и наконец он стал не просто узнаваем и популярен, он стал любим миллионами. Представить то, что тебя любят миллионы, – очень трудно, но это было так, он был кумиром.

В театре Саша продолжал линию героев-любовников. Когда мы ставили «Оптимистическую трагедию» в страшные и тяжелые годы цензурного гнета, и ставили исключительно. Мне мой

первый директор, Акимян, сказал: «Снимут обязательно вас, Марк Анатольевич, если что-то мы сейчас такое не сделаем. Очень плохие идут сигналы сверху». Мы сделали спектакль, неожиданным образом такой, который нам самим очень нравился. Конечно, мы кое-что изменили, но, применительно к Абдулову, это был этапный спектакль, он играл Сиплого. В Саше проснулся какой-то зверь, проснулось какое-то другое, трагическое, магнетическое, энергетическое начало. И я подозреваю, и это мое убеждение антинаучное, что хороший артист владеет еще и гипнозом может – слабыми какими-то долями, может, безопасным для зрителя, но гипноз точно существует. Саша, он гипнотизировал, как злодей. Ну что ж, многие злодеи достигают успеха у толпы…

С этого началась другая полоса в Сашиной жизни, и одновременно у него появилось замечательное комедийное нутро, которое материализовалось в пьесе Григория Горина «Поминальная молитва». Он был Менахем, человек-неудачник, который постоянно что-то пытался сделать, но, естественно, безуспешно. Я Саше подсказал несколько деталей, хотя он и сам обладал, безусловно, режиссерским мышлением. Он часто подходил ко мне и говорил очень корректно, почти шепотом, на ухо: «Марк Анатольевич, а вы не хотите вот чтобы было вот так вот?» И совсем не обязательно это касалось его роли, это могло касаться работы его товарищей. Я говорил, как правило, «нет» – поначалу, в первой половине наших творческих взаимоотношений. А потом Саша набирал все больше и больше, вот уже из десяти его предложений два, три, четыре я принимал, а потом дело доходило, может быть, и до пяти, и даже больше… Ну и конечно, последние спектакли, которые ставились на него, – в них Саша играл главные роли. Такие моноспектакли своеобразные… По Достоевскому – «Варвар и еретик».. Он играл с такой заразительной энергетикой, просто завораживал своим лицедейским мастерством, подкрепленным очень глубоким нутром. Потом был «Плач палача». Саша играл центральную роль Палача, но в конце концов выяснялось, что это нечто другое, это какая-то другая личность, вобравшая в себя многие настроения сегодняшние, которые бушуют у нас за пределами театральных сцен…

Еще был один забавный случай, когда во время зарубежных гастролей, в «“Юноне” и “Авось”», Саша был одним из «углов треугольника», он играл американца испанского происхождения. Там были испанцы, он по-испански что-то кричал замечательным образом, прекрасно двигался вместе с Караченцовым. В спектакле Саша играл еще несколько ролей, и вначале он был пылающим

еретиком, так придумал Вознесенский… Сейчас у нас ребята прыгают с одним горящим факелом, и смотрится это с большим интересом, а он двумя факелами манипулировал… Так вот, американцы, принимавшие нас, сказали, что весь этот открытый огонь, все это категорически запрещено всеми законами. Мы всё, мол, понимаем, но у вашего артиста безумный взгляд. Я сказал, что да, так и должно быть, ведь он еретика играет. Они ответили: «У него настолько безумный взгляд, что он может забросить этот факел в зрительный зал». Я сказал: «Нет, этого не может быть. Он – комсомолец». А они: «Иес, йес! Комсомолец! Но бросить может. Давайте ему металлический такой ошейничек сделаем, ну, не ошейник, а такой браслетик, чтобы в какой бы раж он ни вошел, а бросить бы не смог». Ну, мы, естественно, с удовольствием на это дело пошли, и Саша с этим браслетиком у нас запечатлен в некоторых сценах из этого спектакля…

Сложность моих суждений об этом человеке заключается в том, что… Саша пришел… за ручку я его вывел на сцену, когда он был еще студентом. И под аплодисменты он ушел с этой же самой сцены, и это было таким тяжелым для многих, в первую очередь для меня, ударом. Он держался до последнего, очень мужественно переносил свою болезнь. И какая-то надежда теплилась… что, может быть… Иногда бывают чудеса… Но, к сожалению, в данном случае чуда не случилось. Но вся его, Сашина, жизнь, жизнь на сцене Ленкома, в нашем кинематографе – это было Обыкновенное чудо…

Марк Захаров

Сергей Соловьев

И странная все же вещь – природа актера. Всеобщие любимцы, глашатаи судеб, чревовещатели сокрытой от глаз мудрости мира – и вот, поди же, при всем том в какие-то там Средние века их, к примеру, даже запрещали хоронить на кладбищах. Только за церковной оградой. Это за какие такие ужасные грехи? Хотя иногда, если спокойно и несколько со стороны про все это подумать, действительно, закрадывается в душу легкая чертовщинка: зачем бы это – взять и превратить свою единственную, настоящую, Богом и случаем данную жизнь в сырой и как бы неотесанный, подготовительный, что ли, материал для какого-то предполагаемого блистательного фантомного десятка или даже сотни, других, выдуманных и, конечно же, вполне ненастоящих жизней? Что за странная жажда, нужда, потребность, необходимость – прожить их во множестве за срок одной?

Актеры, как и все мы, конечно же, бесконечно разнообразны и исключительно многолики. При этой верткости каботинных обличий роднит их и такая коренная черта – беззащитность. Наверное, объясняется это довольно прозаически, во всяком случае, практически. Они изначально зависимы. Эти другие их жизни-роли не с неба на них сваливаются. Роли им дают. Обычному человеку и в голову прийти не сможет вдруг всерьез попросить у кого-то себе другую жизнь. Как говорил Василий Макарович Шукшин, ни у кого из нас «билетика на другой сеанс не будет». У актера же главная его жизнь, в расчете на которую он и проживает свою условную, единственную, черновую, именно на каком-то там, только ему известном «другом сеансе»: ухитриться побыть и принцем, и нищим, и ангелом, и дьяволом. Отсюда, наверное, и образуется в самих их характерах странная, с трудом осознаваемая помесь надменности и смирения, великого нахальства запросто вести задушевные разговоры с миллионами незнакомых людей и столь же великой робости перед каким-нибудь занюханным театральным администратором, от которого, между прочим, зависит, не перепадет ли ему еще четвертинка чьей-то жизни. И каждый из них, конечно же, понимает некоторую ненормальность своего положения, каждый пытается к ненормальности этой как-то приладиться, одолеть в чем-то, что ли, свой природный артистический недуг. Тогда одни из них вдруг с сумасшедшей страстью активно углубляются в книги, начиная слыть в нормальной жизни «интеллектуальными артистами». Другие, наоборот, внезапно прекращают вообще что-

либо читать, даже газеты и объявления, и начинают пить горькую, но и пьют как-то ненормально, страстно, самозабвенно, как-то даже не по-человечески. Третьи ударяются в денежные халтуры, вдруг стараясь сомнительным своим актерством на наивности и доверчивости неактерской части человечества зашибить немыслимую актерскую деньгу. Кто-то вдруг уходит не просто в религию, а норовит с той же немыслимой страстью прямо в схимники, в святые…

Трудно, практически невозможно представить себе спокойную, уравновешенную, обдуманную актерскую судьбу. Во всяком случае, мне такие не встречались. Да и знакомился-то я с актерской профессией «не по учебникам», а в пучинах настоящих, невыдуманных актерских судеб, где в большинстве своем актер был обыкновенно нищ, слегка пьяноват, любопытен, весел, грустен и старался до поры не интересоваться никакими другими текстами, кроме текстов своих ролей.

Я их люблю, я с ними провел жизнь. С такими, какие они есть, с такими, какие встретились мне в профессии. Женственные и мужественные одновременно, гордо-независимые, с постоянной, часто ненавидимой ими самими потребностью похвалы, без чего внезапно они способны впасть в какую-то необъяснимую, иногда даже смертельную тоску.

Среди великого множества моих актерских привязанностей есть одна особенная, может быть даже странная, дружба. Я говорю о Саше Абдулове, удивительно многообразной и довольно сложной человеческой личности, которая в сердцевине своей может быть определена очень просто и ясно. Саша – чистой воды Актер. Он, мне кажется, ни при каких обстоятельствах, ни при каких условиях, ни даже при каких-нибудь невиданных превращениях в другой жизни в какую-нибудь «козочку», скажем, в этой все-таки не мог быть никем иным – только актером. Иное для него как-то даже, наверное, биологически невозможно. Правда, сейчас он владеет едва ли не десятком других профессий, владеет вполне уверенно, иногда даже виртуозно, но все это благодаря именно своей химически чистой актерской природе.

Отношения наши когда-то начались просто и без затей. Никакой «поэтической легенды» про то, как Саша, допустим, во времена своего босоногого детства и отрочества где-то в узбекской глубинке со слезами на глазах смотрел мои «Сто дней после детства» или я млел от внезапного душевного просветления, глядя, скажем, на его Медведя в «Обыкновенном чуде», рассказать – к сожалению ли, к счастью ли – не могу. Сашу ни с какого боку не интересовали пионерские муки и страсти, меня – превращение Медведя в хорошенького мальчика, каким

тогда был Саша.

Познакомились мы в ресторане Дома кино, куда пришли вместе с Сашей Кайдановским, который к тому времени уже перестал быть коллегой Абдулова, сошел с ума на режиссуре и трансвестировался из актеров в мои студенты. Таким образом, мы с Кайдановским в тот вечер являли в некотором смысле даже некую благородную древнеримскую сцену – учитель с учеником разделяет чашу водки. За этим занятием мы некоторое время философски сидели вдвоем, однако, по каким-то неведомым канонам выпивания в Доме кино, вокруг нас вскорости образовалась довольно случайная компания, в которой был и малознакомый мне Саша Абдулов. С собой у Саши почему-то был торт, который он нес кому-то на день рождения и теперь, здесь же, у нас за столом, загодя хотел воткнуть в него свечки. Свечки ломались, кто-то предложил, тоже загодя, торт попробовать… И тут Саша, по до сих пор не выясненным мотивам, вероятнее всего от избытка переполнявших его сумеречных чувств, вполне внезапно даже для себя, взял и надел коробку от торта мне на голову.

Кайдановский, который, пусть недавно, но уже окончательно простился с артистической непосредственностью, вдруг на глазах изумленной публики страшно побелел:

– Ты кому на голову коробку надел?

– Чего ты взъерепенился, – ласково отвечал Абдулов, очень даже по-товарищески, – кому надо, тому и надел. – И Саша – для убедительности, наверное – откусил торта, коробки с моей головы не снимая.

– Ты думаешь, что все такие же придурки, как ты? Два сапога – пара?

– Может быть… – с достоинством продолжал полемику Абдулов, – очень даже может быть. Именно, именно два сапога и именно пара…

Кончилось тем, что Кайдановский сказал Абдулову, что если тот немедленно с моей головы коробку не снимет и не извинится, то он, Кайдановский, найдет способ, чтобы в отместку Абдулов немедленно и прилюдно съел бы шнурки с собственных ботинок. На что, помню, Абдулов с достоинством ответил, что это не составит ему ни малейшего труда, но с еще большим достоинством, уже обратившись ко мне, он сердечно добавил, что если меня чем-то (разумеется, сам того не желая) он обидел, то и я в свою очередь немедленно могу надеть ему на голову все что угодно и даже пользоваться этим сомнительным правом в любых обстоятельствах постоянно.

В течение скандала я, тем не менее, из-под коробки

наблюдал, как разнообразны, подвижны, ртутны, неожиданны оценки, доводы и реакции Абдулова: именно в тот момент он мне и понравился как артист.

Чтобы светски завершить витиеватое это знакомство, Абдулов сказал мне, что отныне надеется на более частые наши свидания и вообще, готов сняться у меня в какой-нибудь роли, в какой-нибудь картине, тем более что и раньше слышал обо мне много хорошего, и не только от Кайдановского.

Вот тут-то незаметно и подкатила к случаю «Черная роза». Уже когда я писал сценарий, твердо имел в виду пригласить на одну из главных ролей Сашу Абдулова. В первый съемочный день, разумеется, тоже «безо всякого злого умысла», а исключительно в связи с дефицитом времени, я не церемонясь, не рассуждая про «сквозное действие» и «зерно роли», довольно определенно предложил:

– Давай, Саша, ложись на пол, поднимай руки-ноги вверх и как ребенок верещи: «А-аа-ау, а-аа-ау, а-аа-ау!»

Саша разобиделся чуть не до слез. Его обуяла актерская гордыня, которую, впрочем, вполне можно было понять. От волнения и негодования он внезапно перешел на «вы»:

– Что вы мне предлагаете? Чего это ради ни с того ни с сего я стану задирать ноги? Я сейчас, между прочим, в «Гамлете» репетирую. Какое такое «А-аа-ау, а-аа-ау»! Покажите мне это «Ау» в сценарии. И вообще, почему я должен валяться по полу?

– Саш, я тебя прошу, сделай все это быстро, хорошо и талантливо: если ты захочешь, ты сумеешь. Давай, Саша, правда. Совсем времени нет.

Недолго пообдумывав что-то про себя, безо всяких дополнительных объяснений, Саша замечательно талантливо лег на пол и изумительно точно и смешно, болтая в воздухе ногами и руками, изобразил младенца. Все присутствовавшие на съемочной площадке не могли удержать смеха, а после команды «стоп» от души ему аплодировали. Первоначальный лед наших взаимоотношений на глазах растопился, я почувствовал, что с этого момента мы с обоюдным удовольствием вовлечены в одну и ту же, совершенно дурацкую игру и чем в ней меньше будет каких-нибудь умных объяснений друг другу тех или иных ее правил, тем будет лучше.

В картине у Саши было несколько парных сцен с его товарищем по театру Сашей Збруевым. Вот тут я понял еще одну необыкновенно сильную сторону абдуловского артистизма. Абдулов – командный игрок. Может быть, даже именно в этом и заключается общая главная сила захаровских ленкомовских актеров. Являя каждый по себе очень сильную и талантливую

индивидуальность, они способны не потерять ее в самозабвенной командной игре. Время идет, одни артисты взрослеют, стареют, кто-то уходит, приходят новые, в большинстве своем действительно талантливые, но театр, проверяя их индивидуальность на прочность, прежде всего проверяет их «командные способности». После чего новый артист и входит в труппу. Вот почему, я думаю, так долго держится Ленком. Конечно, и там живые, ранимые люди, к тому же актеры: они могут друг на друга обидеться, даже возненавидеть, но свое командное достоинство сохраняют всегда. Эту свою превосходную марку театр держит безукоризненно.

И в «Черной розе», выкладываясь до последнего, Саша особое артистическое удовольствие находил в том, чтобы классно «сыграть на партнера». Мы все про это слышали в разговорах про футбол. И там хорошему футболисту даже важно не столько именно самому забить гол, сколько «видеть поле», уметь вовремя и точно передать пас на выигрыш. В команде «Черной розы» Саша был превосходным партнером не только своим старым опытным товарищам – Збруеву, Люсе Савельевой, но и впервые увиденным на площадке Тане Друбич, Саше Баширову, непрофессионалу Илюше Иванову, даже моей, тогда трехлетней, дочке Ане. Аня играла квартирного Ангела; естественно, перед съемкой страшно волновалась, говорила мне шепотом:

– Я не боюсь, но отчего-то ладошки мокрые.

Свой первый кадр Аня «играла» в партнерстве с Абдуловым. Саша сказал ей перед съемкой:

– Аня, ничего не бойся. Они сейчас, вот ты увидишь, сами удивятся, как мы с тобой все нормально сделаем…

И действительно, все сошло очень ладно. Саша для снятия напряжения во время съемки и для оживления внутренней жизни онемевшего от ужаса Ангела даже срочно изобрел ту самую, довольно знаменитую потом реплику, обращенную в картине к Ане: «Это ничего, что я куру?» В ответ Ангел неопределенно, но симпатично пожимал плечами.

Александр Абдулов – настоящая кинематографическая звезда. В том самом подлинном «народном» смысле, в каком были звездами Борис Андреев, Борис Бабочкин, Петр Алейников, Вячеслав Тихонов… И вообще, все старшее, уже звездное ленкомовское поколение – это, наверное, и есть последние звезды русского народного кинематографа. Абдулова, Янковского, Збруева, Инну Чурикову по-прежнему знают и любят все. На всех на них обычный массовый зритель переносит чувства, испытываемые к их героям. К этим артистам он по-прежнему относится как к близко знакомым, видя в них те же человеческие

достоинства, что и в созданных ими характерах. В советском кино всегда было большим несчастьем играть злодея. У превосходного актера Глузского была, к примеру, испоганена «всенародной ненавистью» лучшая часть его жизни – долгие годы ему выпадало играть лишь злодеев. И только сыграв в «Монологе» Авербаха добрейшего и благороднейшего профессора Сретенского, он стал обретать подлинную народную «положительную» любовь. А без этой «звездной системы», как называют это в Голливуде, не может существовать великий национальный кинематографический миф, способный даже заменить национальную идеологию, во всяком случае, надежно гарантировать единство нации.

Судьба Саши Абдулова сложилась так, что все в нашей стране его знают. Подавляющее большинство – не только знают, но и любят как близкого родного человека. Думаю, Саше приятно, когда не знакомые ему люди называют его по имени. Не слышал, чтобы где-нибудь, кроме как в милиции, его называли Александр Гаврилович. Саша тоже умеет просто, почти по-родственному, но и достойно, общаться с малознакомыми и вообще незнакомыми людьми, поддерживая этот странный, но вполне благородный род некоего национального братства. А вот холуйского полупьяного панибратства Саша терпеть не может. В связи с чем иногда вдруг становится даже надменным. Но это редко. В особых случаях. Обычно же, следуя своему естеству, общается с людьми легко, раскованно, ненатужно, без стеснения и комплексов, получая удовольствие от своей популярности. Словно бы так и должно быть вечно, таким он родился, и от рождения все, так уж почему-то получается, должны его любить и ему помогать.

Может быть, в связи и с этим тоже количество дел, которыми каждодневно занимается Саша, непостижимо уму. При том, что снимается он одновременно в трех-четырех картинах и что на нем во многом держится репертуар Ленкома, Саша умудряется делать еще и одну-две телепередачи в месяц, и даже пробует активно заниматься кинорежиссурой. Все это словно бы и не занимает его времени. Всего этого ему мало.

Во всей остальной жизни он ухитряется, параллельно с профессиональными, играть еще и глобальные роли во внетеатральной и внекинематографической общественной и государственной русской жизни. В частности, некоторое количество лет он очень естественно и серьезно, с пользой для дела «играл роль» генерального директора Московского международного кинофестиваля. Эта роль, потребовавшая от него абсолютной правдивости, полного вживания в образ, умения быть собой в предлагаемых обстоятельствах, общаться и с суперзвездами мирового кино, и с президентом страны, и с ее

премьер-министром, и с мэром города Москвы, разговаривать с ними достойно, на равных, без унизительного шутовства, многому его научила. В частности, более холодному, серьезному и спокойному знанию людей, проявляющихся не с самой лучшей своей стороны.

Много времени и сил мы с ним вместе потратили и на то, чтобы попытаться возродить в России системы кинопоказа, кинопроката. Для начала хотя бы в Москве. Здесь был у нас замечательный помощник и товарищ по этому начинанию – московский мэр. Ю.М. Лужков, по моему наблюдению, кроме всех своих других человеческих и государственных качеств, также еще и замечательный артист. Ему без артистизма жизнь скучна и уныла. Много раз я был единственным зрителем и свидетелем замечательного первоклассного актерского дуэта Лужков – Абдулов. Все начиналось официально. Поначалу один – вы все это многократно видели по телевизору – гениально играл роль мэра, другой довольно убедительно, во всяком случае, вполне сносно – роль генерального директора международного фестиваля. В рамках этого толково решалось большое количество деловых вопросов. Но самыми интересными были моменты перекуров, когда оба ненадолго сбрасывали маски – один мэра, другой – гендиректора, и два нормальных, необыкновенно артистичных человека начинали рассказывать друг другу что-нибудь из области «как живешь». Часто происходило это уже не в кабинете, а в маленькой лужковской «закулисной комнатушке». Режиссерское удовольствие наблюдать это общение было большим. И вот, я думаю, почему.

Когда-то во ВГИКе Михаил Ильич Ромм, рассказывая о премудростях режиссуры, как бы между прочим сообщил нам и такое свое наблюдение над природой актерского мастерства. «Что такое – хороший актер, а что такое – плохой? – несколько риторически вопрошал в пространство Ромм. – Вам на эту тему наплетут огромное количество теоретической никчемной чепухи. А на самом деле все очень просто. Вот сидит, скажем, перед вами человек и просто почесывает себе веко. И смотреть на это фантастически интересно. Это и есть – отличный актер. Это и есть – артистизм. А другой, скажем, с чрезвычайным нервным напряжением и крайним сосредоточением всех умственных сил читает вам Нагорную проповедь. А вам и слушать это, и смотреть на него почему-то совсем не интересно. И даже смысл великих слов вы вообще улавливаете с трудом. Проще – вам скучно. Вот это – актер плохой».

Абдулов и Лужков «почесывают веки» первоклассно.

Абдулов переиграл чрезвычайно много. Почти все хорошо,

редко – не очень. Часто – очень хорошо. Абдулов – профессиональный актер исключительно высокого класса. Но есть среди его ролей одна, меня совершенно сразившая, – в «Варваре и еретике» по «Игроку» Достоевского. Тут уже – не профессионализм. Этот счет – гамбургский. Похоже когда-то на всю жизнь сразил меня Иннокентий Михайлович Смоктуновский в товстоноговском «Идиоте». Эта Сашина работа того же личностного масштаба, проникновенности, силы, красоты, внутренней сложности.

Во многих спектаклях, параллельно участию в сценическом действии, Саша успевает сделать еще тысячу дел. Уходя со сцены, допустим, со словами: «Я сейчас вернусь, только кофию выпью», уже через секунду, в паузе, за кулисами он успевает подписать пяток бумаг, отдать какие-то срочные распоряжения по разным другим внесценическим вопросам и снова вернуться на сцену, причем внешне совершено не утруждая себя «выхождением» из образа и обратным в него «вхождением». Так называемое перевоплощение словно бы и не составляет для него ни малейшего труда.

«Варвар и еретик» – совсем другой в его сценической практике случай: в день спектакля в час дня он обязательно ложится спать, спит три-четыре часа, чтобы с пяти, постепенно отходя ото сна, входить в мир Достоевского и к семи непременно быть в наилучшей форме, в абсолютной душевной сосредоточенности. Он играет два-три спектакля подряд и на это время исчезает изо всех своих бесконечных жизненных ролей. Но это, повторяю, случай исключительный.

Вообще Саша – человек не простой для обыденного понимания. При внешнем оглушительном своем обаятельном «раздолбайстве» (тут он дает фору всем самым «раздолбайским раздолбаям» из своего цеха) и полном отсутствии какой бы то ни было обязательности по отношению к кому-либо или чему-либо, ему бывает свойственна и неожиданная, очень четкая самодисциплина. В какие-то моменты, внезапно, он способен стать самым педантичным немцем. Возможно, и это тоже игра. Но игра, без сомнения, для дела полезная. Вообще Саша в жизни старается играть так, чтобы облегчить партнерам и зрителям и без того трудное их существование, если и в самом деле есть возможность помочь. С удовольствием сообщаю, что не знаю ни одной его роли в жизни, где он выступил бы как злодей, негодяй, растлитель или просто даже как пассивно дурной человек. В жизни Александр Абдулов играет исключительно положительных героев.

В кино же любит играть разное. Да и вообще, в кино у него

вовсе не ангельская репутация. Саша – оптимист и часто соглашается играть то или иное не потому, что ему понравилась роль в сценарии, а потому, что ему померещилось, как это хорошо можно будет сделать во время съемок. Во имя этого «хорошо» он готов бесконечно дружить и с режиссером, и с оператором, и со всей съемочной группой. Но если ему вдруг начинает казаться, что ни режиссер, ни оператор не понимают и даже не хотят сделать это конечное «хорошо», Саша становится невыносимым деспотом, капризной, самой что ни на есть взбалмошной кинозвездой: оговаривает немыслимые бытовые условия, требует завиральных гонораров. Но если он в режиссера ли, в сценарий ли по-настоящему душевно верит – готов сниматься в любых, самых тяжелых и некомфортных условиях, даже не получая вообще ничего.

После «Черной розы» Саша, мне кажется, поверил и мне.

В обыкновенной же жизни с утра до ночи Саша окружен десятками, сотнями людей. Записная книжка у него взбухла, перейдя все возможные пределы. Каждый сантиметр ее исписан во всех мыслимых направлениях. Я не знаю, с кем он только не знаком, каких только телефонов у него нет в этой, увы, недавно потерянной книжке. К кому в кабинет или в офис он не может открыть дверь, с кем не сумеет поговорить по делу и по душам? По моему наблюдению, таких людей нет.

И все это, как ни грустно, происходит, по-моему, при почти полном его человеческом одиночестве. Несмотря на всю его сверхобщительность, близких людей у него совсем немного. Из совсем близких, так, чтобы через всю жизнь и до конца, может быть только мама, брат… Еще жена Юля. Еще дочка Женя. Но даже и с ними, нежно им любимыми, тоже все совсем не просто. Мама иногда на него в обиде: ну почему это Саша вот такой везучий, а брат, который и старше, и не глупее?.. А правда, почему? И у Саши по этому поводу иногда возникает неловкое, но тягостное ощущение какой-то неясной собственной вины… За что? Черт его знает. За дурное везение, что ли?..

Не раз наблюдал я и то, как кто-то нехорошо, корыстно пользуется Сашиной дружбой. И почти никогда Саша этого не замечает. Я, увы, вижу, но тоже предпочитаю молчать: не хочется лезть не в свои дела, да и понимаешь, что в сумерки вокруг лампы не бывает без мошкары. Это естественно. Хотя человек все-таки не лампа. Ему такое может быть обидно…

В последние годы среди бесчисленных Сашиных артистических ликов и личин сформировался еще один – на сегодняшний день, думаю, главный. Какое-то время назад Саша удивил меня рассказом о том, что зачем-то вдруг выкупил на

личные деньги у Ленкома старый детский спектакль для утренников – «Бременские музыканты». Тут же врубив на всю катушку одному ему известный рубильник, он со страшной энергией стал возить этот спектакль по городам и весям. Начал с Москвы. Потом – Питер. Прокатился по России. Потом, слышу, Киев, Азербайджан, Ереван, Белоруссия – все как встарь, будто бы в СССР. Честно говоря, поначалу я подумал, что Саша просто нашел новую, вполне удачную и экономически зрелую форму «борьбы с нуждой» – так актеры называют многообразные типы своих халтур. По поводу приобретения «Бременских музыкантов» и Сашиной деятельности по внедрению их в сознание юного поколения реформенной России я даже прозвал его «Карабас-Барабас». Саша смеялся. Играть Карабаса-Барабаса ему определенно нравилось.

Однако следом за этой ролью мерещилась уже и другая. Саше давно уже ох как хотелось, я это видел, сыграть и роль кинорежиссера. Роль, я-то уж знаю, действительно впечатляющая, часто коронная. Саша не мог не видеть, с каким покоряющим талантом и поистине всенародным, а потом и всемирным эффектом перевоплотились в художественный образ кинорежиссеров великолепные до того актеры – Сергей Федорович Бондарчук и Никита Сергеевич Михалков. Когда он, в здравом уме и твердой памяти, а также и совершенно трезвый, сообщил мне, что намеревается дебютировать в кинорежиссуре, я не удивился. Но тут же был поражен тем, что для дебюта Саша выбрал тех же «Бременских музыкантов». Видя мои недоумевающие глаза, Саша, пытаясь объяснить замысел, стал почему-то пересказывать мне воображаемый фильм. Хорошо зная и сказку, и спектакль, и действительно замечательнейший мультфильм по сценарию Энтина и Ливанова, поначалу я практически пропускал его рассказ мимо ушей. Но Саша продолжал, как написали бы в литературе XIX века, «одушевляясь все более и более и при этом размахивая руками». На некоторых моментах рассказа я, даже против своей воли, вдруг почему-то стал сосредотачиваться, и в голове вполне объемно нарисовались какие-то вполне определенные и, к моему удивлению, очень даже нетривиальные, живые и по-своему прелестные картины.

– А давай еще расскажи, дальше. Ты чего-то очень правильное рассказываешь! – наконец начал с интересом подстегивать его рассказ и я. Что-то даже забормотал в порядке совета.

– Слушай, – сказал Саша, – я тебя прошу, сядь, напиши мне этот сценарий…

Долгое время это у меня не очень получалось. Месяца полтора вообще не мог написать ни строчки. Саша уже начал на

меня тихо злиться, но ничего от этого не менялось. Тогда, отчаиваясь, Саша продолжал свои фантастические рассказы, вываливая передо мной огромное множество сцен, сценок, деталей, каких-то поначалу кажущихся незначительными подробностей характеров. С тем же неистовством, с каким ему хотелось прожить за одну свою жизнь тысячу артистических жизней, теперь, казалось, вместо одного фильма он хочет снять сто пятьдесят.

Среди этих обрушенных на меня в хаотическом беспорядке ста пятидесяти картин, самых разнообразных – талантливых и средних, блистательных, а иногда вдруг даже безвкусных, в моей голове постепенно все четче и яснее вычленялась одна, вдруг начавшая казаться довольно милой и грациозной. Когда именно эту картину я стал досочинять и записывать, вдруг возникло необходимое чувство абсолютной неслучайности приходящего в голову. Показалось, что среди всего бедлама нашей сегодняшней жизни, да и вообще космологического бедлама конца прошлого века и начала нынешнего, Саша со своими «Бременскими музыкантами» имеет шанс снять картину исключительно искреннюю, цельную, светлую, нежную. Про то, что лучше всего знает. Про то, каково быть на этом свете актером, про то, как актерство может преобразить унылый дисгармоничный мир в волшебную сказку, полную нешуточных душевных надежд. Можно даже сказать, что у Саши есть шанс снять своего рода актерское абдуловское «Зеркало» – разумеется, совсем не похожее на великое «Зеркало» Тарковского. Совсем другое, но свое. Конечно, если хватило бы сил и самодисциплины снять картину «правильно», то есть вдохновенно и при этом профессионально.

Одна из главных, на мой взгляд, черт зрелой режиссерской профессии – жесткая и суровая самодисциплина. Если в актерском деле почти не контролируемый поток ничем не ограниченной фантазии – необходимый элемент профессии, хотя бы только для строгого отбора вариантов режиссурой, то в режиссуре такой вот бесконтрольный «фантазийный фонтан» бывает просто губительным и даже гибельным. Тут необходимо трудное искусство аскетического, строгого воплощения замысла.

Сами же «Бременские музыканты», повторюсь, – удивительно точно найденная Сашей в безбрежном море лукавых разнообразностей ясная притча, естественная, ему родная, для него природная сказка о прекрасности актерского труда, несмотря ни на что. О том, в конце концов, что это сомнительнейшее каботинское дело не то придурков, не то отверженных, которых, повторю, считалось негоже даже и хоронить по-людски, по-христиански, на кладбище, вдруг

способно сделать множество людей хоть на какое-то время счастливыми, примирить непримиримое и даже в какой-то мере способствовать совершенству столь несовершенного мира. Добрая, прозрачная, изысканная сказка о счастье быть актером в конце жестокого, временами даже кошмарного века, в надежде на новый свет нового, вот сейчас на наших глазах нарождающегося века.

P.S. Саша умер 3 января нового 2008 года. 31 декабря мы виделись с ним в последний раз. Разговаривали исключительно о будущем: Саша рассказывал, как хочет ухитриться и вылечиться и доснять свою новую картину, которой был страшно увлечен. Все случилось по-другому – вы знаете. Похоронили его на Ваганьковском кладбище на центральной аллее, неподалеку от Божьего храма. Провожали его многие тысячи людей, практически вся Москва.

Сергей Соловьев

Приложения

Работы в театре «Ленком»

«В списках не значился» по повести Б. Васильева – лейтенант Плужников

«Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» по П. Неруде – Хоакин

«“Юнона” и “Авось”» (рок-опера). Сочинение поэта А. Вознесенского и композитора А. Рыбникова – Фернандо Лопес, Человек театра, Пылающий еретик

«Жестокие игры» по пьесе А. Арбузова – Никита

«Оптимистическая трагедия» по пьесе Вс. Вишневского – Сиплый

«Диктатура совести» по пьесе М. Шатрова – Верховенский

«Поминальная молитва». Автор пьесы Г. Горин по Шолом-Алейхему – Менахем

«Школа для эмигрантов» по пьесе Дм. Липскерова – Трубецкой

«Варвар и еретик» по роману Ф. Достоевского «Игрок» – Алексей Иванович

«Плач палача» по Ф. Дюрренматту и Ж. Ануй – Палач

«Затмение» по роману К. Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» – Макмэрфи

Антрепризные спектакли

«Всё проходит» по пьесе О. Данилова («Антреприза Александра Абдулова»)

«Карманный театр» по пьесе Ж. Кокто (на сцене театра «Ленком»)

Работы в кино

1973 г. «Про Витю, про Машу и морскую пехоту». Одесская киностудия. Десантник Козлов

1974 г. «Москва, любовь моя». Мосфильм. Жених

1975 г. «Пропавшая экспедиция». Киностудия им. Горького. Доктор Борис Рогов

1976 г. «72 градуса ниже нуля». Ленфильм. Лёнька Савостиков

1976 г. «Двенадцать стульев». Творческое объединение «Экран». Инженер Эрнест Щукин

1976 г. «Золотая речка». Киностудия им. Горького. Доктор Борис Рогов

1977 г. «Аленький цветочек». Киностудия им. М. Горького. Принц

1977 г. «Побег из тюрьмы». Одесская киностудия. Николай Бауман

1978 г. «Капитанская дочка» (телеспектакль). Гринев

1978 г. «Всё решает мгновение». Ленфильм. Варенцов, первый тренер

1978 г. «Двое в новом доме». Ленфильм. Сергей

1978 г. «Красавец-мужчина». Творческое объединение «Экран». Пьер

1978 г. «Обыкновенное чудо». Мосфильм. Медведь

1979 г. «Место встречи изменить нельзя». Одесская киностудия. Жженый, член банды «Черная кошка»

1979 г. «С любимыми не расставайтесь». Киностудия им. М. Горького. Митя

1979 г. «Тот самый Мюнхгаузен». Мосфильм. Адвокат Генрих Рамкопф

1980 г. «Сицилианская защита». Ленфильм. Искусствовед Волков

1981 г. «Карнавал». Киностудия им. М. Горького. Никита

1981 г. «Женщина в белом». Молдова-фильм. Уолтер Хартрайт

1981 г. «Факты минувшего дня». Мосфильм. Григорий, инженер-взрывник

1982 г. «Ищите женщину». Мосфильм. Робер де Шаранс

1982 г. «Предчувствие любви» (сказка для взрослых). Мосфильм. Сергей

1982 г. «Суббота и воскресенье». Творческое объединение «Экран». Папа ребенка, мечтающего иметь собаку

1982 г. «Чародеи». Одесская киностудия. Иван Пухов

1983 г. «Дом, который построил Свифт». Творческое объединение «Экран». Доктор Ричард Симпсон

1983 г. «Рецепт ее молодости». Мосфильм. Грегор

1983 г. «“Юнона”и“ Авось”» (телеспектакль). Пылающий еретик, Фернандо Лопес, Человек от театра

1983 г. «Поцелуй». Киностудия им. А.П. Довженко. Лобытко

1984 г. «Формула любви». Творческое объединение «Экран». Жакоб

1984 г. «Два гусара». Киностудия им. А.П. Довженко. Турбин-младший

1985 г. «В поисках капитана Гранта». Одесская киностудия, киностудия «Бояна». Боб Деготь

1985 г. «Самая обаятельная и привлекательная». Мосфильм.

Володя Смирнов

1985 г. «Страховой агент». Мосфильм. Виссарион Булкин

1985 г. «Тайны мадам Вонг». Казахфильм, Оркен-фильм. Доул

1986 г. «Веселая хроника опасного путешествия». Киностудия «Шалом». Аргонавт

1986 г. «Сошедшие с небес». Ленфильм. Сергей 1986 г. «Храни меня, мой талисман». Киностудия им. А.П. Довженко. Митя Климов

1987 г. «Гардемарины, вперед!». Мосфильм. Василий Федорович Лядащев

1987 г. «Десять негритят». Одесская киностудия. Энтони Марстон

1987 г. «Филер». Киностудия им. А.П. Довженко. Учитель Воробьев

1988 г. «Убить дракона». Мосфильм, Бавария-фильм, ЗДФ-Штутгарт, Совинфильм. Ланцелот

1989 г. «За прекрасных дам!». Киностудия «Фора-фильм». Геннадий, вор-авантюрист

1989 г. «Леди Макбет Мценского уезда». Мосфильм, Совинфильм, Mediactualle, СССР-Швейцария. Сергей

1989 г. «Руанская дева по имени Пышка». Творческое объединение «Экран». Немецкий офицер

1989 г. «Черная роза» – эмблема печали, красная роза – эмблема любви. Мосфильм. Владимир

1990 г. «Анекдоты». Ленфильм. Василий Кутузов

1990 г. «Живая мишень». «Актер кино», «ЭНИО ФИЛЬМ». Сотрудник центрального аппарата МВД

1990 г. «Сукины дети». «Фора-фильм». Игорь Гордынский, актер театра

1991 г. «Униженные и оскорбленные». Киностудия им. М. Горького. Маслобоев

1991 г. «Гений». Ленфильм, киностудия «Ладога», ТОО «Вилон». Сергей Ненашев

1991 г. «Дело Сухово-Кобылина». Союзтелефильм. Игрок Кречинский

1991 г. «Дом под звездным небом». «Круг» (Мосфильм). Сантехник Жора

1991 г. «Осада Венеции». «Время» (Мосфильм), Экцельсиор-фильм ТВ, Уджис ФЭ, Видеа С.П.А. (Италия). Граф Бодрицкий

1992 г. «Официант с золотым подносом». Мосфильм, киностудия «Круг», ТПО «Паритет». Алексей Удальцов, официант

1992 г. «Странные мужчины Семеновой Екатерины». Ленфильм, киностудия «Ладога». Игорь

1992 г. «Сумасшедшая любовь». «Золотой Киновек». Шумский, пациент сумасшедшего дома

1993 г. «Грехъ. История страсти». «Никола-фильм». Отец Агофангел (Сергей)

1993 г. «Золото». «Слово» (Мосфильм), Энио-фильм, Viva kinematografica S.R.L. (Италия). Андреас, австрийский воин

1993 г. «Настя». «Ритм», Роскомкино. Префект округа

1993 г. «Поминальная молитва». Менахем-Мендл

1993 г. «Тюремный романс». Табиви-фильм при участии Ленфильм. Сергей Мадуев (Червонец)

1993 г. «Я виноват». Цыганский театр «Ромалы». Виктор Иванович

1993 г. «Над темной водой». «Аврора-фильм», «Никола-фильм». Лев

1994 г. «Кофе с лимоном». Isramec Ltd. Валерий Островский, актер

1994 г. «Простодушный». Роскомкино, Фонд Ролана Быкова, киностудия «12А», Stargaze productions Inc, AL Productions (Россия-Франция-США)

1995 г. «Первая любовь». «Остров», Роскомкино, Innova-film (Германия)

1995 г. «Черная вуаль». «Ритм» (Мосфильм), Роскомкино. Андрей Яковлевич Рокшин

1997 г. «Шизофрения». Ленфильм, компания «Стабильная линия», Госкино РФ. Иван Голубчик, немой

1998 г. «Женская собственность». «Слово». Сазонов, ректор театрального училища

1999 г. «Хорошие и плохие». Компания «Телепроект», «Филм-ПРО»

2000 г. «Бременские музыканты и С0». Ленфильм. «Антреприза Александра Абдулова». Шут, сказочник

2000 г. «Тихие омуты». Киностудия «Луч», кинокомпания «Гулливер», кинокомпания «Три-ТЭ» при поддержке Госкомитета Российской Федерации по кинематографии. Хирург, академик Антон Павлович Каштанов

2000 г. «Рождественская мистерия». Ленфильм. Кукольных дел мастер

2001 г. «Желтый карлик». Группа компаний JP. Писатель Владимир Жаровский

2001 г. «Фаталисты». Телекомпания «REN TV». Клифорд Линде

2001 г. «Я виноват-2». АО «Цыганский кино концертный центр Д. Вешневского». Виктор Иванович

2002 г. «Next» (телесериал). Телекомпания «REN TV». Лавриков (Лавр), вор в законе

2002 г. «О’кей, или Дело в шляпе». Мосфильм, киностудия «Ритм». Аркадий Синихин

2002 г. «Ледниковый период» (телесериал). Кинокомпания СТВ. Игорь Клепко, подполковник милиции

2002 г. «Next-2» (телесериал). Телекомпания «REN TV». Лавриков (Лавр), вор в законе

2003 г. «А поутру они проснулись». Кинокомпания «Русский медведь». Угрюмый

2003 г. «Тартарен из Тараскона». Кинокомпания «Рекун-кино». Господин Безюке

2004 г. «Next-3» (телесериал). Телекомпания «REN TV». Лавриков (Лавр), вор в законе

2004 г. «Я тебя люблю» (телесериал). ЗАО «Кинокомпания «ДомФильм» при участии ООО «Студия Іллюзіон-films». Александр

2004 г. «О любви». Киноконцерн «Мосфильм», Студия «Круг», Студия «САС» при поддержке Министерства культуры РФ. Григорий Степанович Смирнов

2004 г. «Фабрика грез». Кинокомпания «Золотой век». Авшаров, актер-звезда

2005 г. «Дело о “мертвых душах”». Компания «Студия Павла Лунгина» по заказу Телеканала «НТВ». Ноздрев

2005 г. «Мастер и Маргарита». Ленфильм, Централ Партнершип. Коровьев

2005 г. «Адъютанты любви» (телесериал). Компания «АМЕДИА» по заказу Первого канала. Адмирал Нельсон

2006 г. «Парк советского периода». ПК «Слово», компания «ЮГ-В», компания «А.Г. Пикчерз» при поддержке Федерального агентства по культуре и кинематографии РФ. Приятель Олега Зимина

2006 г. «Полонез Кречинского». Кинокомпания «Филин Фильм». Князь

2007 г. «Ленинград» (телесериал). Кинокомпания «Ленинград продакшн инк.», кинокомпания «Нон-стоп продакшн» по заказу ОАО «1 канал». Чигасов

2007 г. «Капкан» (телесериал). Кинокомпания «Фаворит-фильм» по заказу «Централ Партнершип». Михаил Волобуев, известный фотокорреспондент

2007 г. «Артистка». ООО «Киностудия “Вертикаль”» на базе киностудии Мосфильм. Василий Босякин, театральный осветитель

2007 г. «Лузер». Кинокомпания «Фаворит-фильм». Дима

2007 г. «Маршрут». «ЛИНА». Проводник

2007 г. «Мишель Лермонтов». Киностудия «Шанс». Дед Лермонтова

2007 г. «Ниоткуда с любовью, или Веселые похороны». Кинокомпания «Фора-фильм Р» при поддержке Федерального агентства по культуре и кинематографии РФ. Художник

2008 г. «Анна Каренина». Федеральное агентство по культуре и кинематографии РФ, правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югра. Стива Облонский

Режиссерские работы

1990 г. «Задворки-3, или Храм должен остаться храмом» (фильм-концерт)

2000 г. «Бременские музыканты и C^{o}»

2007 г. «Лузер»

2007 г. «Выкрест». Не закончен

Сценарные работы

1990 г. «Задворки-3, или Храм должен остаться храмом»

1997 г. «Шизофрения»

2000 г. «Бременские музыканты и Co»

2007 г. «Лузер»

2007 г. «Выкрест». Не закончен

Продюсер

1997 г. «Шизофрения»

2001 г. «Бременские музыканты и Co»

2007 г. «Лузер»

2007 г. «Выкрест». Не закончен

Звания и награды

1986 г. Заслуженный артист РСФСР

1988 г. Признан лучшим каскадером за трюк в фильме «Убить дракона»

1991 г. Народный артист России

1997 г. Кавалер ордена Почета

1997 г. Лауреат премии «Хрустальная Турандот» в номинации «Лучшая мужская роль» за роль Алексея Ивановича в спектакле «Варвар и еретик» (театр «Ленком»)

1997 г. Приз за лучшую мужскую роль в фильме «Шизофрения» на V Всероссийском кинофестивале «Виват, кино России!»

1997 г. Лауреат премии «Чайка» (ТВ-6) в номинации «Некоторые любят погорячее» за роль Алексея Ивановича в спектакле «Варвар и еретик» (театр «Ленком»)

1998 г. Лауреат продюсерской премии «Золотой овен» на кинофестивале «Кинотавр» в номинации «Человек кинематографического года»

2000 г. Приз «Кривое зеркало» за лучшую мужскую роль в фильме «Тихие омуты» на кинофестивале «Улыбнись, Россия!»

2001 г. Приз «Золотая подкова» за режиссуру фильма «Бременские музыканты и Со» на фестивале фильмов о любви в Доме Ханжонкова

2001 г. Лауреат премии «Странник» Международной ассоциации фантастов в Санкт-Петербурге в номинации «Кинолегенда» за исполнение главных ролей в фильмах «Обыкновенное чудо» и «Убить дракона»

2002 г. Лауреат премии Международного благотворительного фонда им. К.С. Станиславского в номинации «Лучшая мужская роль» за роль Палача в спектакле «Плач палача» (театр «Ленком»)

2002 г. Самый популярный отечественный актер среди россиян в 2002 году по результатам опроса, проведенного компанией «Гэллап Медиа» по заказу журнала «7 дней»

2002 г. Приз за лучшую мужскую роль первого плана в телесериале «Next» на РТФ «Сполохи» в Архангельске

2002 г. Приз в номинации «Лучший актер года» на кинофестивале «Виват, кино России!»

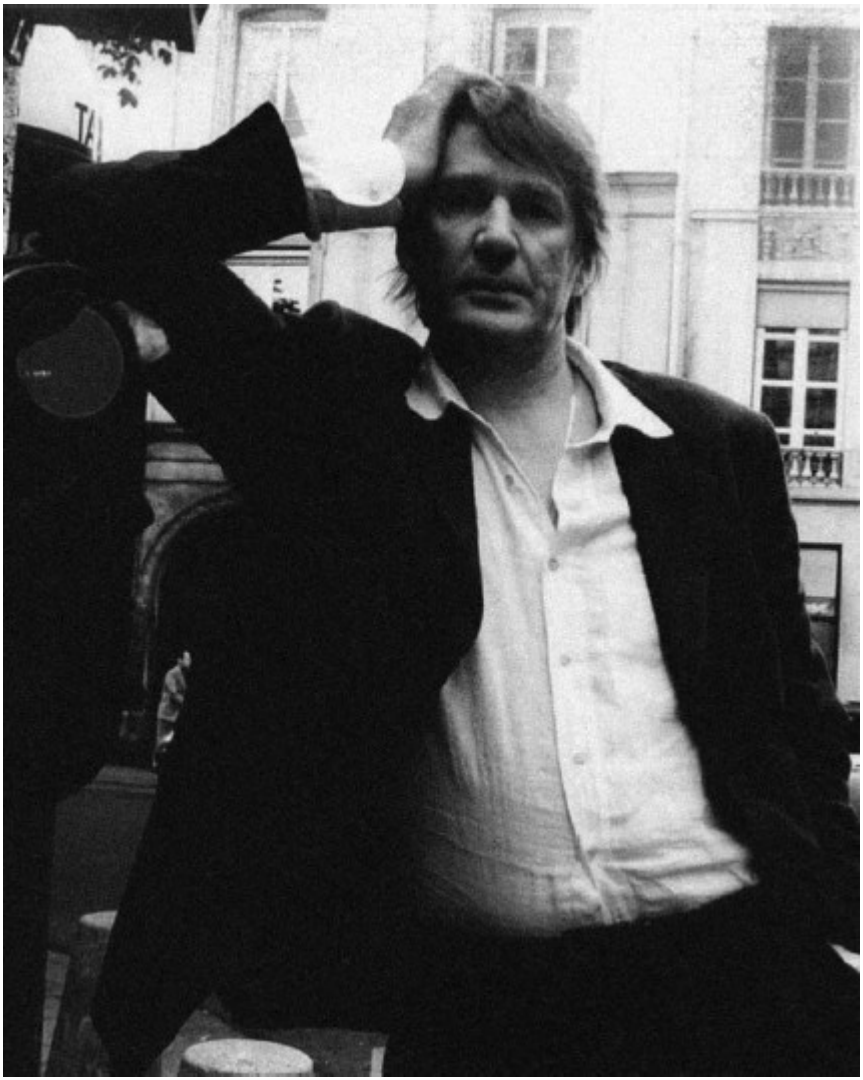
2003 г. Приз лучшему актеру телесериала «Next-2» на кинофестивале «Виват, кино России!»

2007 г. Орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени «За большой вклад в развитие театрального искусства и многолетнюю творческую деятельность»

2008 г. Премия «Золотой орел» в номинации «За лучшую мужскую роль второго плана» в фильме «Артистка». Посмертно

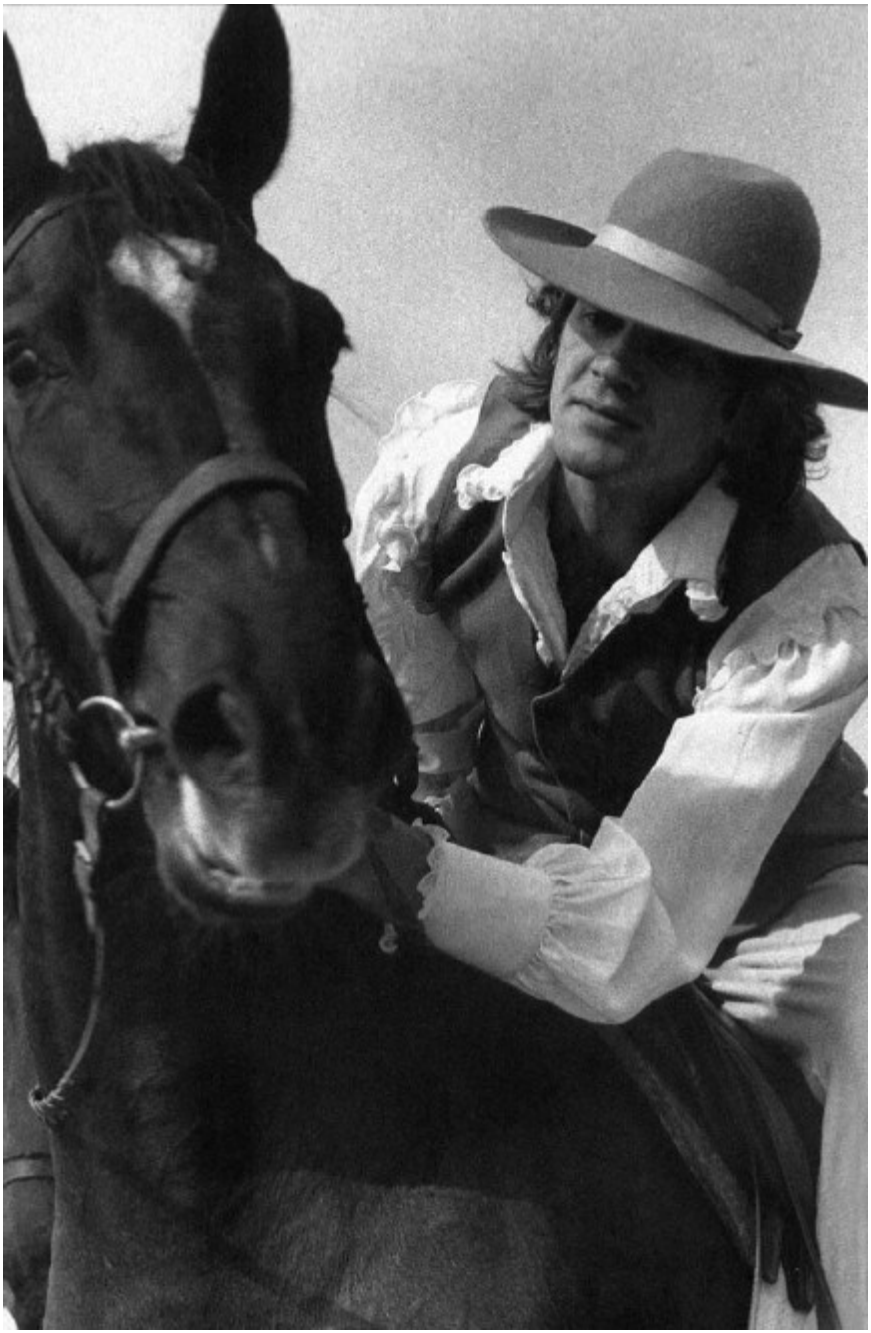
2008 г. Национальная кинематографическая премия «Ника» за 2007 г. в номинации «За выдающийся вклад в российский кинематограф». Посмертно

Вклейка



Александр Абдулов в Париже

Саша Абдулов – ферганское детство



В картине Марка Захарова «Обыкновенное чудо»

Александр Абдулов – Медведь

С Ириной Алферовой

МП ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Александр АБДУЛОВ:

Хочу разбить стереотип

С самого детства мальчик из небольшого узбекского города Ферганы мечтал о театре. И это неудивительно: Александр Абдулов рос в театральной семье. Его отец был актером и режиссером в Ферганском русском драматическом театре. И в этом же театре Саша в пять лет исполнял свою первую роль. Тогда все было просто. Вышел на сцену, сыграл такого же мальчика, каким он и был, разве что слова сначала запомнить было трудно. Настоящие сложности начались потом, когда не удалось поступить с первого раза в театральное училище. Александр вернулся обратно, но без театра не мог. Устроился рабочим сцены. А на следующий год снова в Москву. На этот раз успешно сдал экзамены и стал учиться в ГИТИСе. А скоро пришел первый успех. Главный режиссер Театра имени Ленинского комсомола Марк Захаров пригласил четверокурсника Абдулова на главную роль в спектакле по пьесе Б. Васильева «В списках не значился». Александр играл Николая Плужникова – последнего легендарного защитника Брестской крепости. Молодой актер, никогда не видевший войны, должен был в своей первой работе воплотить образ героя-солдата, человека другого поколения. О том, насколько удалась Абдулову эта роль, можно судить по отзыву старейшей советской актрисы Софьи Гиацинтовой: «Родился молодой актер, искренний и простой, без истеричности и без сентиментальности. Он безоглядно верит в чудо театра, и это делает его романтичным и трогательным».

Эта вера в чудо театра присуща артисту и сейчас. Им уже создано много ролей, в том числе и на телевидении. Но театр остается главным в жизни.

– Сейчас благодаря широкому потоку информации зритель знает о театре почти все,– говорит Александр Абдулов.– Он знает, как делается спектакль, что происходит за кулисами. И постепенно чудо теряет свое волшебство, миф становится обыденностью. Мне кажется, что театр всегда должен окружать романтический ореол, легенда.

Может быть, поэтому режиссеры часто давали Абдулову роли несколько романтически окрашенные. Такими были юноша-Медведь в «Обыкновенном чуде», Петр Гринев в «Капитанской дочке», Митя из фильма «С любимыми не расставайтесь» и другие. У многих зрителей создалось впечатление, что герои Абдулова всегда сентиментальны, лиричны и чуть-чуть наивны.

– Это очень плохо,– говорит Александр.– Мне хочется разбить этот стереотип, чтобы зритель видел в моих героях не только маску, уже сложившийся типаж, но и самого актера. Сейчас своими ролями я стараюсь доказать, что способен создать и острохарактерные образы.

Можно с уверенностью сказать, что Абдулову это удалось. Роль Сиплого, помощника Вожака анархистов из спектакля по пьесе Вс. Вишневского «Оптимистическая трагедия», которую сейчас играет актер, совершенно не соответствует его прежним ролям. Циничный и жестокий Сиплый совсем не похож на романтичного героя.

В Театре имени Ленинского комсомола, где выступает Абдулов, много замечательных актеров разных поколений. Театр пользуется у зрителей огромной популярностью. Билеты на спектакли достать порой просто невозможно. Недавно театр с успехом выдержал экзамен у парижского зрителя.

– Мы очень волновались,– говорит Александр,– особенно молодые актеры. Ведь впервые приходилось выступать на сцене далеко от дома, в незнакомой обстановке, да еще не на языке зрителя. Сможем ли донести до новых зрителей свои мысли и чувства, добраться до их душ?

Цель была достигнута: успех был несомненным. Театр пробыл во Франции сорок пять дней и дал за это время 28 представлений. Все они проходили при полном зале, и каждый раз после окончания спектакля труппу награждали долгими аплодисментами.

...Ритм жизни у актеров всегда очень напряженный, и Абдулов не служит исключением. Съемки на «Мосфильме», репетиции спектакля в театре, участие в новой программе на телевидении, а вечером – представление.

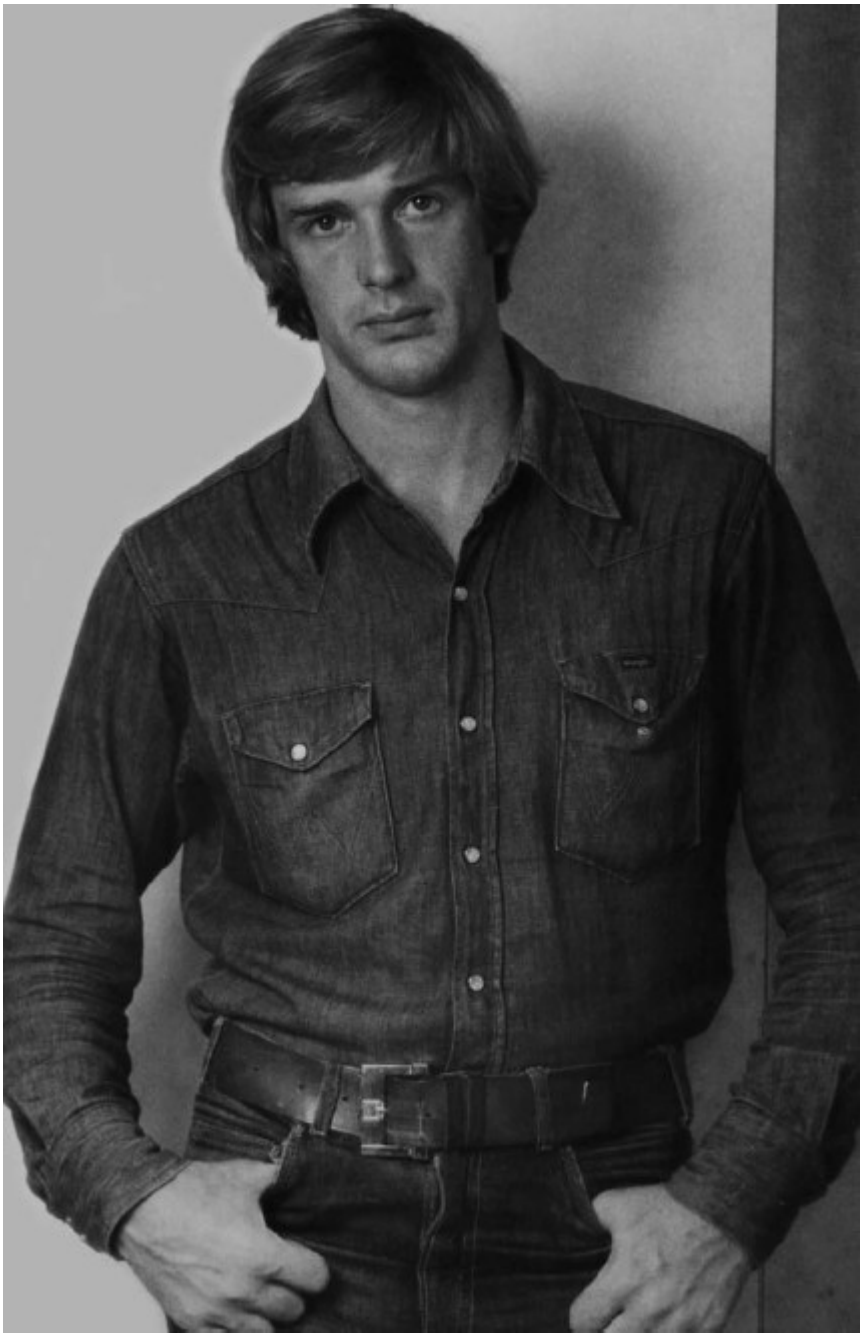
– Актер – человек жадный,– признается Абдулов.– Сколько бы ролей ни сыграл, хочется еще. И главное – верить, что лучшая впереди, и ты ее обязательно когда-нибудь сыграешь.

Андрей МОСЕСОВ.

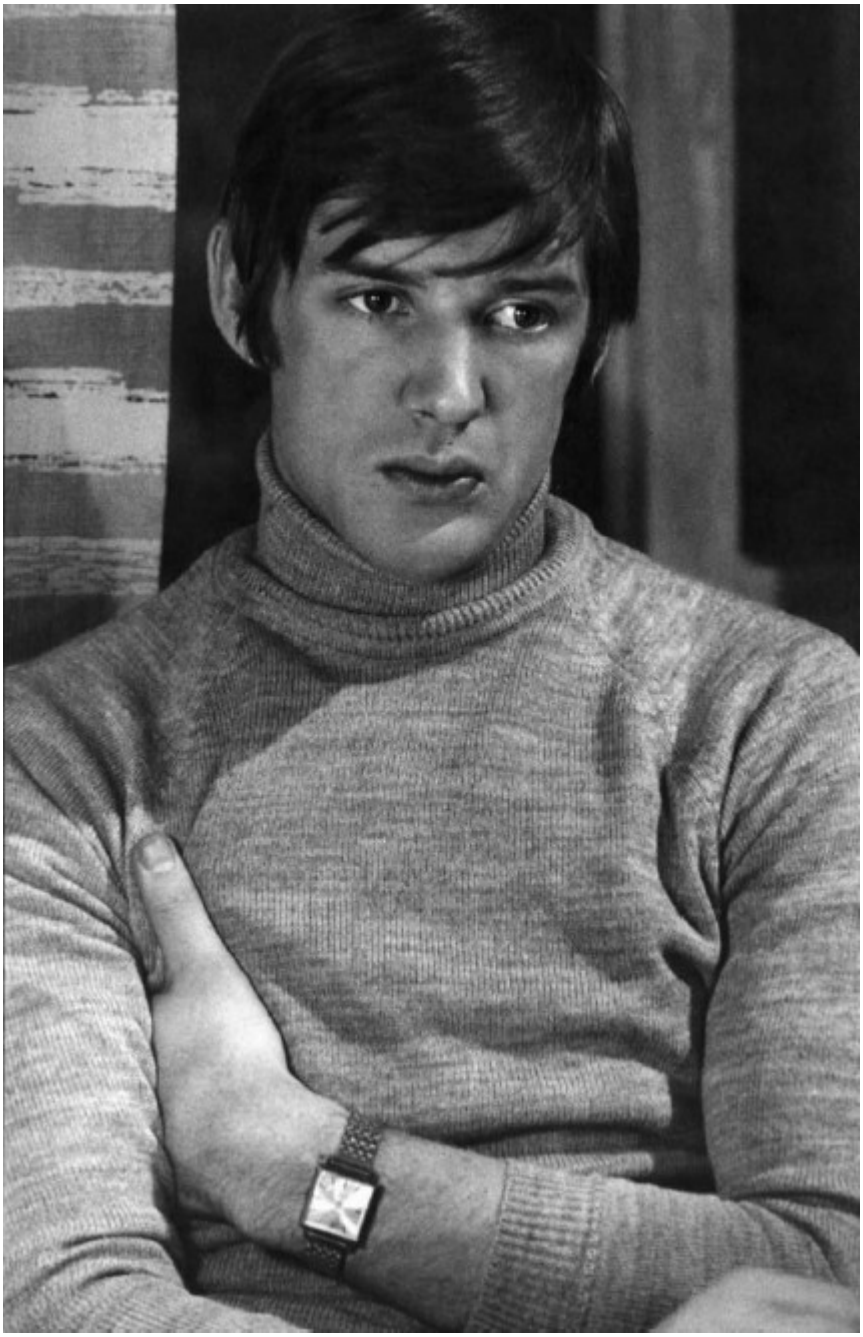
Одно из первых интервью, газета «Московские новости»

Первая роль в театре «Ленком» – лейтенант Плужников в спектакле по повести Бориса Васильева «В списках не значился»

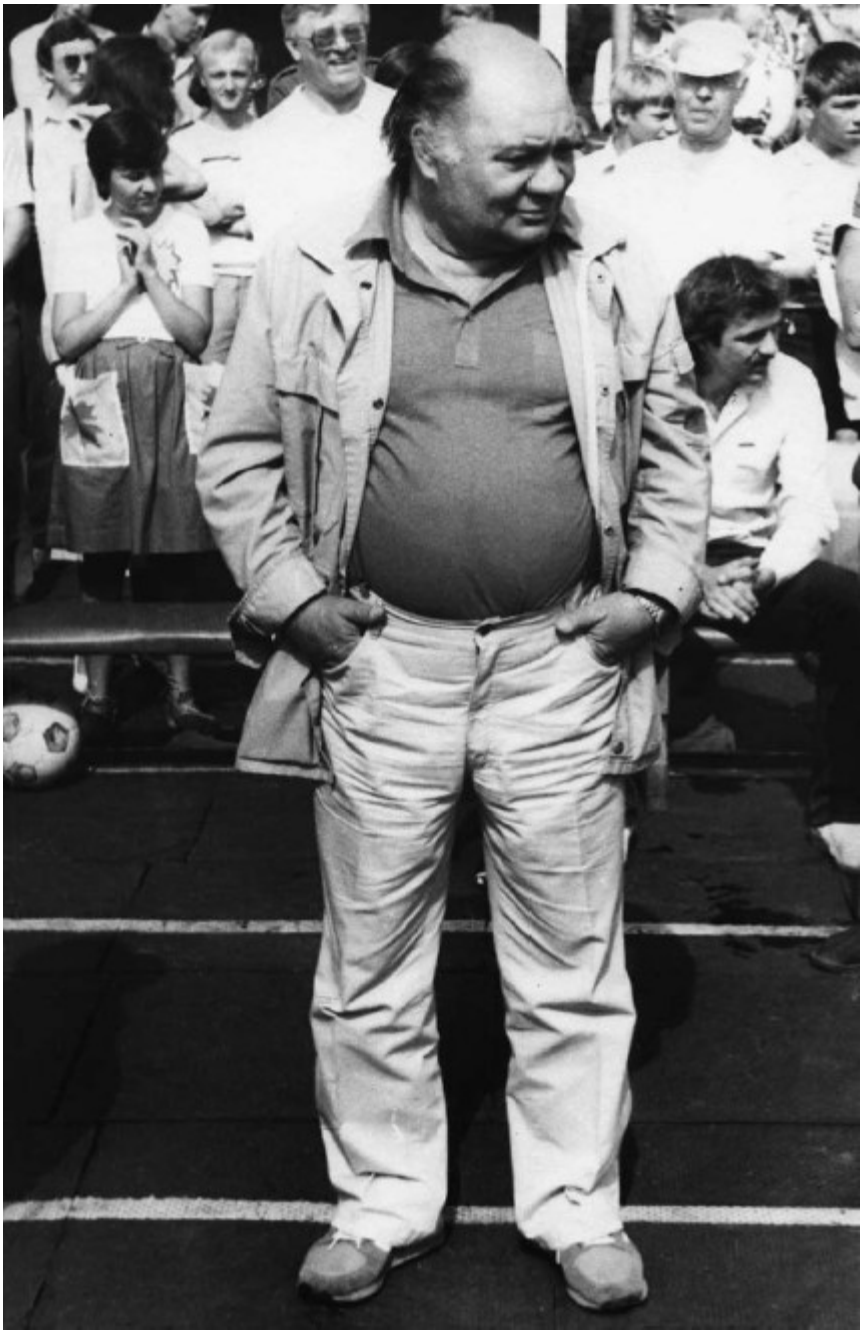
С Олегом Янковским



Спектакль театра «Ленком» «Жестокие игры» по пьесе Алексея Арбузова. С Татьяной Догилевой



Ланцелот в фильме Марка Захарова «Убить дракона»

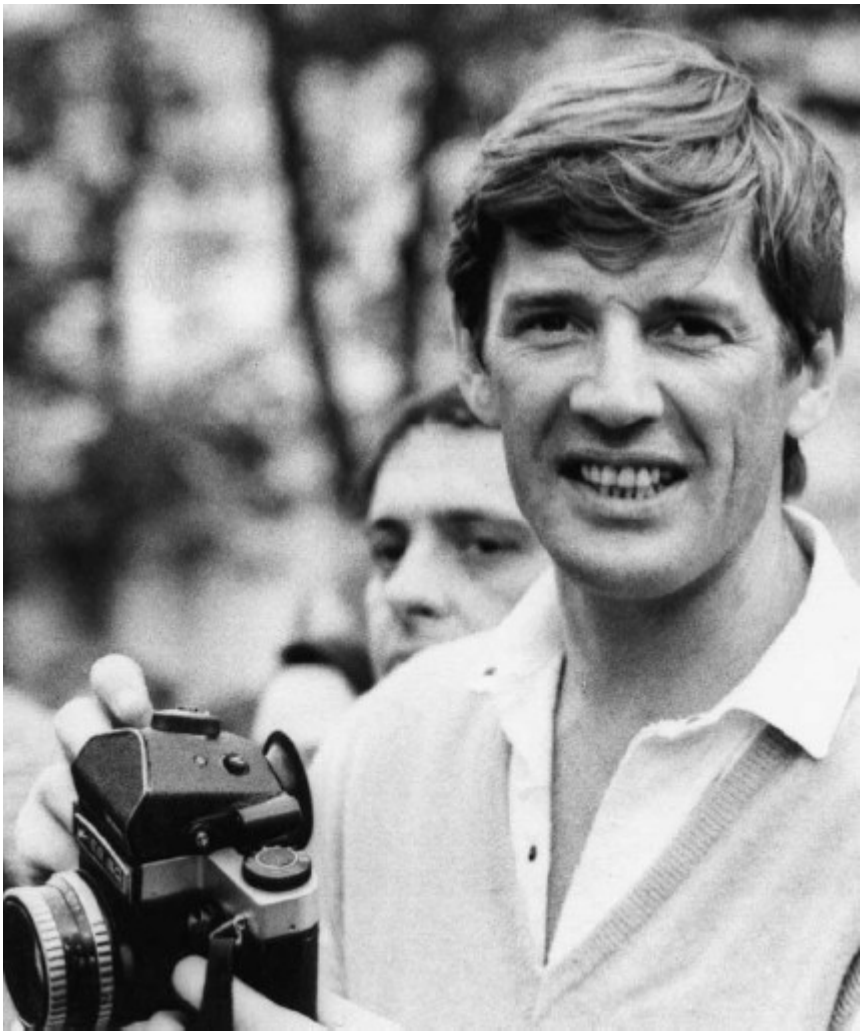


Евгений Леонов болеет за коллег

Звезды театра и футбола

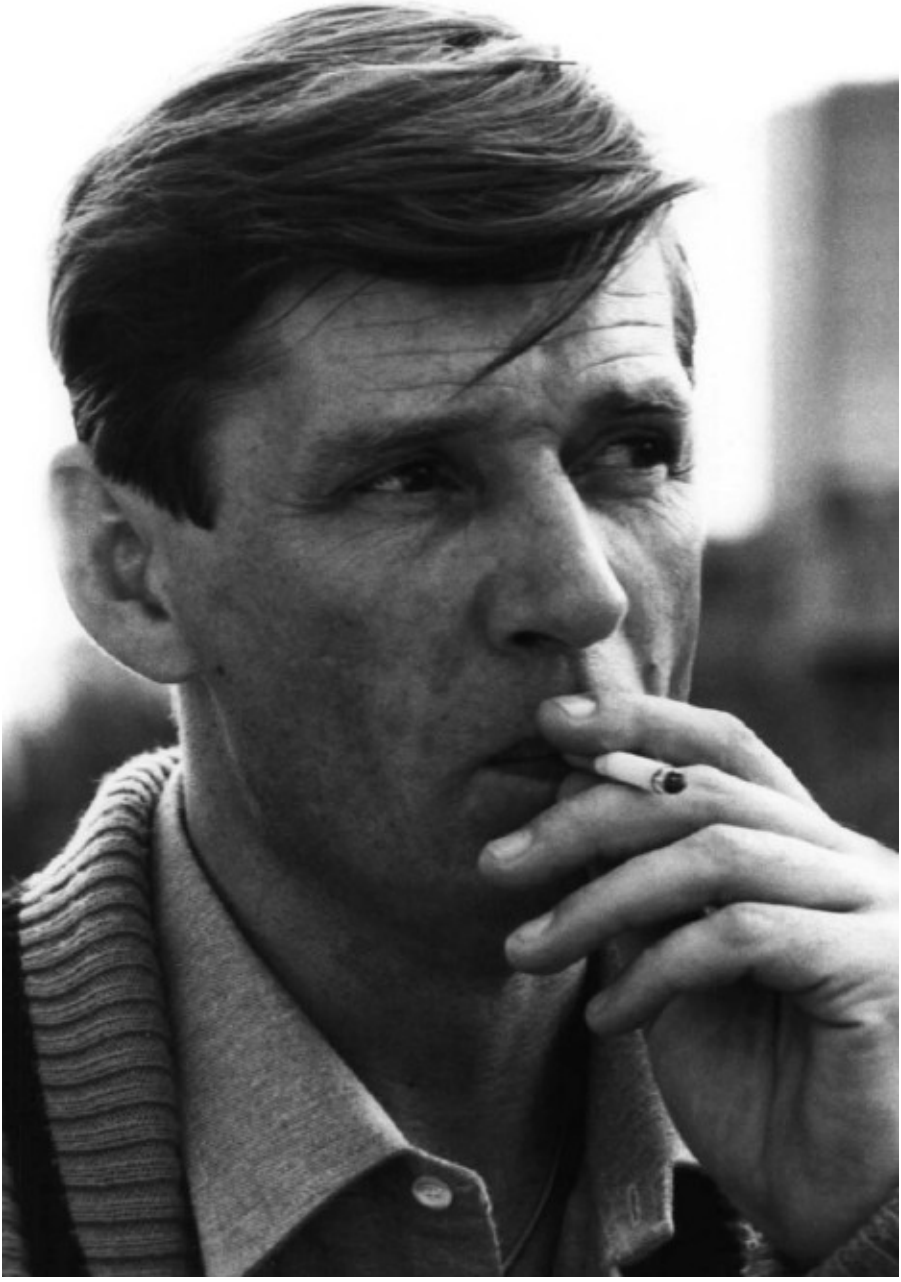
В спектакле Глеба Панфилова «Гамлет», Александр Абдулов – Лаэрт

С Александром Збруевым



С Николаем Караченцовым. Сцена из спектакля по пьесе Дмитрия Липскерова «Школа для эмигрантов»

С Ириной Алферовой. Юбилей Александра Абдулова



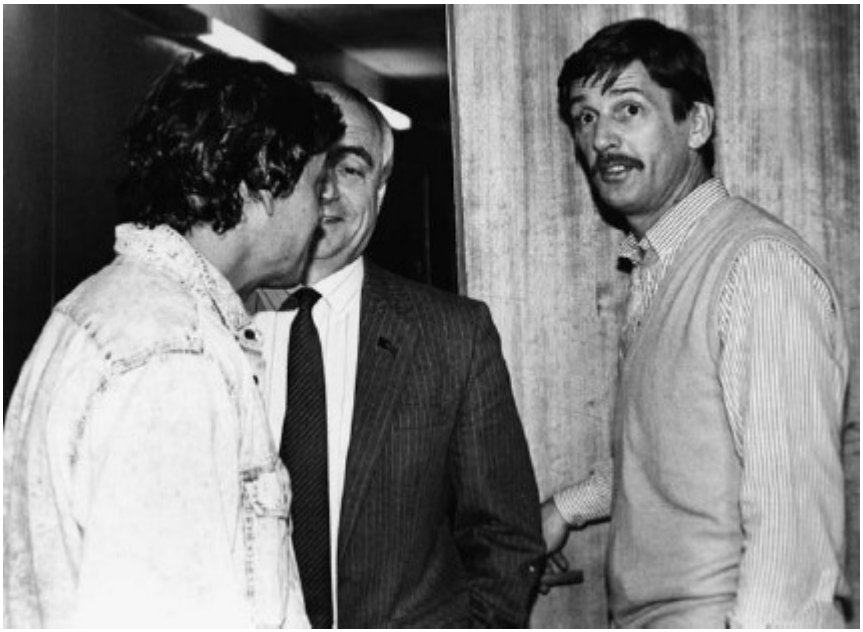
«Храни меня, мой талисман» – фильм Романа Балаяна. Александр Абдулов и Олег Янковский

Спектакль «Поминальная молитва».
Александр Абдулов – Менахем

«Ничего, что я куру?», с Аней Соловьевой

С Татьяной Друбич

«Дом по звездным небом»



С Николаем Кораченцовым и Марком Захаровым

С Сергеем Соловьевым

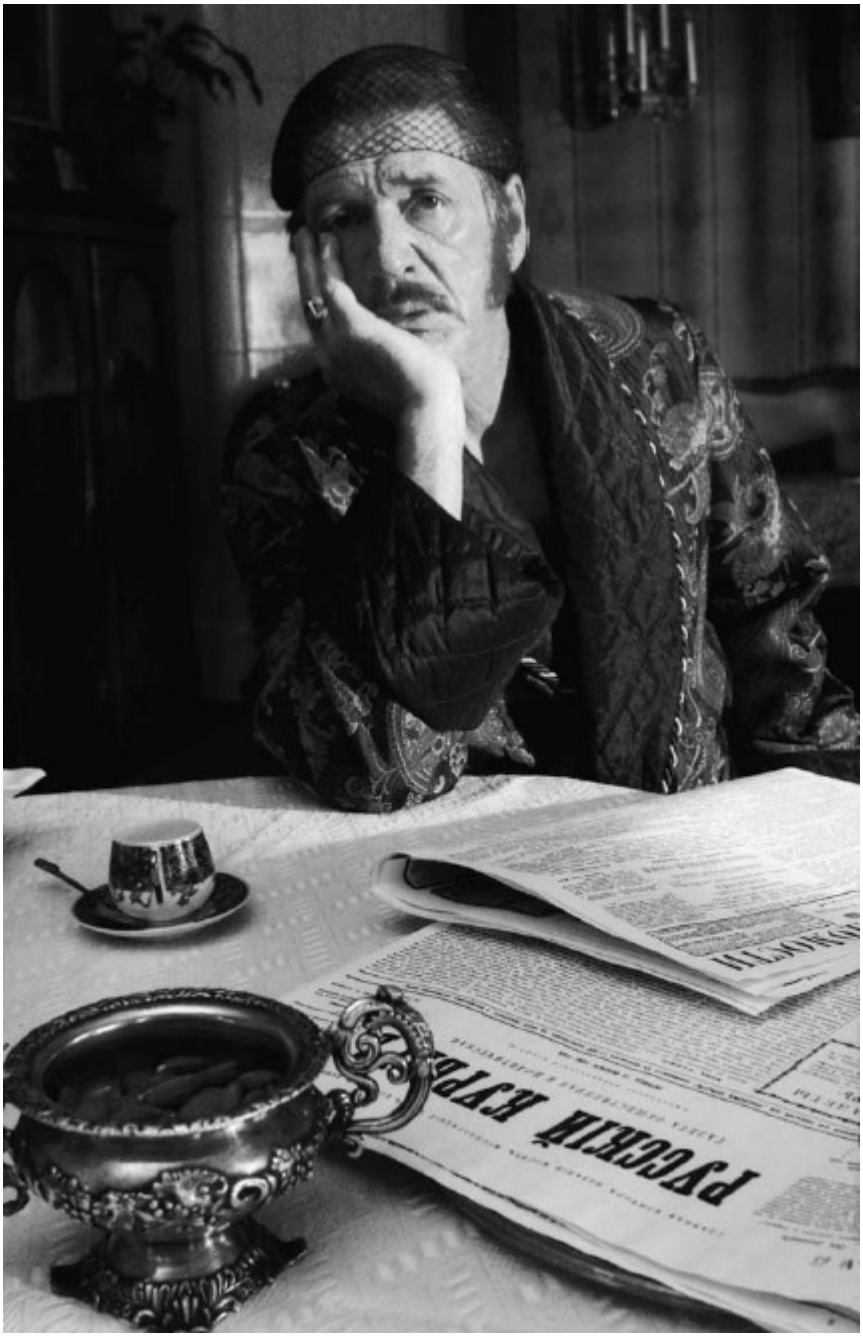
С Михаилом Пуговкиным. «Бременские музыканты и С°»

Со Спартаком Мишулиным. Шут и Сыщик

Шут и принцесса

Фильм Сергея Соловьева «О любви...». С Татьяной Друбич

Фильм Сергея Соловьева «Анна Каренина». Александр Абдулов – Стива, Татьяна Друбич – Анна



Последняя роль в кино Александра Абдулова – Стива Облонский